

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Фракция КПРФ –
фракция большевиков в Государственной Думе:
110 лет на службе народу

Издание Государственной Думы
2017

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Фракция КПРФ –
фракция большевиков в Государственной Думе:
110 лет на службе народу

Издание Государственной Думы
Москва • 2017

УДК 329.15(470)
ББК 66.69(2Рос)

Ф82

Автор-составитель:

И. Н. Макаров, главный референт аппарата
фракции политической партии «Коммунистическая партия
Российской Федерации» в Государственной Думе

Ф82 **Фракция КПРФ – фракция большевиков в Государственной
Думе: 110 лет на службе народу.** – М.: Издание Государственной Думы,
2017. – 160 с.

УДК 329.15(470)
ББК 66.69(2Рос)

Содержание

Предисловие председателя ЦК КПРФ, руководителя фракции КПРФ в Государственной Думе Г. А. Зюганова	4
Провал Булыгинской думы	6
От бойкота Думы – к активному использованию парламентской трибуны	14
Против «ликвидаторства» и «отзовизма»	51
Пятеро бесстрашных и один провокатор	79
Уроки «красного парламентаризма» и современность	111
Краткий указатель имён, упоминаемых в тексте	118
Источники и литература	151
Об авторе	159

Обращение к читателям

Перед вами – уникальное в своём роде издание. Впервые за три последних десятилетия в нём дан обзор парламентской деятельности большевистской партии – той партии, которая в XX веке преобразила облик не только нашей страны, но и всего мира.

Напомню, что сто один год тому назад, летом 1916 года, лидеры шести фракций Государственной Думы, в которой уже не было ни одного большевика, заявили последнему царю: «Империя распадается, промышленность останавливается, армия дезертирует. Мы должны что-то срочно делать, создать правительство, подконтрольное Думе. Иначе всех нас ждёт неминуемый крах!» Но никто: ни откровенно слабый самодержец, ни Временное правительство – уже не могли предотвратить катастрофу. Только партия, созданная Лениным, взяв власть в свои руки, упредила трагический для судьбы российского государства исход.

Сегодня необходимо по-новому взглянуть и по достоинству оценить вклад, который внесла в строительство великой державы партия большевиков. Особенно важно поставить, наконец, заслон мутной пене антисоветизма и оголтелой русофобии, заполонившей не только ведущие телеканалы, но и школьные учебники. Опыт личного общения не раз позволял убеждать, что даже люди зрелого возраста толком не знают истории родной страны.

Вдумчивое изучение прошлого опыта помогает лучше понять сущность современных политических процессов, выработать верную стратегическую линию. Сейчас, когда очередной капиталистический кризис, способный привести к новой мировой войне, «нависает» над человечеством, очень многие на планете с возрастающей надеждой думают о социализме. В наших руках сегодня мощное оружие – основанная на ленинско-сталинской теории и практике Антикризисная программа КПРФ.

Книга ценна и тем, что автор не ограничился рамками дореволюционной России, им удачно, на мой взгляд, проведены параллели с днём сегодняшним. Для нас, нынешних коммунистов – депутатов Государственной Думы, образы предшественников всегда были и остаются немеркнущими нравственными ориентирами.

От имени фракции хочу выразить благодарность И. Н. Макарову за проделанную большую работу.

Г. А. Зюганов,
председатель ЦК КПРФ,
руководитель фракции политической партии
«Коммунистическая партия Российской Федерации»
в Государственной Думе

Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) – старейшая из всех политических партий нашей страны. Основанная в марте 1898 года, Компартия России за свою вековую историю накопила уникальный опыт революционной борьбы, а затем и государственного строительства, обладает богатейшим арсеналом форм и методов как парламентской, так и внепарламентской деятельности.

Одно из ключевых положений преамбулы её Устава говорит о том, что КПРФ «продолжает дело КПСС и КП РСФСР, являясь их идейным преемником» [1]. Важным этапом становления ленинской партии в годы, предшествовавшие Великой Октябрьской социалистической революции, был период её легальной, думской работы. Эта работа в то время была полностью подчинена решению революционно-демократическими силами стоящих перед всеми задач по свержению отжившего самодержавия, преодолению вековой социально-экономической и культурной отсталости России. Без жёстких и бескомпромиссных схваток группы большевистских депутатов с монархическим, черносотенным крылом Государственной думы, никакие демократические преобразования политического строя были бы попросту невозможны. Большевистская партия, безусловно, внесла тогда весомый вклад в борьбу не только за парламентскую демократию, но и за всеобщее избирательное право.

Теперь, когда всенародные выборы воспринимаются в России и во всём цивилизованном мире как нечто само собой разумеющееся, зачастую забывается, какой ценой была завоёвана эта, одна из фундаментальных гражданских свобод. Более того, находятся те, кто очень желал бы повернуть «колесо истории» вспять. Некоторые «ультралиберальные» публицисты договариваются до того, что для успешной модернизации нашей страны необходимо, дескать, вернуться к введению имущественного ценза на выборах любого уровня. «Политические формы, в которых происходила модернизация, были многообразны: от просвещённого абсолютизма в Пруссии до республики в США, – пишет Ю. Латынина. – Общим было только одно: ни одна не предусматривала всеобщего избирательного права, и любые либералы, включая Джефферсона, Мэдисона, Джона Стюарта Милля и пр., глядели на всеобщее избирательное право как на конец цивилизации, чреватый хаосом и социализмом» [2].

Примечательно, что всеобщее избирательное право ассоциируется у такого рода демагогов именно с социализмом. Действительно, ни один из «дореволюционных» режимов власти – будь то Российское самодержавие или Временное правительство буржуазно-демократической республики – так и не предоставил право выбирать и быть избранным любому гражданину страны вне зависимости от пола, имущественного положения, национальности или религиозной принадлежности. Под силу это оказалось только Советской власти, руководящим ядром которой и была Коммунистическая партия.

Развенчание всевозможных фальсификаций истории XX века, искажений теории и практики большевизма, решительная и последовательная

борьба против антикоммунизма и антисоветизма являются, на наш взгляд, одними из самых актуальных политических задач современности. Вместе с тем становление парламентской деятельности партии, сумевшей затем в течение более ста лет играть ведущую роль на общественном поле страны, выступающей и сегодня в качестве массовой и влиятельной общероссийской организации, представляет несомненный научный и практический интерес.

В одном кратком документальном очерке невозможно, да и нет необходимости давать подробную хронологию деятельности четырёх царских Дум. Настоящее издание представляет собой попытку показать не только «узловые» моменты истории «красного парламентаризма» в дореволюционной России, но и традиции проведения предвыборных кампаний и парламентской борьбы большевистской партии, которые продолжает фракция КПРФ в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации сегодня. В круг задач автора не входило также воссоздание, даже в самом сжатом виде, истории зарождения в годы первой русской революции Советов рабочих и крестьянских депутатов как органов общественного управления, альтернативных государственным. Генезис советской формы народовластия – тема отдельного большого исследования.

Основу настоящей работы составил анализ материалов съездов и конференций РСДРП, большевистской и непартийной печати того времени, ряда работ В. И. Ленина и его соратников, воспоминаний рабочих депутатов и старых большевиков, произведений политических противников ленинизма, статей и монографий советских и современных российских авторов на интересующую нас тему. Кроме того, в книге использованы документы Коммунистической партии Российской Федерации, статьи и выступления председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова и других руководителей партии, публикации средств массовой информации на злободневные темы.

Провал Бульгинской думы

Начало отечественному парламентаризму положили революционные события 1905 года. В Российской империи к этому времени были все условия для мощных социальных потрясений. Глубокая экономическая и культурная отсталость, неразрешенность ключевого для огромной крестьянской страны аграрного вопроса, межнациональные противоречия, острейший духовный кризис углублялись политическим бесправием граждан, тотальной коррупцией и произволом чиновничества. Русско-японская война 1904–1905 годов обнажила поистине чудовищные масштабы казнокрадства и другие симптомы разложения правящей элиты, её неспособность обеспечить поступательное развитие страны. Россия вплотную приблизилась к опасной черте.

Катализатором будущего социального взрыва выступил сильнейший экономический кризис, с большой силой ударивший и по текстильным предприятиям Москвы и Иваново-Вознесенска, и по шахтам Донбасса, и по нефтепромыслам Баку. Только в одной металлургической отрасли было уволено 53 % рабочих. В Москве и губернии было закрыто 50 фабрик, более 25 тысяч

человек выброшены на улицу. Общая численность рабочего класса России в это время сократилась не менее чем на 15 %¹ [3, с. 158].

Стачки и забастовки становились частым явлением русской общественной жизни. Если в 1895–1900 гг. по тем или иным причинам бастовало не более 4 % промышленных рабочих, то к 1904 году их численность достигла 13,2 %. Наиболее массовая стачка произошла на юге России летом 1903 г., охватив всю Украину, Кавказ и Крым. В ней приняли участие около двухсот тысяч человек [Там же, с. 162].

3 января 1905 года на Путиловском заводе Петербурга в ответ на увольнение четверых рабочих вспыхнула мощная забастовка. Постепенно она перекинулась и на другие предприятия столицы. Через несколько дней бастовал уже почти весь город. Чтобы пресечь дальнейшее нарастание протестной волны, власти решились на масштабную кровавую провокацию.

Воскресным днём, 9 (22) января 1905 года, свыше ста сорока тысяч рабочих и служащих, ведомых секретным осведомителем царской охранки священником Георгием Гапоном, с портретами Николая II, иконами и хоругвями направились к Зимнему дворцу. Они хотели вручить царю петицию, начинавшуюся словами: «Государь! Мы, рабочие и жители города Санкт-Петербурга разных сословий, наши жены, и дети, и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают всё дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришёл тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук» (цит. по: [4]).

Однако на коленопреклонённые мольбы адресат ответил пулями, штыками и нагайками. Более тысячи человек было убито и около двух тысяч – ранено. Акция устрашения возымела обратный эффект. Возмущение этой невиданной бойней прокатилось по всей Империи. На следующий же день, 10 января, началась всеобщая забастовка в Москве. Постепенно она охватила ведущие промышленные центры. Количество бастующих быстро достигло полумиллиона человек. В течение года самими властями было зарегистрировано свыше трёх тысяч крестьянских волнений.

К осени 1905 года в стачечном движении участвовало более двух миллионов человек. Кроме того, впервые с 1825 года началась череда революционных выступлений в армии и на флоте. Первыми восстали матросы броненосца «Князь Потёмкин-Таврический». Своей вершины революция достигла в Декабрьском вооружённом восстании рабочих в Москве. Кровавопротитные вооружённые столкновения вначале с полицией, а затем уже с регулярными войсками имели место в Красноярске и Чите, Новороссийске и Мотовилихе (Перми), Нижнем Новгороде и Ростове-на-Дону.

¹ К началу XX века на крупных промышленных предприятиях 50 губерний европейской России насчитывалось 1,2 млн фабрично-заводских рабочих, 477 тыс. горных рабочих, 469 тысяч железнодорожных рабочих. Таким образом, общая численность пролетариата этих губерний достигала 2,2 млн человек [3, с. 153].

В такой обстановке правительство и предприняло первую попытку реформирования государственного управления. На имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина царём был направлен «высочайший рескрипт» с предложением привлечь «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений». 6 августа 1905 года был опубликован Манифест императора Николая II «Об учреждении Государственной думы». Выборы в новый «законосовещательный» государственный орган должны были проводиться губернскими избирательными собраниями выборщиков по трём так называемым «куриям»: **землевладельцы**, имеющие не менее 125 десятин земли; **горожане**, владевшие недвижимым имуществом на сумму не менее чем в полторы тысячи рублей; **крестьяне-домовладельцы**.

Яркий публицист и литературный критик В. В. Воровский в своей брошюре «О Государственной Думе» так разъяснял порядок и политический смысл избрания «уполномоченных»: «По губерниям выборы происходят в губернских избирательных собраниях. Эти собрания состоят из выборщиков, избираемых: 1) съездами уездных землевладельцев, 2) съездами городских избирателей и 3) съездами уполномоченных от волостей и станиц <...>

На волостных сходах выбираются представители от волостей, по два от каждой волости. Они собираются на уездный съезд и выбирают выборщиков в избирательное собрание. И только эти выборщики будут вместе с выборщиками от других разрядов избирать в Думу. Надо при этом заметить, что и на волостных сходах участвуют не все крестьяне, а только домохозяева, избранные отдельными селениями – по одному на десять дворов. Значит, все недомохозяева: младшие братья, бездомные, батраки и тому подобные лица – лишены права выборов... Таким образом, деревенской бедноте, всем малоземельным и безземельным, безлошадным и бескоровным, батракам и подёнщикам придётся остаться без своих представителей, без своих защитников» [5, с. 148–150].

Даже таких куцых «законосовещательных» избирательных прав фактически были лишены не только сельская беднота и городской пролетариат, но и студенты, ремесленники, служащие. В выборах также не могли участвовать лица моложе 25 лет, женщины и так называемые «бродячие инородцы». Абсолютное большинство Думы, по замыслу правительственных чиновников, должны были составить помещики, заводчики и фабриканты. Крестьянам же (около 80 % всего населения Империи) предоставлялось 51 место из 412, то есть по одному человеку от губернии.

О многомиллионных сословиях, которые не могли иметь своих представителей в Думе, нагляднее всего свидетельствуют данные первой Всеобщей переписи населения, проведённой в 1897 году.

Распределение населения России по сословиям и состояниям по данным переписи 1897 года [6]

Сословия и состояния	Человек	%
Дворяне потомственные	1 221 939	0,97
Дворяне личные и чиновники с семьями	631 245	0,50
Духовенство христианских исповеданий с семьями	589 023	0,47

Сословия и состояния	Человек	%
Потомственные и личные почётные граждане с семьями	343 111	0,27
Купцы с семьями	281 271	0,22
Мещане	13 391 701	10,66
Крестьяне	96 923 181	77,12
Казачи	2 929 313	2,33
Иностранцы	8 297 965	6,60
Финляндские уроженцы	35 934	0,04
Иностранные подданные	605 683	0,48
Прочие	425 748	0,34
Всего	125 680 682	100

Вопрос об отношении к Булыгинской думе встал тогда в центре всей общественной жизни России. Разразившаяся революция потребовала срочной мобилизации от всех оппозиционных сил. Поскольку наиболее организованным классом страны был промышленный пролетариат, особое место среди них занимала **Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП)**².

Партия уже два года находилась в состоянии внутриагганизационного кризиса. Оставаясь лишь формально единой, она постепенно превращалась в арену острого противостояния своих «крыльев»: революционного, большевистского, возглавляемого В. И. Лениным, и реформистского, меньшевистского, во главе с Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, Ю. О. Мартовым.

Дело было не только и не столько в различном видении формулировок уставных и программных положений. «Ключом к более глубокому пониманию русского исторического процесса XIX – начала XX в., его крайней противоречивости, повышенной конфликтности, противоборства различных альтернатив является концепция запоздалости, вторичности российского капитализма», – указывает П. В. Волобуев [7, с. 89]. На основе

² Первые социал-демократические партии возникли в 60–70-е годы XIX века на территории ряда государств Западной Европы в качестве политических организаций, отстаивающих классовые интересы промышленных рабочих. В основу программ социал-демократов было положено учение К. Маркса и Ф. Энгельса об уничтожении эксплуатации человека человеком как социального явления, преодолении антигуманного капиталистического жизнеустройства посредством установления диктатуры пролетариата и революционном прорыве человечества в новую историческую эпоху – коммунизм. В 1889 году социал-демократические партии учредили своё международное объединение – Социалистический (Рабочий) Интернационал, который унаследовал традиции Международного товарищества рабочих – Первого Интернационала, распавшегося в 1872 году. Новый, Второй Интернационал был более однородным в идейном и организационном плане, поскольку в него не вошли сторонники анархизма (политического направления, выступающего за абсолютную свободу личности и немедленное уничтожение всех форм её подавления, прежде всего государства). Со второй половины XX века и по настоящее время в силу многих причин идеология Социинтерна не имеет ничего общего с марксизмом.

Российская социал-демократическая рабочая партия была образована в Минске (столице современной Беларуси) 1–3 (13–15) марта 1898 года путём слияния в единое целое разрозненных марксистских кружков. I съезд РСДРП не выработал ни партийной программы, ни устава, ограничившись принятием Манифеста партии. Ведущие теоретики русского марксизма Г. В. Плеханов и В. И. Ленин на данном съезде отсутствовали. *(Здесь и далее примечания автора.)*

фундаментального анализа, проведённого в работе «Развитие капитализма в России», Ленин пришёл к выводу о его значительном историческом своеобразии по сравнению с западноевропейским. Следуя за К. Марксом, сравнивающим в своё время отстающую Германию с Англией и Францией, Ленин на примере России вновь показал, как «количество отсталости начинает переходить в качество – в особый тип развития». Для данного типа характерны «переплетение и взаимосвязь передовых и отсталых форм капитализма между собой и с докапиталистическими отношениями, борьба передовых укладов со "шлейфом" отсталых укладов, а отсюда противоречивость и конфликтность всего общественного развития» [Там же, с. 123]. Следовательно, «русский путь» в капитализм не будет простым повторением западного пути.

Исходя из таких теоретических обобщений, большевики полагали, что ни один коренной вопрос жизни России не может быть решён без революции. Но в отличие от стран Западной Европы, где роль вождя антимоноархических революций играла молодая буржуазия, русский капиталистический класс в силу своей слабой организованности и полной зависимости от царизма был неспособен к борьбе за буржуазно-демократическое преобразование страны. По этой причине, отмечал В. В. Шелохаев, большевики «считали сотрудничество с буржуазной демократией принципиально неприемлемым и развращающим сознание рабочего класса. В их представлениях наиболее продуктивным союзником в предстоящей демократической революции могло стать крестьянство, кровно заинтересованное в ликвидации помещичьей земельной собственности и архаичных пережитков в деревне» [8].

Другая, меньшевистская, часть партии, напротив, весьма скептически оценивала перспективы союза российского пролетариата с крестьянством, выступая за активное взаимодействие социал-демократов с ориентированной на «просвещённый» Запад либеральной буржуазией. На «западничество» – одну из сущностных черт меньшевизма как идейно-политического течения российской общественной мысли – в своё время обращал внимание в лекциях по истории партии старый революционер-большевик, профессор МГУ Н. Н. Батурин: «Меньшевики как друзья всего заграничного ненавидели большевизм по самой его природе, указывая, что это продукт российский, это своего рода азиатчина. Себя они считали представителями европейского рабочего движения» [9, с. 548].

Под влиянием ленинской части РСДРП в 1903 году, на том историческом II съезде партии, где и произошло размежевание на «большинство» и «меньшинство»³, была принята довольно радикальная политическая программа борьбы за свержение самодержавия, учреждение демократической

³ II съезд РСДРП, состоявшийся летом 1903 года в Брюсселе и Лондоне, не принял ленинскую формулировку первого параграфа Устава партии: «Членом партии считается всякий, признающий её программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций» (цит. по: [11, с. 23]). Напротив, 28 голосами делегатов против 22 и при одном воздержавшемся прошла формулировка Ю. Мартова, не требовавшая обязательного личного участия партийца в деятельности одной из организаций, а следовательно, строгого подчинения партийной дисциплине. Ленин и его единомышленники стали именоваться «большевиками», получив численный перевес при выборах руководящих органов партии.

республики, конфискацию помещичьих земель, установление подлинного национального равноправия. Для воплощения столь амбициозных целей требовалась крепкая, идейно-спаянная организация, построенная на принципах чёткой централизации и дисциплины. Эти принципы органично выростали из тех качеств, которые присущи промышленному рабочему классу и связаны с его особым местом в системе общественного производства. Именно в лице пролетариата, как подчёркивал Ленин, партия должна иметь «вполне определённый и строго классовый базис» [10, т. 14, с. 80].

Меньшевики же тяготели к созданию «рыхлой», организационно не оформленной партии, больше напоминающей дискуссионный клуб. «К лету 1905 г., – указывает И. Х. Урилов, – в РСДРП насчитывалось 26,5 тыс. членов (14 тыс. большевиков и 12,5 тыс. меньшевиков). В 1907 году численность партии возросла до 45 тыс. членов в меньшевистской фракции РСДРП и около 60 тыс. в большевистской... Среди социал-демократов в 1905 г. было 60,8 % русских, 18,8 % евреев, 10,8 % украинцев, 6,4 % грузин, 1,3 % поляков, 1 % латышей, 0,3 % белорусов и т. д. ... Среди них в 1905–1907 гг. было 64 % пролетариев, 4 % служащих и 32 % интеллигентов» [12, с. 233].

Несмотря на общий революционный подъём в стране, В. И. Ленин предлагал трезво оценивать возможность участия партии пролетариата в каких-либо представительных учреждениях, создаваемых самодержавием: «Ответить категорически, следует ли участвовать в земском соборе, нельзя. Всё будет зависеть от политической конъюнктуры, системы выборов и других конкретных условий, которых заранее учесть нельзя. Говорят, земский собор – это обман. Это верно, но иногда для того, чтобы разоблачить обман, надо принять участие в выборах» [10, т. 10, с. 123]. Выводы дальновидного партийного лидера послужили своего рода «холодным душем» для некоторых «горячих голов», которые в категоричной форме отвергали участие в любых «правительственных комиссиях», в любых выборах «народных представительств». Такой «крайней» позиции придерживались тогда А. А. Богданов, Л. Б. Красин и некоторые другие видные большевики.

Что же касается «булыгинской затеи», то, по словам Ленина, она представляла собой «самое наглое издевательство над народным представительством». «Большевики предложили отказаться от какого бы то ни было участия в этой Думе, бойкотировать её и, мобилизовав массы, сорвать её», – отмечал в своей «Истории Российской коммунистической партии (большевиков)» один из организаторов большевистского течения в российской социал-демократии Г. Е. Зиновьев [13, с. 129].

Состоявшаяся осенью 1905 года в Риге Конференция социал-демократических организаций, на которой и было принято решение о бойкоте, была создана по инициативе ряда крупных партийных комитетов России для выработки общей позиции в отношении предстоящих выборов. На конференции присутствовали представители Центрального комитета РСДРП (большевиков), Организационной комиссии РСДРП (меньшевиков)⁴, Еврейского рабочего союза «Бунд», Латышской, Литовской и Польской социал-демократических организаций, Революционной украинской партии (РУП). Расценив

⁴ После раскола на II съезде РСДРП Женевская конференция (конец апреля – начало мая 1904 года) избрала координационный центр меньшевиков – Организационную комиссию (ОК).

Бульгинскую думу как «грубую подделку народного представительства», участники конференции практически единогласно (кроме одного делегата-меньшевика) выступили за тактику бойкота выборов. В общей сложности более 40 местных социал-демократических комитетов и групп России поддержали это решение. В отличие от меньшевистского крыла РСДРП за бойкотирование думы высказались эсеры, «Всероссийский крестьянский союз» и даже либеральный «Союз союзов»⁵, находившийся под влиянием кадетов (см.: [14, с. 116]).

Бойкот был энергично поддержан не только в обеих столицах, но и таких крупных городах, как Екатеринбург, Кострома, Минск, Рига, Самара, Саратов, Тула, Харьков. На многих предприятиях Санкт-Петербурга: Невском, Обуховском, Александровском и других заводах и фабриках – прошли митинги в поддержку большевистского лозунга бойкота царской Думы. Рабочие митинги поддержало студенчество: волнениями были охвачены Петербургский университет, Горный и Технологический институты, Военно-морская академия. В результате единства действий всех левых сил осенью 1905 года в ходе всеобщей политической стачки созыв Бульгинской думы был сорван.

Под напором всё большей радикализации общественных настроений царь был вынужден 17 октября 1905 года подписать новый манифест, в котором Государственная дума обретала некоторые черты полноценного парламента: отныне без её одобрения не мог приниматься ни один закон Империи. Кроме того, было дано обещание допустить «по мере возможности» к участию в Государственной думе те слои населения, которые в прежнем, «Бульгинском», варианте были лишены избирательных прав. Дума избиралась на 5 лет, но царь в любой момент мог распустить её.

Многие тогда восприняли царские «милости» не иначе, как дарование долгожданной конституции. Рабочий-ситцепечатник Ф. Н. Самойлов, ставший потом членом большевистской фракции IV Государственной думы, вспоминал: «Царский манифест 17 октября 1905 г. застал меня в больнице чернорабочих. Утром 18 или 19 октября дежурный фельдшер Дьяченко пришёл ко мне в палату с сияющим лицом, держа в руках газету.

– Ну, поздравляю вас с конституцией! – сказал он, обращаясь ко мне. – Наконец, дожили, мечты претворяются в действительность!..

Я беру газету и быстро читаю манифест, в котором царь оповещает своих подданных о "неслыханной смуте" в стране и о "даровании населению гражданских свобод", о созыве "доверием народа облечённых народных представителей" и пр. Помолчав несколько секунд, спрашиваю Дьяченко:

– А что это, по-вашему, значит?

– Как что значит! – говорит он. – Разве вы не понимаете, что у нас нет уже самодержавия? Царь сам отказывается от него и даёт конституцию.

⁵ «Союз союзов» – крупное профессионально-политическое объединение, включавшее в 1905–1906 годах 14 общественных союзов с численностью более 135 тысяч человек. Среди них были Союз земцев-конституционалистов, Союз инженеров и техников, Всероссийский союз железнодорожников, Союз рабочих печатного дела, Союз служащих правительственных учреждений, Союз учителей, Академический союз, Союз писателей, Союз конторщиков и бухгалтеров, Союз адвокатов, Союз медицинского персонала, Союз фармацевтов, Всероссийский крестьянский союз, Союз равноправности женщин. Лидером «Союза союзов» был будущий глава кадетской партии П. Милуков.

– Ну, – говорю я, – это ещё бабушка надвое сказала, даст или нет царь конституцию. Во всяком случае "дать" её он может, только уступая силе, а этой силой является революция» [15, с. 115–116].

По новому избирательному закону к ранее установленным трём куриям была добавлена и **рабочая курия**. «Существовали различные курии, – пояснял впоследствии один из старейших членов большевистской партии, участник трёх российских революций Д. И. Гразкин. – В нашем нынешнем лексиконе само слово и понятие "курия" не существуют, они отмерли... Курия, куриальная система – это разбивка избирателей на различные ряды. По рабочей курии в Петербурге мог быть избран только один депутат в Думу» [16, с. 149].

Для рабочей курии предусматривалась «трёхступенчатая» система выборов: только от полной тысячи человек избирался один уполномоченный, далее уполномоченные выдвигали выборщиков, и лишь затем выборщики от рабочих и других социальных слоёв совместно избирали депутатов Думы. По данным, опубликованным депутатом-большевиком Ф. Н. Самойловым, помещики и крупная буржуазия имели 4249 выборщиков, а всё оставшееся население России – всего лишь 2962. Один голос помещика приравнивался к 3 голосам буржуа, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Таково было реальное «равноправие верноподданных» [15, с. 162–163].

И всё же это был значительный шаг вперёд по сравнению с первоначальной задумкой «главного полицмейстера» России. Участвовать в выборах было позволено некоторым новым социальным группам: лицам, владевшим не менее одного года недвижимым имуществом или нанимавшим на своё имя квартиру; служащим, пенсионерам. Однако женщины избирательных прав вновь не получили.

М. С. Балабанов и Ф. И. Дан с невероятным для меньшевиков мужеством и бесстрашием в совместном труде «Рабочие депутаты в первой Государственной думе», чудом прошедшем цензуру и опубликованном в 1907 году, писали: «Из 71 губернии избирательное право предоставлено рабочим только в 50 губерниях, рабочие остальных 21 губерний избирательного права лишены... Очевидно, избирательный закон сделал всё, чтобы до последней степени исказить представительство рабочих. Выборы по куриям и "стойлам", трёхстепенные, крепостные и кабальные, столь же далёкие от всеобщности в пределах рабочего класса, как и от равенства по сравнению с прочим населением – что же ещё нужно для того, чтобы изуродовать избирательное право? ... Так самодержавная бюрократия всегда правила Россией, так правит она и поныне» [17, с. 20–21].

Новое положение о выборах было опубликовано 11 декабря 1905 года, в самый разгар баррикадных боёв в Москве. Обещанные царским манифестом законодательные права Думы были вскоре сведены на нет. Перед самими выборами, 20 февраля 1906 года, был издан новый манифест – о Государственном совете Российской империи, – половину которого составляли назначенцы царя, а другую половину – представители дворянства, крупного капитала и духовенства. Данное учреждение наделялось правом утверждать или отклонять любое решение Думы.

*Фактически воссоздав в «демократической» России дореволюционную конструкцию власти (бесправная Дума при президенте-самодержце), «стряпчие» Конституции 1993 года предусмотрели в ней и подобие «Государственного совета». Его роль должна была играть верхняя палата Федерального Собрания – Совет Федерации. «...В первом созыве, который избирался всенародно, левые и народно-патриотические силы имели существенный пакет голосов и даже претендовали на пост спикера, – констатировал первый заместитель председателя ЦК КПРФ И. И. Мельников. – Затем нашу партию представляли немногочисленные, но всё же заметные губернаторы и председатели законодательных собраний. После реформы Совета Федерации, проведённой Путиным, влияние КПРФ в верхней палате, формируемой фактически Кремлём и бизнесом, стало минимальным. Возможно, именно **реформирование Совета Федерации**, создание в нём безликого блока сподвижников президента можно считать знаковым ударом... по демократии» [18].*

От бойкота Думы – к активному использованию парламентской трибуны

В канун первой русской революции на политическом «ландшафте» Империи отчётливо наметились три лагеря: революционно-демократический (социал-демократы, социалисты-революционеры⁶, анархисты), оппозиционно-буржуазный («Союз земцев-конституционалистов», «Союз освобождения»⁷) и реакционный, самодержавно-помещичий («Русское собрание»⁸).

⁶ Партия социалистов-революционеров (эсеров) – революционная политическая партия, объединившая разрозненные народнические кружки, которые действовали в Саратове, Москве, Воронеже, Харькове, Полтаве, Одессе и других городах Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Ключевым программным положением этой партии был тезис о социалистической природе русской крестьянской общины. На этом основании эсеры провозглашали «истинно социалистическим» не рабочее, а крестьянское движение. Партия имела собственное террористическое подразделение – «Боевую организацию», осуществившую покушения на ряд царских чиновников.

⁷ «Союз земцев-конституционалистов» и «Союз освобождения» – основанные в 1903 г. политические объединения буржуазных общественных деятелей, не приемлющих самодержавно-бюрократические порядки. Их лозунгом было превращение России в «нормальную» конституционную страну, где вся полнота власти принадлежала бы не монарху, а правительству, сформированному парламентским большинством. На основе этих организаций впоследствии была создана Конституционно-демократическая партия народной свободы (партия кадетов).

⁸ «Русское собрание» – официально не являвшаяся политической общественной организация, которая существовала в период с 1901 по 1905 год. Её деятельность, в сущности, сводилась к литературной пропаганде «верноподданнических» и религиозных идей через газеты, журналы и брошюры. С началом первой русской революции эта монархическая организация послужила «строительным материалом» для создания более крупных объединений – «Русской монархической партии» и «Союза русского народа». Если в состав их руководящей верхушки входили представители дворянства, духовенства и чиновничества, то основная масса активистов вербовалась из лавочников, мещан, рабочих, а также из полукриминальных «деклассированных» элементов. Этим был обусловлен террористический характер монархических объединений: ими были убиты большевик Н. Э. Бауман, кадеты М. Я. Герценштейн и Г. Б. Июлос, многие другие русские политические деятели оппозиционного направления.

«Формирование политических партий в России имело некоторые свои особенности, – отмечал В. В. Шелохаев. – Партийные политические группировки в России возникали в нелегальных условиях. Царское самодержавие пресекало всякую политическую деятельность, все попытки создать политические организации» [19, с. 42]. Неизвестно, насколько ещё в России было бы отложено создание легальной партийной системы, не вспыхни революционный пожар 1905 года.

Типично, что вплоть до самой революции класс русских капиталистов так и не создал своих массовых и влиятельных политических партий. Постепенно занимая господствующие позиции в экономике страны, молодая буржуазия всё больше жаждала заполучить политическую власть. Но паразитический характер русского капитала не позволял ему стать «лидером нации», выразителем насущных потребностей общества в целом. Отечественный буржуа привык, что исторически «черновую работу» за него выполняет кто-нибудь другой. «Буржуазные по своему общественному содержанию реформы 60–70-х гг. XIX в. осуществили, как известно, не представители буржуазии, а крепостники-помещики, – справедливо подчёркивал П. В. Волобуев. – После перехода к капитализму борьбу за выбор более прогрессивного национального пути капиталистического развития вела не буржуазия, занятая оргией обогащения, а народные массы – рабочие и крестьяне» [7, с. 136].

В соответствии с решениями Первой конференции РСДРП⁹, состоявшейся 12–17 декабря 1905 года на территории Финляндии в городе Таммерфорсе, большевики вновь взяли курс на бойкот выборов. Меншевики формально тоже выступали за бойкотирование самой Думы, но с определённой оговоркой. На их взгляд, необходимо было использовать начальные стадии избирательной кампании в целях социал-демократической пропаганды в рабочих массах, участвовать в выборах уполномоченных и выборщиков, но депутатов не избирать. По словам видного историка и большевистского публициста М. С. Ольминского, «и большевики, и меньшевики считали, что вследствие отсутствия свободы агитации и цензового избирательного закона Дума получится реакционной» [20, с. 14].

Настроения, преобладавшие внутри партии, как нельзя лучше демонстрировали расклад голосов на Петербургской общегородской конференции РСДРП. Накануне её был проведён опрос рабочих столичных предприятий, в ходе которого 1160 человек высказались за бойкот и 950 против бойкотирования выборов. Аналогичным образом распределились голоса и на партконференции: 36 делегатов поддержали бойкот, а 29 выступили против него [12, с. 326–327].

Развернувшаяся избирательная кампания в Государственную думу I созыва показала силу и влияние крепнущего российского пролетариата. По сведениям, собранным ЦК РСДРП, в выборах участвовало не более 10 % рабочих,

⁹ В связи с начавшейся в России революцией ЦК РСДРП, по предложению В. И. Ленина, выступил с воззванием «Ко всем партийным организациям и ко всем рабочим социал-демократам». В декабре 1905 года предполагалось провести IV съезд партии, который должен был попытаться объединить противостоящие «крылья» РСДРП. Однако декабрьское вооружённое восстание в Москве и другие события сделали проведение съезда невозможным. Голосами 41 делегата, прибывшего в Таммерфорс (ныне – Тампере, Финляндия) было решено взамен съезда провести Первую партийную конференцию для рассмотрения вопросов о текущем моменте, о реорганизации партии, об аграрной программе, о Государственной думе (см.: [11, с. 40]).

обладающих правом голоса. Большевистская тактика активного бойкота Думы вновь была поддержана партией эсеров, Всероссийским крестьянским союзом, крупнейшим профессиональным объединением «Союзом союзов», рядом других профсоюзов. К примеру, Второй всероссийский съезд учителей принял решение отказаться от участия в выборах и направить «все усилия на организацию сил народа для борьбы за Учредительное собрание». К подобным же решениям пришли петербургские союзы приказчиков, техников, фармацевтов, конторщиков, «Организация торгового пролетариата города Харькова» и ряд других объединений, в которых серьёзным влиянием обладали большевики. Требование созыва полноценного парламента – Учредительного собрания – взамен бесправной Думы, которое выдвинул либерально настроенный «Союз союзов», положительно оценил В. И. Ленин [10, т. 34, с. 408].

Ценный исторический материал о первых парламентских выборах в России содержат мемуары Е. Д. Стасовой, старейшины ленинской партии. Вступив в РСДРП в 1898 году, в году её основания, Стасова была непосредственной участницей всех основных вех революционного пути большевиков. Начало предвыборной кампании молодая подпольщица встретила в имперской столице. «Весной 1906 года, – писала Елена Дмитриевна, – партия проводила кампанию по выборам в I Государственную думу. По сути дела большевики проводили бойкот думы. Но агитаторов и докладчиков к рабочим мы посылали. У меня был список докладчиков, среди которых был и Владимир Ильич Ленин. Я вспоминаю, как меньшевики досадовали, что у них нет такого оратора в Петербурге.

Карfunkель часто мне говорила: "Какая ты счастливая, что у тебя есть такой оратор, как Владимир Ильич. Ты его посылаешь, и он ходит... У меня такого оратора нет". И действительно, не было случая, чтобы, послав Владимиру Ильичу вызов на явку, я не дождалась его. Он всегда точно являлся, получал задание выступить там-то и тогда-то, а после доклада тотчас или, в крайнем случае, на следующий день точно сообщал: сколько народу было на докладе, какие вопросы задавались и какие были замечены недостатки в той организации, куда мы его посылали» [21, с. 87–88].

Но всё же сорвать выборы в Думу на этот раз не удалось. На IV (объединительном) съезде РСДРП¹⁰, состоявшемся весной 1906 года в Стокгольме, были вскрыты основные причины произошедшего.

В современных, порой весьма тенденциозных, источниках постоянно подчёркивается нарочито грубый, порой оскорбительный стиль полемики, навешивание ярлыков, якобы присущие только В. И. Ленину. При этом,

¹⁰ Выборы делегатов на данный съезд проводились из расчёта один делегат от 300 членов партии. На IV съезде РСДРП присутствовали 112 делегатов с решающим и 22 – с совещательным голосом (не участвовавших в голосовании), представлявших 57 партийных организаций и национальные партии: Социал-демократию Польши и Литвы, Латышскую социал-демократическую рабочую партию, Бунд (Еврейский рабочий союз), Украинскую социал-демократическую рабочую партию и Финляндскую рабочую партию. В повестку дня было включено более 15 вопросов, среди которых – оценка текущего момента и классовые задачи пролетариата, пересмотр аграрной программы, отношение к Думе, вооружённое восстание, о профессиональных союзах, о Советах рабочих депутатов, об Уставе партии. Формулировка первого параграфа Устава была принята в редакции, предложенной Лениным. Однако в связи с численным перевесом делегатов-меньшевиков в состав нового ЦК РСДРП были избраны семеро меньшевиков и трое большевиков (см.: [11, с. 43]).

однако, не говорится о том, что данный стиль вырабатывался в диспутах с не менее бесцеремонными оппонентами. В докладе по вопросу о Государственной думе меньшевик П. Б. Аксельрод так представил слушателям позицию большевиков: «В двух словах тактическая точка зрения противников нашей резолюции может быть характеризована как бунтарско-заговорщическая, как смесь анархических и бланкистских¹¹ тенденций, прикрываемых марксистской или социал-демократической фразеологией» [22, с. 249].

Несмотря на заявления обоих крыльев РСДРП о стремлении к объединению, дискуссии на съезде носили по преимуществу довольно напряжённый, острый характер. По большинству вопросов повестки выставлялись докладчики от каждой из противоборствующих сторон. Меньшевистская доктрина о том, что тактика бойкота выборов означает будто бы увод рабочего класса от рычагов реального влияния на общество, разбивалась сообщениями делегатов, прошедших через горнило реальной политической борьбы. Выступая от имени социал-демократов Польши и Литвы, А. С. Варский (Варшавский) подчеркнул: «...Мы посредством бойкота так организовали массы, что мы на заявлениях против участия в Думе собрали гораздо больше протестующих подписей, чем делегаты Польши имеют избирательных голосов. Если Дума есть способ организации, то агитация против выборов дала гораздо больше голосов нам, чем депутатам» [Там же, с. 232].

Другой делегат съезда – меньшевик О. А. Ерманский (Руденко) – вкратце обрисовал ту обстановку, в которой выборы проходили в Одессе и Екатеринославе¹²: «В огромнейшем большинстве случаев начальство, заставляя рабочих выбирать уполномоченных, не давало им даже устраивать предвыборные собрания, чтобы они могли сознательно отнестись к выборам. И те организации, которые приняли позицию меньшинства, *санкционировали* акт позорного исполнения рабочими приказа царя и его слуг вместо того, чтобы бороться против насилия, учиняемого над волею рабочих. Ведь для них почти везде избирательное право превратилось в избирательную обязанность, *повинность*... Их хватали за шиворот, толкали с завязанными глазами и заткнутыми ртами в комнату с урнами и приказывали бросать шары, зачистую ещё под наблюдением полицейских и жандармов. При таких условиях для нас выростала обязанность выставить совсем другой лозунг: мы требуем права *не* выбирать... Иногда, наоборот, лозунг участия в выборах вёл к противоположному результату: в Екатеринославе комитет дал лозунг участвовать в выборах, а рабочие завода Эзау и железнодорожных мастерских не послушались комитета и даже отказались распространять прокламации комитета» [Там же, с. 288].

¹¹ Бланкизм – возникшее в первой половине XIX века политическое течение в европейском революционном движении, названное так по фамилии его основателя, французского социалиста-утописта Луи Огюста Бланки (1805–1881). Отвергая историческую роль пролетариата, Бланки и его сторонники считали, что социальную революцию способна осуществить небольшая по численности тайная организация с жёсткой внутренней иерархией путём спонтанного вооружённого восстания.

¹² Город Екатеринослав был основан в 1796 году в качестве столицы Новороссийского края – обширного региона, отвоёванного Российской империей у Турции. В XIX–XX вв. город трижды менял своё название: Новороссийск, Екатеринослав, Днепропетровск. В 2016 году в рамках антироссийской и антисоветской кампании переименован властями Украины в Днепр.

По словам большевистского делегата Л. Б. Красина (Винтера), «целый ряд подобных фактов имел место и в Петербурге. Хозяева и администрация многих фабрик и заводов, не только казённых, но и частных, объявляли бойкотистам расчёт, выбрасывали их с семьями на мостовую» [Там же, с. 296].

Самодержавная власть, напуганная масштабом политических выступлений и размахом агитации за бойкот выборов Думы, даже издала специальный указ от 8 (21) марта 1906 года, согласно которому не только сама деятельность, но и призывы «к противодействию выборам в Государственный совет и Государственную думу или к массовому воздержанию от участия в сих выборах» карались тюремным заключением на срок от 4 до 8 месяцев.

Минуло столетие, но в арсенале методов проведения выборов у «власти предержащих» мало что изменилось. На совместном Пленуме ЦК и ЦКРК КПРФ в марте 2008 года отмечалось, что и «сегодня мы имеем дело с хорошо организованным оппонентом, который, начиная с 2000 года, день за днём выстраивал все имеющиеся у государства ресурсы для того, чтобы ринг принципиальной политической борьбы превратить в цирковой манеж. И мы имеем дело с обманутым, затравленным и запуганным избирателем, которого ежедневно заставляют питаться иллюзиями» [23].

Как сообщала, к примеру, в сентябре 2014 года петербургская газета «Мой район», врач детской поликлиники № 59 Калининского района Ирина Чечик возмутилась, когда накануне так называемого «Единого дня голосования» ей позвонила старшая сестра поликлиники и передала указание «сверху»: 3–4 сентября всем выехать на избирательные участки, для чего к поликлинике будут поданы специальные автобусы. Аналогичные сигналы поступали и из других районов города. График досрочного голосования врачей, который в районные поликлиники «спустила» администрация Московского района северной столицы, был опубликован ещё 1 сентября. Согласно этому «документу» медики были обязаны не только проголосовать сами, но и привести на «досрочку» своих родственников [24].

На одну из решающих причин срыва тактики бойкота выборов – двурушничество меньшевиков – внимание участников объединительного съезда обратил делегат с малоприметной партийной кличкой «Иванович». Никто и помыслить не мог тогда, что это будущий генеральный секретарь Центрального комитета партии, который войдёт в историю под более звучным псевдонимом «Сталин». Даже при прочтении текста стенограммы его речи между строк ощущается крайнее негодование оратора: «...Работники Кутаисского района, собравшись на конференцию, решили бойкотировать и выборы, и Думу... Затем, по приезде в Тифлис агента Объединённого ЦК меньшевики тифлиссские на нелегальном собрании решили послать группу интеллигентов в Кутаис с целью провалить бойкот. Мы (тифлиссские большевики) узнали всё это и устыдили заговорщиков, сказав, что после этого объединение – одна лишь фраза» [22, с. 333].

Поскольку в работе съезда принимали участие 62 меньшевика и лишь 46 большевиков, в итоговой резолюции признавалась необходимость

не только поддержки Государственной думы, но и создания в ней собственной партийной фракции. Кроме того, было принято решение об участии партии в избирательных кампаниях на территориях тех губерний, где выборы ещё не проводились. «...Большевики благодаря бойкоту не имели надёжных шансов пройти в Думу, – писал примыкавший в тот период к меньшевикам делегат съезда С. Г. Струмилин, – а доверить представительство в ней всей партии случайной группе меньшевиков представлялось им весьма рискованной операцией. К тому же отказ от бойкота подставлял под удар, как это казалось многим, и репутацию бойкотистов в рабочих низах. Но мудрый Ленин пренебрёг всеми этими опасениями. И, когда в конце ожесточённых прений одна из предложенных мною поправок показалась ему достаточно приемлемой, он спокойно присоединился к ней в поимённом голосовании». Поправка Струмилина, предложенная в заключительном пункте резолюции, гласила: «Поэтому всюду, где ещё предстоят выборы и где РСДРП может выставлять своих кандидатов, не вступая в блоки с другими партиями, она должна стремиться провести своих кандидатов в Думу» [25, с. 214–215].

Интересную деталь о IV съезде РСДРП отметил И. И. Скворцов-Степанов, блестящий учёный-марксист, переводчик на русский язык «Капитала» и многих других трудов К. Маркса: «...Когда мы явились на Стокгольмский съезд 1906 года, Владимир Ильич решительно высказался на наших совещаниях за участие в выборах в I Думу. Борьба с Ильичём была довольно горяча. Возможно, внутренне он остался при своём прежнем мнении, но на пленуме съезда выступил за бойкот Думы... В нашей партии всегда предполагалось и всегда так было, что Владимир Ильич не вещает, не приказывает, не командует, а убеждает» [26]. Именно такие подробности, переданные очевидцами, опровергают лживые рассказы о «диктаторских порядках», царивших в большевистских рядах. С Лениным можно было не только спорить, но и подчинять его политические шаги воле большинства.

Члены РСДРП, действовавшие в те годы на низовом уровне, впоследствии подчёркивали важную особенность первой избирательной кампании партии: не то что рабочие, но и сами партийцы не особенно ещё вдавались в суть заграничных идейных столкновений, их деление на «большевиков» и «меньшевиков» носило тогда весьма условный характер. Скажем, Станислав Струмилин прямо пишет о том, что «...рядовой рабочий социал-демократ, не зная, за кем пойти, вынужден был сам, на собственный страх и риск ориентироваться в сложнейшей политической обстановке. Такая позиция казалась мне абсолютно нетерпимой. Иметь две разные партии, представляющие один и тот же рабочий класс, я считал совершенно непозволительной роскошью» [25, с. 208].

О том же свидетельствовал близкий к большевикам старейший русский революционер П. А. Моисеенко: «Назначены были выборы в первую Государственную думу. С нашего рудника должно было быть [выбрано] три выборщика. В назначенный день стал собираться народ к рудничной школе со всех номеров рудника и механической мастерской. Со мной было несколько товарищей. Мы сейчас же занялись агитацией [среди] разбившихся на кружки рабочих. У меня был номер газеты "Социал-демократ", издавав-

шейся в Полтаве, который я и использовал, собрав вокруг себя большинство рабочих. Рабочие, слушавшие чтение, были настолько увлечены, [что] их прямо поражало всё то, о чём написано и что говорится. Многие из них никогда не слыхали, что [можно] открыто говорить и писать такую правду, и они с жадностью слушали и ловили каждое слово... Вспоминая теперь всё пережитое, я не помню ни одного, кто бы выступал под лозунгом социалистов-революционеров, все сплывались вокруг СДРП, в которой тоже не было розни на большевиков и меньшевиков, все работали совместно, помогая друг другу» [27, с. 185].

«Несмотря на официальное решение о бойкоте, отдельные рабочие социал-демократы принимали участие в выборах, – подытоживал один из меньшевистских "вождей" Ю. Мартов. – Так, по рабочей курии в Московской губернии из 17 выборщиков было избрано 8 социал-демократов, в Киевской губернии из 7–2 социал-демократов и так далее... В Екатеринославской губернии намечена была партийной организацией та же тактика, но избранные уполномоченные социал-демократы не пожелали остановиться на первой стадии выборов и провели полный состав социал-демократических выборщиков, а последние добились избрания в Думу своего представителя – горнорабочего М. И. Михайличенко.

Вместе с ним в Думу попал целый ряд рабочих депутатов, более или менее тяготеющих к социал-демократии: Савельев – в Москве, Чурюков – в Московской губернии, Рогов – в Пензенской, Смирнов – в Костромской, Медведев – в Воронежской, Диденко – в Харьковской, Выровой – в Киевской, Ершов – в Казанской, Антонов – в Пермской. Крестьянин социал-демократ Шувалов был избран в Самарской губернии. Избрание всех этих депутатов было возможно лишь вследствие той избирательной победы, которую одержали во множестве губерний левые крестьяне, образовывавшие вместе с кадетами большинство в коллегиях выборщиков и охотно уделывшие место представителю рабочих» [28, с. 185–186].

Однако главным, как модно говорить теперь, бенефициаром парламентской кампании 1905–1906 годов оказалась впервые вступившая на политическую авансцену **Конституционно-демократическая партия народной свободы**. «Россия должна быть конституционной и парламентской монархией», – торжественно провозглашала Программа этой новой партии. Её социальной основой стала либерально настроенная интеллигенция: адвокаты и вузовские профессора, врачи и литераторы, городские обыватели. Из 478 избранных членов I Государственной думы (к моменту её роспуска их было 499) 182 человека были конституционными демократами (см.: [29, с. 608]).

В целом же политический состав I Думы получился довольно пёстрым. Шестнадцать депутатов были членами умеренно-монархического «Союза 17 октября»¹³, олицетворявшего союз помещиков и крупных капиталистов.

¹³ «Союз 17 октября» («октябристы») – консервативная партия, выражавшая интересы крупных землевладельцев, промышленников и чиновничества. Название партии дал царский манифест, опубликованный 17 октября 1905 года. Председателями III и IV Государственной думы были октябристы А. Гучков и М. Родзянко.

Левосторонняя «Трудовая группа»¹⁴ насчитывала 102 человека. В Думу было также избрано 18 сторонников меньшевистской идейной платформы РСДРП. 36 депутатов, близких по взглядам к конституционным демократам, объединились в группу так называемых «прогрессистов». Остальные думские фракции были организованы по национальному принципу: действовали польская, украинская, мусульманская и эстонская группы. Вместе с тем весомая часть депутатов I Думы (более ста человек) была беспартийной. Среди них оказались и социалисты-революционеры, которые не образовали самостоятельной фракции, поскольку их партия приняла активное участие в бойкоте выборов. Правомонархические партии не провели в Думу **ни одного депутата**.

«Кадетам победа досталась в значительной степени лишь **потому**, – подчёркивал Ленин, – **что они оказались ... самой левой партией**. Действительно левые партии были устранены насилем, арестами, боями, избирательным законом и т. д. Все недовольные, раздражённые, озлобленные, неопределённо-революционные элементы силой вещей, логикой выборной борьбы, вынуждены были сплотиться вокруг кадетов» [10, т. 18, с. 284].

Поразительно схожая ситуация возникнет через несколько десятилетий, в декабре 1993 года. После октябрьского расстрела из танковых орудий законно избранного российского парламента – Верховного Совета РСФСР – и кровавого подавления его сторонников глухое неприятие обществом разрушительного курса Президента Ельцина вылилось в протестное голосование на выборах депутатов Государственной Думы первого созыва преимущественно за список Либерально-демократической партии России. Удачно воспользовавшись моментом, эта партия как обычно ударилась в безудержный популизм. «Россия, ты одурела!», – воскликнул тогда, увидев первые данные об итогах выборов, Ю. Карякин, один из ярких либералов, которые никогда не стеснялись публично демонстрировать своё отвращение и полное презрение к собственному народу...

На неожиданный триумф кадетской партии как всегда с меткой беспощадностью отозвалось народное слово:

«Дума, полная кадет,
Государственный совет,
Где засядут наши лорды –
Отставные держиморды, –
Вот фундамент жизни русской...
Завершится он... кутузкой!» [30, с. 475].

Уже во время первой думской избирательной кампании в российском обществе отчётливо проявилась тенденция к поддержке кандидатов с ярко

¹⁴ «Трудовую группу» образовали депутаты, избранные в основном от крестьянской курии. Поскольку у них не было собственной программы, а деятельность ограничивалась только стенами Думы, «трудовики» избегали называть своё объединение партией. К «Трудовой группе» вплоть до учреждения собственных фракций примыкали социал-демократы и социалисты-революционеры.

выраженной левой позицией и весьма критическое отношение к кадетской партии. Так, в начале 1906 года Московское центральное бюро профсоюзов решило рекомендовать своим членам «не записываться в члены буржуазных партий, как бы они не назывались, так как ни одна из них не является действительной защитницей интересов профессиональных союзов» (цит. по: [14, с. 117]).

Общественный запрос на «левую повестку дня» в Государственной думе стал для правительства поистине ошеломляющим. Всероссийский съезд обществ взаимопомощи приказчиков в июне 1906 года заявил, что Дума «обязана оказывать поддержку всем шагам как пролетариата, так и всего трудящегося населения, направленным на фактическое проведение в жизнь наших свобод» [Там же]. А делегаты съезда фельдшерских обществ, собравшиеся на свой съезд в те же дни, приветствовали депутатов Думы от трудовой группы и социал-демократической фракции как «искренних защитников трудящегося класса» [Там же, с. 118].

Суть тактики большевиков в отношении Государственной думы активно разъясняли обществу партийные пропагандисты на местах. Например, Сурен Спандарян, сотрудничавший в то время с армянской газетой «Кайц» («Искра»), в статье «Из тактических вопросов» писал о том, что, хотя левые социал-демократы и бойкотировали выборы, они окажут «содействие всякому революционному шагу Думы и в то же время будут разоблачать её буржуазную изнанку, её половинчатость, её страх перед революцией... будет толкать её влево, оказывая давление снаружи» [31].

Накануне первого пленарного заседания Думы перед депутатами выступил император Николай II. «Открытие Государственной думы и преобразованного Государственного совета имело место на торжественном приёме всех депутатов обеих палат в Зимнем Дворце. На самом деле открытие это явилось встречей двух миров. Коковцов, принимавший участие в приёме в качестве министра, отмечает в своих воспоминаниях: «Странное впечатление производила в эту минуту тронная Георгиевская зала, и думалось мне, что не видели ещё её стены того зрелища, которое представляла собою толпа собравшихся». По правую сторону от трона стояла «мундирная публика», члены Государственного совета, сенаторы, придворные, члены императорской семьи. С левой стороны буквально толпились члены Государственной думы. Лишь немногие из них были одеты во фрак или в сюртук; многие – притом как раз те, которые демонстративно пробились вперёд, близко к престолу – одеты были в рабочую одежду, а за ними стояли крестьяне в самых разнообразных одеяниях, многие в национальных костюмах; немало было и духовных лиц... Коковцов пишет: «На первом месте среди этой категории народных представителей особенно выдвигалась фигура человека высокого роста, в рабочей блузе, в высокох смазных сапогах, с насмешливым и наглым видом рассматривавшего трон и всех, кто окружал его... Я просто не мог отвести моих глаз от него ... таким презрением и злобою дышало его наглое лицо... Столыпин... сказал мне: «Мы с Вами, видимо, поглощены одним и тем же впечатлением, меня не оставляет мысль о том, нет ли у этого человека бомбы и не произойдёт ли тут несчастье»... Как далека эта картина от славянофильских мечтаний о единении царя с народом, посылающим к монарху

своих представителей! Два вражеских лагеря стояли тут друг против друга в полной непримиримости», – так образно представил «пролог» отечественного парламентаризма эмигрант В. Леонтович, автор «Истории либерализма в России» [32].

Первые шаги Государственной думы были ознаменованы шумным обсуждением ответа на тронную речь царя. Кадетская фракция, располагавшая большинством голосов, составила такой проект послания, суть которого сводилась к нижайшим просьбам об упразднении «Государственного совета, мешающего единению царя с народом», об установлении ответственности пред Думой правительственных министерств, об отмене смертной казни и амнистии заключённых, а также о решении аграрного вопроса в пользу многомиллионного крестьянства «путём обращения на этот предмет земель казённых, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих».

Ответная реакция правительства оказалась не столь куртуазной, как увещевания парламентариев. Предельно жёстко депутатам дали понять, что те не совались в исключительные права и дела его императорского величества, поскольку и отмена казни, и амнистия могут быть дарованы только монаршей милостью. Что же касается инициатив по упразднению Госсовета и решению земельного вопроса, то на предложенных Думой основаниях они «безусловно недопустимы».

9 мая 1906 года В. И. Ленин, нелегально, под фамилией Карпов, вернувшийся из-за границы в Петербург, произнёс на массовом митинге в Народном доме Паниной яркую речь, посвящённую открытию Думы. Собрание поддержало ленинское требование всеми силами разоблачать кадетскую политику заигрывания с самодержавием за спиной народа. Однако призывы к «образованию ответственного министерства» настолько полюбились лидерам меньшевиков, что подконтрольный им в тот момент Центральный комитет РСДРП разослал в партийные комитеты резолюцию, которая практически ничем не отличалась от деклараций кадетской партии.

Петербургский комитет РСДРП, где влиянием, напротив, пользовались большевики, отверг меньшевистскую резолюцию, заявив, что создание ответственного перед Думой министерства, вопреки мечтаниям кадетов, не приведёт к установлению строя парламентской демократии, но будет, по существу, мелочной сделкой либеральной буржуазии с царизмом.

Таким образом, позиции двух крыльев партии были вполне определены. В ходе дискуссий, развернувшихся вначале на межрайонной Петербургской партийной конференции, а затем – на конференции Северных комитетов РСДРП, стало ясно, что побеждает ленинская платформа. Более того, социал-демократические депутаты Думы, выполняя решение не своего меньшевистского ЦК, а Петербургского комитета партии, опубликовали воззвание «Ко всем рабочим России от депутатов-рабочих Государственной думы», в котором прямо говорилось о том, что «не бессильная Дума при чиновничьем правительстве сможет выполнить все требования народа, а только полномочное Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права без различия веры, национальности и пола» (цит. по: [33, с. 54]).

В начале июня 1906 года состоялись выборы на Кавказе, пополнившие думские ряды пятью социал-демократами. Сразу после их прибытия в столицу рабочая группа, покинув фракцию трудовиков, образовала самостоятельную фракцию РСДРП, в которую, кроме упомянутых ранее десяти рабочих, вошли депутаты, избранные от Кавказа: И. Г. Гомартели, С. Д. Джапаридзе, Н. Н. Жордания, И. И. Рамишвили, С. Н. Церетели, а также представитель крестьянства И. Е. Шувалов. Несколько позже к ним присоединились депутаты В. И. Ишерский и В. М. Рогов [17, с. 78]. 16 июня новая фракция выступила с декларацией, в которой были обозначены цели и задачи деятельности думской социал-демократии. Одним из первых её инициатив стало внесение законопроекта о свободе собраний, который, разумеется, не нашёл понимания и поддержки ни у правительства, ни у кадетского большинства.

Кавказские депутаты пытались обратить внимание министров и членов Думы на кровавую национальную междоусобицу. Н. Жордания внёс запрос правительству о мерах по предотвращению погрома в Батуми. Будущий первый глава Советской власти в Чечне Таштемир Эльдарханов, входивший в мусульманскую фракцию I Думы, потребовал запретить наём горцев для отправления в качестве погромщиков и карателей в центральные губернии России на подавление революционных выступлений. «Чеченский народ не может позволить, чтобы руки их братьев обогрились кровью невинных русских граждан», – говорилось в телеграмме, поступившей на имя депутата и зачитанной им с думской трибуны (цит. по: [34, с. 99–100]). Но все эти запросы так и остались нереализованными.

Ключевой проблемой всей российской жизни оставался неразрешённый аграрный вопрос. Прения по нему занимали в I Государственной думе львиную долю времени. Пассажи современных горе-историков о хлебном изобилии в царской России вызывают смех. «Свирепый голод уже приближается, как чёрная смерть. 222 области не имеют хлеба», – писала по этому поводу армянская газета «Кайц» 30 июня 1906 года [35, с. 124]. Об этих царских «голодоморах» не упоминают сегодня ни либеральные «пачкуны» типа Ю. Пивоварова и А. Зубова, ни тем более записные «казённые патриоты» вроде Н. Михалкова¹⁵.

«Трудовая группа», выражавшая чаяния самых широких слоёв крестьянства, имела непостоянный, «плавающий» состав и объединяла порой политически враждебные элементы. По этой причине она непрестанно колебалась между кадетами и социал-демократами. 23 мая 1906 года за подписью 104 депутатов-«трудоуиков» на рассмотрение думы был внесён «Проект основных положений земельного закона», который предусматривал отчуждение казённых, церковных и помещичьих земель, если они превышают установленную

¹⁵ Положение дел ничуть не изменилось даже после хвалёной «стольпинской» аграрной реформы. Осенью 1911 года газета «Звезда» опубликовала заметку «Перед лицом голода», в которой Михаил Ольминский привёл поистине чудовищную цифру голодающих в будто бы «сыгой», экспортирующей хлеб Империи: «Перед нами 10 миллионов голодающих крестьян. Их положение сейчас более бедственно, чем положение любого рабочего. Но могут ли рабочие выступить с советом, чтобы эти 10 миллионов бросили мечты о самостоятельном хозяйстве и перешли в пролетариат? Конечно, нет. Ведь если из этих 10 миллионов только 2 миллиона людей в рабочем возрасте, то появление их в городах затопило бы рабочий рынок, усилило бы безработицу до невероятных размеров, свело бы заработную плату ниже стоимости куска чёрного хлеба» [20, с. 296].

трудовую норму, в общенародный земельный фонд с последующим вознаграждением помещиков за счёт государственной казны. «Симметричный» ответ правительства не заставил себя долго ждать. Кадетская и промонархические фракции, частенько действовавшие заодно по указке из Зимнего дворца, 20 июня проголосовали за аннулирование результатов выборов по Тамбовской губернии и лишение депутатских полномочий десяти её представителей из числа крестьян. «Всё внимание "большевиков" по отношению к Думе, – писал непримиримый оппонент большевизма Ю. Мартов, – было поглощено расслоением её большинства на кадетское и крестьянское крылья; антагонизм между ними признавался единственным источником тех импульсов, которые деятельность Думы могла дать народному движению; соответственно этому вся тактика социал-демократии должна была быть направлена на "отрывание трудовиков от кадетов" и связывание первых с движением пролетариата в процессе борьбы против "соглашательства" кадетской части Думы» [28, с. 207].

Следует подчеркнуть, что внепарламентская работа думских социал-демократов ограничивалась в основном пределами столицы. Фракции не удалось пока установить прочные организационные связи ни с губернскими партийными комитетами, ни с передовой прослойкой рабочих промышленных предприятий. Это и понятно, если учесть, что I Государственная дума проработала совсем недолго, всего лишь около трёх месяцев (с 27 апреля по 8 июля 1906 года), и успела утвердить всего два из 29 внесённых законопроектов: об отмене смертной казни и организации помощи голодающим.

Даже такой весьма покладистой «полупарламент» не устраивал царский двор. Ведь, как писали в своём очерке о деятельности рабочих депутатов Михаил Балабанов и Фёдор Дан, «Дума разодрала тяжёлый полог, которым была скрыта от взоров народа "святая святых" во всей его неприглядной наготе и ничтожестве. Безумная роскошь туенядцев в стране, где миллионы тружеников корчатся в муках голода; невежественное и тупое самодовольство высших государственных чинов; наглое попрание всех прав народа; смертные казни, расстрелы, карательные экспедиции, гряда человеческих трупов как единственная опора владычества шайки паразитов – вот что предстало перед народом» [17, с. 173]. Недаром же министр внутренних дел П. Столыпин изо всех сил настаивал на скорейшем роспуске Думы и без особого труда добился его. «Высочайший» манифест заканчивался неприкрытой угрозой: «...Но пусть помнят наши подданные, что только при полном порядке и спокойствии возможно прочное улучшение народного быта. Да будет же ведомо, что мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всю силу государственной мощи приведём послушников закона к подчинению нашей царской воле» (цит. по: [36, с. 226]).

После опубликования 9 июля царского манифеста о роспуске Думы и назначении новых выборов левые политические партии и общественные объединения выступили с совместными обращениями. Воззвания «К армии и флоту», «Ко всему народу» были подписаны ЦК РСДРП, ЦК партии социалистов-революционеров, Социал-демократической фракцией Думы, Комитетом «Трудовой группы», Всероссийским крестьянским союзом. Кроме

того, к воззванию «Ко всему российскому крестьянству» присоединились Всероссийский железнодорожный и учительский союзы. Их призывы были подхвачены в промышленно развитых губерниях. «Время мелких схваток миновало. Предстоит генеральное сражение, в котором русский народ должен захватить в свои руки власть с тем, чтобы передать её Учредительному собранию, в которое войдут истинные представители народа, избранные на началах всеобщего и равного избирательного права прямым и тайным голосованием, без различия пола и национальности», – разъяснялось в листовке Воронежского комитета РСДРП (цит. по: [36, с. 228]).

«Думы больше нет, что будет дальше? Действительно ли революционное движение осиротело и потеряло свой "организующий центр", как предполагают некоторые? Остановится ли революция и будет ждать, пока царь через 7 месяцев соизволит созвать новую Думу, или она свободно и беспрепятственно продолжит свой победный путь?», – задавал во многом риторические вопросы на страницах газеты «Кайц» талантливый большевистский публицист Степан Шаумян и сам же прямо и недвусмысленно отвечал на них: «Мы менее всего склонны преувеличивать значение Думы. Что представительные учреждения могут сыграть в революции большую роль – это неоспоримый факт, но неоспоримо и то, что иногда выполняемая ими роль бывает скорее отрицательной, чем положительной... Мы берём на себя уверенность думать обратное и даже приветствовать роспуск Думы. Самая большая и вредная тенденция Думы заключалась... в том, что она хотела задушить революционную самостоятельность народа, создавая в нём вредные иллюзии. Она, как буфер, торчала между самодержавием и борющимся народом. Теперь этого буфера нет» [35, с. 176].

Создалось парадоксальное положение: несмотря на отсутствие среди депутатов разогнанной царём Думы твёрдых и последовательных ленинцев, влияние большевистского центра на первый российский парламент было довольно велико. Доказательством тому служат воспоминания М. Н. Лядова, участника II–V съездов РСДРП, который описывал следующий случай, имевший место в первые дни после роспуска Думы: «На Финляндский вокзал я попал как раз к отходу поезда. Первым, кого я увидел в вагоне, в который вскочил уже на ходу, оказался Мартынов. От него я узнал, что в этом поезде едут депутаты Думы в Выборг¹⁶, чтобы там решить, что делать дальше. Мартынов как представитель меньшевистского ЦК и руководитель Социал-демократической фракции Думы был в очень подавленном настроении.

¹⁶ Часть депутатского корпуса распушенной самодержавием I Думы решила не подчиняться царскому указу и, собравшись в финляндском Выборге, определиться с дальнейшими политическими шагами. Одним из «депутатов-выборжцев» был классик правовой мысли, декан юридического факультета Петербургского университета Лев Петражицкий. Обучавшийся в тот период в стенах столичного университета И. В. Егоров упоминает эпизод, красноречиво говорящий о настроениях в студенческой среде: «Избранный депутатом I Государственной думы Л. И. Петражицкий вместе с другими членами Думы подписал так называемое "Выборгское воззвание", которое призывало население не платить налогов и податей и не давать рекрутов в армию. За это Л. И. Петражицкий, как и остальные 176 человек, подписавших "Выборгское воззвание", был арестован, судим и отбыл наказание в Выборгской одиночной тюрьме. Когда он вышел на свободу и появился в университете, студенты устроили ему в актовом зале бурную и восторженную овацию. В ней принял участие и я, хотя не поддерживал партию кадетов, к которой принадлежал Петражицкий, а разделял политическую платформу социал-демократов большевиков» [37, с. 88–89].

– Вот, – сказал он мне, – доигрались, и всё благодаря вашей большевистской тактике. Это вы всё толкали фракцию и Думу на обращение к народу. Теперь Думу разогнали, начнётся реакция, у нас уже не будет парламента. Вместо спокойной органической работы, которая постоянно объединяла бы вокруг себя весь народ, ваш Ленин толкал Думу на революционные выступления. Вот теперь дождались!» [38, с. 179].

Однако вопреки пессимистическим прогнозам меньшевистских лидеров полностью восстановить в стране дореволюционные порядки было уже невозможно. Кампания по выборам депутатов II Государственной думы разворачивалась в обстановке усиливающегося полицейского террора. На словах правительством декларировались гражданские свободы, а на деле в одной за другой губерниях вводилось военное положение. Свирепствовали военно-полевые суды, отправившие на виселицы только за 8 месяцев 1100 человек (см.: [10, т. 34, с. 297, 299]). По всей стране закрывались профессиональные союзы и легальные рабочие общества. В октябре 1906 года за одну ночь были арестованы все члены Центрального бюро Всероссийского почтово-телеграфного союза. Черносотенные организации зачастую при прямом содействии властей повсеместно практиковали погромы, избиения и убийства. Менее чем за месяц, прошедший после издания царского манифеста, ими было убито 4 тысячи, а ранено и изувечено более 10 тысяч человек. Всего же, по далеко не полным данным, за годы первой русской революции число расстрелянных, повешенных и убитых превысило 14 тысяч. Политическим репрессиям в той или иной форме было подвержено более 75 тысяч человек [39].

Уже в годы Советской власти об ужасе тех дней красноречиво повествовал старый большевик-подпольщик И. К. Михайлов: «Население тюрьмы увеличивается, ежедневно прибывают всё новые и новые товарищи, и уже не десятками, а сотнями. Полевые суды наполняют тюрьмы "смертниками" – приговорёнными к повешению и расстрелу. Всё чаще и чаще видим смертников, гуляющих во дворе по десять минут, притом в необычное для прогулок время – вечером, когда уже стемнеет. Они ходят по двое-трое, не поднимая глаз на наши камеры, уныло понуря головы, переживая страшные внутренние муки, не произнося ни единого звука. Всё сказано...» [40, с. 177].

Другой яркий представитель большевистской гвардии – Василий Андреевич Чашин – рабочий депутат Государственной думы II созыва, который летом 1907 года также угодил в тюремную камеру, больше напоминавшую удушливый каменный мешок, вспоминал: «Ночью я не спал, метался на койке, не мог заснуть до рассвета. Окно моё выходило в квадратный колодец – двор, ночью там начиналась суета – выводили на казнь осуждённых, они кричали: «Прощайте, товарищи! Нас ведут на казнь...»

Арестованных было множество. После стольпинского переворота предварилка быстро наполнялась арестованными, а кроме того, начались суды за экспроприации. Царское правительство пачками выносило смертные приговоры...

Как сейчас помню такой случай. Я стоял на раковине унитаза сбоку окна и смотрел вниз. Вдруг часовой закричал:

– Слезай с окна!

Я встал подальше от решётки и сразу же заметил, что в угловой верхней камере, наискось от меня, высунул голову молодой человек. Это, оказывается, ему кричали:

– Слезай, уходи!

Но он не уходил. Часовой ещё раз крикнул:

– Слезай сейчас же, стрелять буду!

Но тот не сходил с места и глядел вниз, не обращая внимания на окрик часового.

Раздался выстрел, и молодой человек мгновенно упал. Оказывается, часовой попал ему в правый глаз, и арестант моментально умер» [41, с. 212–213].

Даже верного царского слугу, бывшего председателя Совета министров С. Ю. Витте потрясли тогда масштабы столыпинского террора. В своих «Воспоминаниях», опубликованных после отставки со всех государственных постов, граф Витте с негодованием писал: «Я уверен, что история заклеймит правление императора Николая при Столыпине за то, что правительство до сих пор применяет военные суды, казнит без разбора взрослых и несовершеннолетних, мужчин и женщин по политическим преступлениям, имевшим место два, три и даже пять лет тому назад, когда всю Россию свёл с ума бывший правительственный режим до 17 октября и безумная война, затеянная императором Николаем» [42, с. 179].

Да что там Витте! Казалось бы, бесконечно далёкий от политики, тонкий и самобытный лирик «серебряного века» русской литературы Константин Бальмонт и тот не удержался от убийственной характеристики царя и установленных им порядков. Свообразным знаменем времени стали написанные в апреле 1906-го такие строки поэта:

Наш царь – Мукден, наш царь – Цусима¹⁷,
Наш царь – кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму – темно.
Наш царь – убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь – висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.
Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждёт.
Кто начал царствовать – Ходынкой¹⁸,
Тот кончит – встав на эшафот [30, с. 136].

Ещё один «рафинированный» интеллигент, свободно говоривший на нескольких европейских языках, и, пожалуй, один из самых популярных отече-

¹⁷ В сражениях под городом Мукденом в Маньчжурии (ныне Шэньян в Китае) и вблизи острова Цусима в Японском море вооружённые силы Японии нанесли сокрушительные поражения Русской армии и флоту в 1905 году. Эти названия наиболее ярко символизировали тогда военную катастрофу Российской империи.

¹⁸ Имеется в виду массовая давка на Ходынском поле в Москве 18 (30) мая 1896 года возникшая во время «народных гуляний» по случаю коронации Николая II. Трагедия унесла жизни 1379 человек.

ственных мыслителей начала XX века Георгий Плеханов на II съезде РСДРП провёл довольно прозрачную аналогию между будущей русской революцией и Великой французской буржуазной революцией конца XVIII столетия: «...Как бы мы поступили с Людовиком XVI, если бы с ним не разделалась буржуазия? ...Если бы буржуазия не отрубила Людовику XVI головы, то нам было бы немножко поздно доделывать это. Но сделаем другое предположение: Людовик XVI остался. На троне у нас два Людовика, XVI и XVIII. Один современный, представитель конституционного режима; другой – представитель феодального строя, призрак прошлого. Что сделали бы мы в таком случае? Я думаю, что мы прежде всего разделались бы с заветом старого, с Людовиком XVI, и продолжали бы неуклонно бороться с Людовиком XVIII. Так поступили мы в нашей программе, стремясь к модернизации нашего общества» [43]¹⁹.

Подобная категоричность позволяет сделать вывод о том, что приговор последнему русскому царю был вынесен не уральскими большевиками в 1918 году, а интеллектуальной элитой Империи задолго до Великого Октября.

Признав тактику бойкота выборов в таких условиях ошибочной, большевики во главе с В. И. Лениным после долгих споров решили максимально использовать предвыборную трибуну для широкой агитации за свою партийную программу. «Теперь как раз наступило время, – подчёркивал Ленин, – когда революционные социал-демократы должны перестать быть бойкотистами. Мы не откажемся пойти во вторую Думу, когда (или "если") она будет созываться. Мы не откажемся использовать эту арену борьбы, отнюдь не преувеличивая её скромного значения, а, напротив, всецело подчиняя её на основании данного уже историей опыта, другого рода борьбе – посредством стачки, восстания и т. п.» [10, т. 13, с. 343].

Пройдёт 87 лет и перед Коммунистической партией Российской Федерации, идейной наследницей РСДРП, вновь во весь рост станет проблема возможного бойкота парламентских выборов в условиях разгула террора и полицейщины.

26 октября 1993 года Всероссийская конференция КППРФ дала следующую оценку общественно-политической ситуации, сложившейся тогда в результате государственного переворота: «Ряд оппозиционных партий и движений выдвинули лозунг активного бойкота выборов. В политическом словаре это означает тактику полного срыва выборов на волне массового забастовочного движения и уличных выступлений. Не исключая возможности подобного разворота событий, мы должны констатировать, что сегодня этого нет. В таких условиях "активный бойкот" остаётся благом пожеланием, а на деле оборачивается пассивным неучастием, отказом от борьбы, то есть самым невыгодным для оппозиции исходом» [44].

Однако известный в леворадикальных кругах «профессиональный» критик КППРФ В. Тюлькин, который, впрочем, не отказался от возмож-

¹⁹ По свидетельству Г. Е. Зиновьева, Плеханов высказывался ещё определеннее: «Отмена смертной казни? Очень хорошо. Но я считаю, что некоторые оговорки необходимы. Как вы думаете: Николай II можно оставить в живых? Я думаю, что для него смертную казнь надо сохранить» [13, с. 103].

ности стать депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвёртого созыва по партсписку коммунистов, в одном из своих интервью безапелляционно заявил: «...Поворотный пункт касается выборов 1993 года. Это были "выборы на крови", когда главной целью Ельцина было замывание следов преступления и создание видимости демократических выборов, а также протаскивание своей Конституции. К сожалению, тогда самая верная тактика, которая заключалась в бойкоте этих выборов, для того, чтобы сорвать явку (50 %), оказалась нереализованной. Фронт бойкота был прорван участием в выборах КППФ (Зюганова) и целого ряда патриотов-оппозиционеров помельче» [45].

Остается удивляться тому, насколько некоторые лица, мнящие себя сегодня «правверными» марксистами-ленинцами, поверхностно знакомы с учением основоположников. На заседании Лондонской конференции Международного товарищества рабочих 21 сентября 1871 года Фридрих Энгельс довольно едко высмеивал тех членов Интернационала, которые, «основываясь на искажённом толковании Устава... вели пропаганду воздержания от политики». «...Не следует думать, что иметь в парламентах рабочих – маловажное дело», – втолковывали Маркс и Энгельс тогдашним «тюлькинским» [46, т. 17, с. 418].

В своей знаменитой работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» В. И. Ленин особо подчёркивал ту мысль, что «большевики участвовали в **самых контрреволюционных парламентах** (выделено мной. – И.М.) и опыт показал, что такое участие было не только полезно, но и необходимо для партии» [10, т. 41, с. 45]. Действительно, тактика «политического воздержания» для партий, весь смысл существования которых и состоит в политической деятельности, никого ещё не доводила до добра.

Нетрудно представить себе, что было бы, последуй руководство Компартии Российской Федерации не ленинскому курсу, а такому вот, тюлькинскому «рецепту»: «Выборы президента 2000 года, когда Ельцин досрочно назначил себе преемника – В. Путина. Было понятно, что в столь сжатые сроки никто никакой серьёзной выборной кампании не развернёт. КППФ отказалась от единственно верной с нашей точки зрения тактики бойкота, и своим участием освятила всю эту процедуру рокировки одного гаранта на другого» [45].

Речь даже не об «имиджевых» потерях для партии. В действиях КППФ, вновь завоевавшей в декабре 1999 года пальму первенства на парламентских выборах, и вдруг отказавшейся от участия в борьбе за пост Президента России, отсутствовала бы элементарная политическая логика. Голоса около 22 миллионов граждан страны, поддержавших кандидатуру лидера КППФ Г. А. Зюганова, попросту перераспределились бы между другими участниками президентской гонки. Возможно, некоторая часть избирателей («электоральное ядро» КППФ) и могла в данном случае проголосовать против всех кандидатов или вовсе не прийти к избирательным урнам, но на конечный результат выборов и последующий курс властей их позиция никоим образом не повлияла бы.

Однако если вернуться к политической ситуации 1906–1907 годов, следует отметить, что выборы во II Думу проходили по тому же избирательному

закону, что и в первый раз. Но для обеспечения большей лояльности депутатского корпуса царю были приняты иезуитские «сенатские разъяснения». Из них следовало, что рабочие теперь имели избирательные права только в рамках своей, рабочей курии. Но даже при прохождении «квартирного ценза» они не могли участвовать в выборах по городской курии. Противоречия во взглядах большевиков и меньшевиков по поводу предстоящих выборов и перспектив парламентской деятельности партии вспыхнули с новой силой. Вопреки решению Второй («Первой всероссийской») партийной конференции²⁰, принявшей меньшевистскую резолюцию «О тактике РСДРП в избирательной кампании», руководящим большевистским центром на первичных этапах кампании, когда агитация идёт непосредственно среди населения, отрицались соглашения с буржуазными партиями в любых формах. Отдельные предвыборные договорённости с эсерами и трудовиками считались допустимыми лишь на завершающих стадиях выборов при избрании выборщиков и самих депутатов.

Меньшевики же предлагали следующий «план действий»: на этапе формирования корпуса выборщиков выставлять самостоятельные кандидатуры от РСДРП, при перебаллотировках – поддерживать наиболее левых кандидатов, а при выборах депутатов вступать в соглашения с любыми левыми партиями, вплоть до кадетов.

В обсуждение, казалось бы, чисто «внутринационального» вопроса об участии российской рабочей партии в парламентских выборах активно включились и лидеры мировой социал-демократии. Дело в том, что Г. В. Плеханов разослал опросную анкету наиболее авторитетным европейским социалистам. Любопытно, что Карл Каутский – впоследствии один из непримиримейших врагов большевизма – фактически солидаризировался с позицией Ленина. В то время Каутский считал, что даже в таких странах, как Россия революции больше не будут осуществляться буржуазией, она уже не годится на роль лидера общественных преобразований, потому и смысла в заигрывании с либералами нет никакого. С противоположных позиций выступал лидер французской Объединённой социалистической партии Жюль Гед, утверждавший, что, поскольку кадеты немало делают для расширения общедемократического движения в государстве с реакционной политической системой, соглашений с ними бояться не стоит.

Идейная борьба вскоре вновь приняла организационные формы. По мнению ЦК РСДРП, где решающее слово оставалось за меньшевиками, необходимо было быстро приспособить всю организационную структуру

²⁰ Конференция состоялась в Таммерфорсе (на территории современной Финляндии) в ноябре 1906 г. Её созыв был вызван недовольством местных партийных комитетов деятельностью Центрального комитета РСДРП, в котором численное преимущество имели меньшевики. ЦК не хотел созыва нового съезда, но под давлением «снизу» всё-таки вынужден был организовать проведение партийного форума в формате конференции. В её работе приняли участие 32 делегата с решающим голосом, в том числе 6 большевиков и 11 меньшевиков (остальные делегаты были направлены от национальных социал-демократических организаций Польши, Литвы, Латвийского края и Еврейского рабочего союза «Бунд»). Конференция рассмотрела вопросы о созыве очередного съезда, об избирательной кампании, о борьбе с «черностенными» погромами и ряд других. Выборы в новую, II Государственную думу было решено не бойкотировать, но, по настоянию Ленина, ограничить ЦК в проведении на местах тактики предвыборных блоков социал-демократов с кадетами (см.: [11, с. 52–54]).

партийных комитетов на местах к нуждам предстоящей избирательной кампании. Для этого накануне Петербургской конференции социал-демократов Центральный комитет потребовал разделить столичную партийную организацию на городскую и окружную части, «привязав» их к соответствующим избирательным округам. Но усилиями большевиков, имевших на конференции численный перевес (42 против 31), решение о разделении не прошло. Делегаты-меньшевики со скандалом покинули конференцию, объявив оставшихся «частным фракционным собранием».

По горячим следам этих событий В. И. Ленин написал острую полемическую статью «Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика». Уличая оппонентов в лживости и полной беспринципности, он заклеил позором их стремление втайне от рабочих торговаться с кадетами, чтобы любыми средствами «протащить» в Думу своего человека. Оскорблённые меньшевистские делегаты потребовали партийного суда над Лениным за поведение, «недопустимое для члена партии». Не понимали ещё незадачливые «меки»²¹, что любые подобного рода «суды» только укрепляют позиции Ленина и большевиков. Вполне объяснимо, что суд, состоявший из девяти партийцев (трех большевиков, троих меньшевиков и троих представителей от польской, латышской социал-демократии и Бунда), так и не смог принять по данному инциденту никакого решения. В обеих частях РСДРП было очень немного тех, кому под силу было противостоять безупречной ясности и железной логике ленинских аргументов.

Избирательная кампания ещё толком и не началась, а правота Ленина уже подтверждалась со всей очевидностью. На межпартийном совещании, состоявшемся в ноябре 1906 года, меньшевики попробовали было поучаствовать в делёжке будущих думских мест вместе с кадетами, эсерами и так называемыми «народными социалистами»²². Но после встречи кадетских лидеров с П. Столыпиным конституционные демократы быстро свернули все предвыборные консультации с социалистами любых оттенков.

Большевистская тактика, напротив, приносила свои плоды. «В число выборщиков, – вспоминал о выборной кампании в Луганске К. Е. Ворошилов, один из старейших членов партии, ставший в советские годы главой высшего законодательного органа власти страны, – мы старались провести надёжных большевиков, им поручалось проведение агитационной работы в массах. Думали мы и о кандидатурах для избрания в состав Думы. В числе других называлась и моя кандидатура, но я не подходил по возрасту...

В день выборов все наши партийцы и наиболее сознательные беспартийные рабочие вышли на улицы для встреч с избирателями, раздавали им социал-демократические списки и агитировали голосовать именно за этот список, за своих братьев-рабочих. Наши труды не пропали даром – на первой стадии нам удалось добиться настолько удовлетворительных результа-

²¹ Сокращённый вариант слова «меньшевики», часто употребляемый в то время во внутрипартийной полемике.

²² Народно-социалистическая (трудовая) партия образовалась в 1906 году путём отделения от правого крыла партии эсеров. В политическом спектре Империи она заняла промежуточное положение между эсеровской и кадетской партиями. На выборах во II Государственную думу «энесы» провели 16 депутатов.

тов, что по Луганску и прилегающему к нему району мы обеспечили почти полную победу социал-демократического списка...

По Луганскому району заводов и шахт, в пределах Славяносербского уезда были избраны 21 социал-демократ и два сочувствующих социал-демократии, три эсера и лишь один черносотенец. Однако выборы черносотенца были кассированы, так как мы сумели доказать, что они проводились под нажимом полиции» [47].

Отметим характерную деталь, вскользь упомянутую Ворошиловым: в депутаты он не проходил по возрасту. Одним из важнейших отличий РСДРП от других политических сил было преобладание в ней людей молодёжи.

Даже в царских Думах социал-демократическая фракция была единственной, где значительную долю – от трети до половины её численности – составляли лица, не достигшие 30 лет, а доля членов старше 40 лет не превышала 7–17 % [48, с. 662].

Партия успешно осваивала новый для себя политический жанр – адресную предвыборную агитацию. В ноябре 1906 года были опубликованы подготовленный В. И. Лениным «Проект обращения к избирателям», листовки Московского комитета РСДРП «За кого должны голосовать на выборах служащие в торговых заведениях?» и Петербургского комитета партии «Ко всем приказчикам – избирателям г. Петербурга». Материалы, учитывающие экономические интересы и особенности психологии различных «малых» социальных групп, были изданы многими региональными комитетами и группами РСДРП, профессиональными союзами. В Москве довольно активно провели кампанию союзы торговых служащих, техников, учителей, конторщиков. Скажем, обращение Московского союза техников прямо призывало: «Товарищи! Собирайте голоса за кандидатов Российской социал-демократической рабочей партии!» (цит. по: [14, с. 121]). Даже на Всероссийском съезде семинаристов было принято решение агитировать в пользу кандидатов от РСДРП и партии социалистов-революционеров. Удивляться здесь нечему, поскольку именно из семинарской среды вышли такие видные большевики, как И. В. Сталин, А. И. Микоян, А. Ф. Мясников.

Не оставались неохваченными большевистской агитацией и предприниматели. Иосиф Пятницкий (обладатель забавного партийного псевдонима «Пятница»), который в описываемый период работал в подпольной партийной типографии в Москве, впоследствии рассказывал: «Во время выборов во II Государственную думу был такой случай: я закупил большую партию красной бумаги для печатания маленьких воззваний с призывом голосовать на выборах во II Государственную думу за кандидатов МК РСДРП.

Когда я ещё раз явился через неделю за бумагой, управляющий подал мне воззвание на красной бумаге и сказал: "Вы быстро, чисто и аккуратно работаете: это воззвание принесли мне на дом". На это я ему ответил, что такая красная бумага, очевидно, выделяется и на других фабриках, а я такими делами не занимаюсь. Я никак не мог понять, хотел ли он порадовать меня похвалой нашей работы или был недоволен, что его бумага употребляется для такого дела» [49, с. 108].

Когда возможности легального печатания партийных материалов не было, приходилось прибегать к революционным методам. Об интересном

факте, имевшем место в годы первой русской революции, свидетельствовал член партии с 1904 года, депутат первого Моссовета Е. А. Киселев: «Спрос на нелегальную литературу в это время был большой, нелегальная типография Московского комитета не успевала выпускать нужное количество брошюр и листовок. По указанию Московского комитета мы, девять дружинников Бутырского района, под руководством А. С. Ведерников захватили на шесть часов частную типографию, находившуюся на углу Долгоруковской и Садовой-Каретной улиц, и отпечатали в ней более 45 тысяч экземпляров прокламаций МК РСДРП о выборах во II Государственную думу.

Перед тем, как занять типографию, Ведерников сказал нам, что что должен делать. Как только зажглись огни, мы, вооружённые на всякий случай револьверами и тремя бомбами, подошли к типографии. Два человека вошли во двор и заняли один выход из типографии, а другие под видом заказчиков и рабочих вошли в другой – с улицы, оставив двух человек у двери, чтобы никого из типографии не выпускали. Остальные, подойдя к владельцу типографии и вынув револьверы, спокойно объявили, что он арестовывается на время, пока мы отпечатаем нужное количество прокламаций. Отвели его в маленькую комнатку, поставили дежурить двоих дружинников и приказали, чтобы он не шумел, так как иначе пойдёт к праотцам. После такого предупреждения хозяин стал вежливым и даже давал нам кое-какие технические указания. Когда Ведерников рассказал рабочим типографии, в чём дело, то рабочие с радостью принялись устанавливать принесённый нами готовый набор.

Отпечатанные прокламации мы упаковали и на глазах у стоявшего на улице городского погрузили на извозчика и отправили на нелегальный склад Московского комитета. Дня через два распространили по предприятиям района» [50].

Помимо листовок и периодической печати партия широко использовала митинги, публичные лекции и собрания. Характерный образчик большевистской агитации приводит в своих воспоминаниях о предвыборной кампании на Урале старый партиец Мартын Николаевич Лядов: «Выступая на избирательных собраниях и среди рабочих и крестьян, мы ставили вопрос таким образом: вот перед вами выступают представители разных партий, каждый из них обещает вам очень многого добиться в Государственной думе, если вы их выберёте. Мы, напротив, вам ничего не обещаем и решительно заявляем, что, кого бы вы ни послали в Думу, они ничего вам дать не смогут. Дума бессильна дать что бы то ни было. Если соберётся революционная Дума, она будет разогнана царём, так же, как была разогнана I Дума. Если Дума соберётся черносотенная или кадетская, она будет защищать помещичью землю от крестьян, защищать барыши заводчиков от посятателей рабочих...

Выбирайте только тех выборщиками и депутатами, кто сможет организовать вас, избирателей, и подготовить к выступлению. Не Дума, а вы сами во главе с wybranными вами депутатами доведёте революцию до конца, отобьёте наступление реакции, отберёте всю помещичью землю. Пусть идут в Думу только те, кто готов вместо Думы попасть на каторгу, на виселицу» [38, с. 196].

Несмотря на шок, вызванный в обществе столыпинскими законами о военно-полевых судах, кампания по выборам депутатов II Думы набирала

обороты. По сравнению с ситуацией годичной давности почти во всех губерниях проводилось большое количество предвыборных собраний с увлекательными диспутами представителей различных, порой крайне враждебных, политических сил. Довольно колоритно некоторые эпизоды предвыборных баталий образца 1906 года изобразил всё тот же М. Н. Лядов: «В Уфе мне пришлось выступать на большом предвыборном собрании, устроенном кадетами в дворянском клубе... На собрание пришли черносотенцы во главе с толстым дьяконом, пришли специально, чтобы сорвать собрание. Кадет начал свою речь, направленную исключительно против левых и, в частности, против большевиков...

Как только начал он говорить свою речь, черносотенцы под руководством толстопузого дьякона подняли невероятный крик и шум. Прерывали его буквально на каждом слове. Дьяконовская иерихонская труба заглушала голос несчастного кадета.

Сейчас же после него выступать пришлось мне... Как только я начал разделять кадета, черносотенцы приняли меня за своего, всё время поддерживали меня своими выкриками: "Так его, валяй, знай наших". Аплодировал буквально весь зал.

Покончив с кадетами, я принялся за черносотенцев. И тут получился курьёз. Большинство рядовых черносотенцев, не разобравшись как следует, ещё долго продолжало поддерживать меня своими сочувственными выкриками, несмотря на то, что их руководители с дьяконом во главе уже поняли, что я далеко не свой, и пытались прервать меня. Мне уже удалось овладеть всей толпой. Тогда я перешёл к нашим лозунгам, к развитию нашей платформы... Полицейстер вскочил на сцену, но, видя настроение толпы, не решился прервать меня. Я вполне благополучно договорил свою речь до конца. Но, как только слово взял меньшевик и начал было говорить, полицейстер выскочил вперёд и заявил, что закрывает собрание и требует, чтобы публика разошлась. Затем он с оравой городских бросился ловить меня, но мне удалось спрыгнуть со сцены в самую гущу толпы» [Там же, с. 199].

Как уже отмечалось, IV съезд РСДРП, состоявшийся накануне выборов во II Думу, ненадолго объединил противоборствующие течения в партии. Ленин и большевики, ставящие главной программной целью революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян, настаивали на формировании «Исполнительного комитета левых» – совместных действиях исключительно с левыми партиями, представлявшими многомиллионное крестьянство и городскую мелкую буржуазию. Однако меньшевики, видевшие ближайшую политическую перспективу в установлении строя буржуазной демократии западноевропейского типа, по-прежнему выступали за так называемое «кадетское министерство», за предвыборный блок с либералами.

«Всю свою деятельность, – рассказывал П. Н. Караваев, большевик, входивший в то время в воронежскую партийную ячейку, – меньшевики перенесли в легальные организации, вели кое-какую работу в профсоюзах, главным образом в союзе приказчиков, и, кроме того, готовились к выборам во II Государственную думу, ведя переговоры с местным комитетом кадетской партии о взаимной поддержке.

Кадеты, представленные в Воронеже такими крупными деятелями, как, например, Шингарёв, использовали готовность меньшевиков таскать для них каштаны из огня... Как-то на многолюдном собрании выступал с докладом Шингарёв, пользовавшийся в Воронеже большим влиянием. И вдруг после него берёт слово неведомый широкой публике представитель партии социал-демократов, большевик...

«Мы тут слышали, – сказал я, – много хороших слов о борьбе с реакцией, о народной свободе, демократии. Но беда в том, что говорится всё это представителем кадетской партии исключительно в целях уловления голосов и получения мест в Думе. По сути же кадеты представляют собой совсем не то, что они о себе говорят на предвыборных собраниях. Они отнюдь не защитники народной свободы, а её предатели, готовые в любой момент перевернуться и пойти на сделку с царём и его правительством. Как только им посулят кусочек власти...»

Огромное большинство собрания горячо приветствовало выдвинутые мной от имени комитета нашей партии лозунги. Шингарёв с кисло-сладкой улыбкой начал возражать, что, мол, выступавший оратор выражает мнение только одной части своей партии. Другая же её часть не считает кадетов контрреволюционерами и даже заключила с ними соглашение о совместных действиях на выборах. Ещё раз взять слово я не мог. Присутствовавший на собрании полицейский ещё во время моего выступления вызвал по телефону наряд полиции. Пришлось убраться. Рабочие на ходу переменяли мне шапку, куртку, и под их прикрытием мне удалось ускользнуть» [51, с. 78–79].

Предвыборная кампания показала провал «хвостистой» тактики меньшевистских вождей, плетущихся вслед за кадетами. «Немало курьёзов припоминается мне в ходе избирательной кампании, – добавляет М. Н. Лядов. – Приезжаю в Челябинск. Наиболее крепкая наша организация там в железнодорожных мастерских. Товарищи жалуются, что местные меньшевики в панике, в страхе перед тем, что может пройти черносотенец...

Меньшевики тогда решили, что лучше совсем не выставлять своего списка, а просто голосовать за кадетов. Я предлагаю выставить исключительно большевистский список и идти и против чёрных (черносотенцев-монархистов. – *И.М.*), и против кадетов, и против меньшевиков. Ребята говорят: "Да у нас нет ни одного более или менее известного кандидата, которого можно выставлять в список". Говорю: "Плевать на известного, намечайте рядовых, никому не известных рабочих, пусть голосуют не за лица, а за нашу партию". Так мы и сделали... Наш список прошёл громадным большинством голосов» [38, с. 198].

Большевиков хорошо принимали не только в рабочей среде. Им удалось развернуть плодотворную агитационную работу и среди студентов. На предвыборных митингах и собраниях Петербурга блистал двадцатилетний Николай Крыленко, в дальнейшем первый советский нарком юстиции. Его современник, в то время студент историко-филологического факультета столичного университета И. Егоров рассказывал, как оттачивалось ораторское мастерство будущего государственного обвинителя СССР: «Пользуясь начавшейся кампанией по выборам во II Государственную думу, большевики проникали на все митинги, громили там кадетских ораторов и осторожных

меньшевиков. На одном таком митинге, где выступал Крыленко, довелось присутствовать и мне... Там собрался "цвет" кадетской партии: сам её лидер, историк П. Н. Милюков; всем известный оратор, адвокат Ф. И. Родичев; сын министра юстиции правительства Александра II, сам адвокат В. Д. Набоков; помощник присяжного поверенного (адвоката) М. М. Винавер; профессор-правовед Н. А. Гредескул. От меньшевиков присутствовал Ф. И. Гурвич, который позднее, особенно в 1917 году, стал более известен под псевдонимом Дан. Первыми выступали кадеты – Винавер и Милюков. Последний, говоря свободно, уверенно и чётко, сумел завоевать слушателей. И вдруг в задних рядах, где я сидел, кто-то вполголоса воскликнул:

– Вот я ему сейчас!

Я оглянулся и узнал уже известного мне товарища Абрама – Николая Васильевича Крыленко. Сделав энергичный жест рукой, он потребовал слова. Появившись на трибуне в расстёгнутом пиджаке и простой рубахе, он являл собой резкий контраст пожилым профессорам в безукоризненных сюртуках и манишках. Аудитория сразу прониклась к нему расположением. Крыленко произнёс свою очередную громовую речь против кадетов. Газета "Копейка" сообщила однажды в полушутливой форме, что большевик Крыленко произнёс двадцать пять тысяч речей против лидера кадетской партии П. Н. Милюкова» [37, с. 83–84].

Словом, большевистские партийные комитеты, используя открывшиеся в ходе избирательной кампании возможности, повсеместно способствовали вовлечению в политическую жизнь страны большого количества новых участников. Что же касается особенностей самой выборной процедуры, то их почти полвека спустя воссоздал для потомков В. А. Чащин. Вот как проходили выборы в Перми: «Избирательное собрание проводил городской голова Рябинин. Когда собрались все уполномоченные, городской голова объявил избирательное собрание открытым. После предварительного голосования все намеченные в списках кандидаты баллотировались шарами.

Городской голова предложил каждому баллотирующемуся занять место около урны, в которую уполномоченные будут класть свои шары. Интересно, что, когда человек подходил к урне, он осматривал с ног до головы того, кто баллотировался, и последний, по его взгляду, чувствовал, какой шар будет положен в урну – чёрный или белый...

Городской голова пытался посадить баллотироваться "рабочего кадета", но мы категорически запротестовали, указывая Рябинину, что это явное нарушение положения о выборах. Уполномоченные настолько сплочённо действовали, что поднялся протестующий шум. Рябинин, взбешённый, призывал к порядку; "рабочий кадет" соскочил со стула, замахал руками, давая понять, что он не будет баллотироваться. Таким образом, махинация городского головы не прошла» [41, с. 176].

Эти воспоминания позволяют увидеть кардинальное различие между нынешней избирательной процедурой и той, дореволюционной. Сегодняшний российский избиратель может не только ни разу в жизни не увидеть своего депутата, но и вообще не подозревать о его существовании. Система выборов начала XX века при всей её вопиющей антидемократичности практически полностью исключала попадание в уполномоченные и выборщики,

а затем и в Думу кандидата, не имевшего никакого отношения к данной курии, к данной территории, к конкретному предприятию.

Тактика «левого блока» была успешно реализована большевиками в обеих столицах и ещё 38 других городах европейской России. Оценивая результаты выборов в Петербурге, где кандидаты «левого блока» получили более 25 % голосов избирателей, В. И. Ленин отмечал: «...Все, способные на борьбу, пошли за нами. Левый блок стал фактом» [10, т. 14, с. 369].

Важно подчеркнуть, что в первом же открытом политическом бою партия, против которой фактически был направлен не только избирательный закон, но и вся выборная система, оторвала от кадетов значительную массу политически активных, сознательных граждан. В 22 крупных российских городах конституционные демократы получили 74 тысячи голосов, а «левые» кандидаты (трудовая крестьянская фракция, социал-демократы и социалисты-революционеры) – 41 тысячу голосов избирателей. По сравнению с предыдущими выборами кадеты потеряли 80 депутатских мест, а левые, напротив, в совокупности обрели 222 места, то есть 43 % от общего числа депутатов парламента. Таким образом, II Государственная дума оказалась ещё более оппозиционной, чем первая (см.: [29, с. 608]).

Ныне трудно даже представить, чтобы убытие народных избранников с мест в столицу, на первое пленарное заседание только что избранной Государственной думы волновало бы кого-нибудь ещё, кроме небольшого числа региональных чиновников и сотрудников аппарата парламента. А в те годы завершение выборов стало настолько значимым событием, что повсеместно ознаменовалось шумными политическими акциями. Не случайно большевичке Цецилии Бобровской (Зеликсон) запомнились проводы одного из рабочих депутатов: «Ивановская партийная организация в это время заканчивала кампанию по выборам во II Государственную думу. После длительных переговоров с орехово-зுவскими товарищами, выдвигавшими своего кандидата по Владимирской губернии, ивановцам удалось отстоять кандидатуру своего товарища – Жиделёва. Проводы депутата вылились в грандиозную демонстрацию на площади у вокзала, где собрались рабочие со всех фабрик и заводов города. С яркими речами выступили на проводах наши агитаторы. Хотя на площади было немало явной и тайной полиции, а вдали разъезжали казаки, нам, членам Комитета, по окончании митинга удалось благополучно уйти с площади, никто из нас не был арестован» [52].

Газета «Новый луч» писала о том, что 20 февраля 1907 года, в первый день работы Думы, все улицы, ведущие к Таврическому дворцу, были полны рабочим людом, мастеровыми, студентами. Появление социал-демократических депутатов с красными гвоздиками в петлицах пиджаков толпа встретила аплодисментами и приветственными возгласами: «Да здравствует революционная Дума!», «Требуйте земли и воли для народа!», «Амнистию!» (см.: [27, с. 82]).

II Государственная дума начала свою работу с конфуза. Накануне программной речи премьера Столыпина в зале заседания обвалился потолок. Обескураженные депутаты, по свидетельству очевидца, приходили во дворец, с любопытством рассматривали обезображенный зал и раздавленные тяжёлые дубовые кресла. Нетрудно представить, чем обернулось бы обрушение потолка во время пленарного заседания. Через несколько дней предста-

витель большевистской части думской фракции РСДРП, комментируя случившееся, заявил: «Граждане депутаты! Когда я пришёл сюда, я нисколько не удивился известию о том, что обвалился потолок над тем местом, где должны были заседать народные представители. Я уверен, что потолки прочнее всего в министерствах, департаментах полиции и в казематах тюрем». Шум и аплодисменты заглушали речь оратора. Но, с немалым трудом продолжив, он предложил подыскать другое, самое крепкое помещение для думы, так как народ ждёт, что сделают для него его представители. «Если народ узнает, что над нами валяются потолки, он сумеет сделать из этого соответствующий вывод», – закончил своё выступление большевик [41, с. 192].

Несмотря на то, что линия РСДРП определялась весьма «осторожным» меньшевистским большинством²³, фракция социал-демократов за короткий срок стала едва ли не самой заметной во II Думе. Руководил фракцией комитет, состоявший из 7 человек. Все депутаты фракции были распределены по отраслевым комиссиям: по бюджету, по запросам правительству, по рабочему вопросу, по аграрному вопросу, по связям с избирателями, по национальному вопросу, по делам безработных и другим.

На большевистскую идейную платформу в социал-демократической фракции ориентировались Г. А. Алексинский, А. П. Вагжанов, А. К. Виноградов, И. Ф. Голованов, Н. А. Жиделёв, А. В. Калинин, И. Н. Нагих, Е. А. Петров, И. А. Петров, И. Р. Романов, И. Д. Серебряков, В. М. Серов, М. С. Татарин, В. А. Чащин, А. А. Шпагин. Примыкали к большевикам В. А. Анисимов, И. А. Губарев, И. П. Марев.

Даже при столь внушительном большевистском представительстве все руководящие посты – членов руководящего комитета фракции, сведущих лиц (экспертов), председателей обеих комиссий (по рабочему вопросу и по запросам) – оказались заняты исключительно меньшевиками. На предложение большевистских депутатов привлечь к работе во фракции в качестве эксперта В. И. Ленина меньшевистский комитет не просто ответил отказом, но, словно издеваясь, предоставил право решающего голоса стороннику кадетов Прокоповичу.

Практически сразу возникли внутрифракционные разногласия по вопросу о председателе Думы. Большевики предлагали выдвинуть на этот пост трудовика или любого беспартийного депутата левых взглядов. Но меньшевистская часть фракции, предварительно сговорившись с кадетами, поддержала кандидатуру Ф. А. Головина. Ленин мгновенноотреагировал гневной заметкой, в очередной раз осудив типично меньшевистскую черту «не разъяснять народу того, какое политическое значение имеет выбор президиума, почему обязательно для всякого сознательного гражданина решить этот вопрос с точки зрения отношения партии, а не по частным, закулисным делам» [10, т. 15, с. 31].

Коммунистической партии Российской Федерации, хорошо усвоившей этот ленинский урок, приходилось подчас жёстко осаживать тех

²³ Из 54 социал-демократических депутатов 36 были меньшевиками и только 18 большевиками. Ещё 11 человек входили во фракцию с правом совещательного голоса, так как прошли в Думу независимо от своих партийных организаций.

членов своей фракции в Государственной Думе, кто оказался склонён к подобным «закулисным сделкам». Для КПрФ важны не сами по себе высокие парламентские посты, а степень реального влияния партии на политические процессы в интересах простых граждан.

Весной 2002 года, грубо нарушив так называемое «пакетное соглашение» между фракциями и депутатскими группами Государственной Думы третьего созыва, фракции «Единство»²⁴, «Отечество – вся Россия»²⁵, а также группы «Народный депутат»²⁶ и «Регионы России»²⁷, образовав парламентское большинство, проголосовали за лишение депутатов-коммунистов ряда значимых думских постов. В ответ на это Пленум ЦК КПрФ 3 апреля 2002 г. принял решение о нецелесообразности дальнейшего пребывания членов партии в должностях Председателя Государственной Думы и председателей двух думских Комитетов, «милостиво» оставленных КПрФ «победителями». И в самом деле, зачем, замещая всего лишь три ничего не значащих в общем раскладе сил поста, нести солидарную ответственность за антинародный курс парламентского большинства?

Однако члены Центрального Комитета КПрФ Г. Н. Селезнёв, С. П. Горячева и Н. Н. Губенко отказались выполнить данное решение, фактически поставив личное выше партийного. За невыполнение требований Устава КПрФ все трое, несмотря на широкую общественную известность и высокий авторитет, были исключены из рядов партии [53].

Сохранились воспоминания рабочего депутата-большевика В. А. Чащина, по которым вполне можно представить степень взаимного неприятия. Как-то на одном из заседаний фракции меньшевик Мартынов злобно закричал: «Большевики могут убираться с собрания фракции к чёртовой бабушке, потому что они мешают работать». Эта хамская выходка так возмутила большевика Ивана Романова, что тот «рассвирепел, схватил рядом стоящую табуретку и хотел двинуть ею Мартынова, но его задержали, а Мартынов спрятался за спину Церетели» [41, с. 191].

О том, как непросто выстраивались отношения внутри фракции яснее всего, пожалуй, свидетельствуют протоколы V съезда РСДРП, состоявшегося весной 1907 года в Лондоне. Лидер фракции меньшевик Ираклий Церетели представил съезду обстоятельный доклад «Отчёт думской фракции

²⁴ Фракция Государственной Думы третьего созыва, образованная депутатами от избирательного блока «Медведь», основной целью которого декларировалась поддержка Председателя Правительства Российской Федерации В. Путина. Позднее Общероссийское общественное движение с данным названием было преобразовано в партию «Единство», просуществовавшую до 2001 года. Возглавлял думскую фракцию Б. Грызлов.

²⁵ Фракция избирательного блока «Отечество – вся Россия», образованного в 1999 году из движения «Вся Россия» во главе с Президентом Татарстана М. Шаймиевым и объединения «Отечество», возглавляемого мэром Москвы Ю. Лужковым.

²⁶ Проправительственная депутатская группа, действовавшая в Государственной Думе под руководством Г. Райкова, на базе которой была создана так называемая «Народная партия Российской Федерации».

²⁷ Ориентированная на проведение политики Президента и Правительства Российской Федерации группа «независимых» парламентариев, которая существовала в Государственной Думе второго и третьего созывов.

и её организация», в котором вновь попытался разъяснить делегатам суть внутривнутрипартийных разногласий: «Меньшинство фракции, большевики, исходили из того, что единственные фракции, которые в настоящий момент представляют в Думе действительно революционные силы, – это народнические фракции. С ними только считали они возможным согласованные выступления, а потому настаивали на том, чтобы только с ними вошли бы мы впоследствии в информационное бюро. С кадетами же они не считали возможным входить в информационные сношения... Большинство фракции, меньшевики, не соглашались с такой постановкой вопроса. Они говорили: для того, чтобы определить, с какими фракциями возможны совместные выступления в Думе, нужно принять за мерило, является ли данная фракция на данной стадии развития удовлетворённой политикой существующего режима. В частности о кадетях меньшевики говорили: их насущные требования ещё не удовлетворены и, хотя они имеют иллюзии мирного разрешения вопроса о борьбе с самодержавным правительством, но они ещё являются оппозиционной силой как по своим требованиям, так и по своему социальному составу» [54, с. 204].

Из данного основополагающего расхождения, по словам докладчика, вытекали и все другие трения между большинством и меньшинством фракции: по вопросам о выборе руководства Думы, об ответе на тронную речь царя, о государственном бюджете, об аграрной реформе. Однако обе части фракции сходились в постановке главных целей парламентской работы: «Мы будем смотреть на Думу: 1) как на агитационную трибуну, 2) как на организационный центр» [Там же, с. 218].

Яростным оппонентом Церетели выступил Григорий Алексинский, в то время ещё находившийся в стане большевиков. «Когда, например, социал-демократы являются в парламенте людьми, склонными к мелкому политиканству или политическому оппортунизму, то рабочие нередко начинают говорить о ненужности и вредности парламентской борьбы вообще, – заявил Алексинский в своём альтернативном докладе. – Ввиду этого совершенно недостаточно нашу деятельность оценивать лишь в узко практическом её содержании. Вопрос надо ставить шире: была ли фракция последовательной выразительницей революционных задач социалистического пролетариата России в современной революции? И если мы ответим на этот вопрос утвердительно, тогда, только тогда, мы имеем право сказать: да, она выполнила возложенную на неё партией обязанность» [Там же, с. 220].

Отвечая на поставленный вопрос отрицательно, Г. А. Алексинский далее подчеркнул, что «в деятельности думской фракции постоянно сказывалась ложная тактическая позиция меньшевистского ЦК, руководившего ею. Деятельность наша в Думе сразу приняла нерешительный, колеблющийся характер. И только вследствие того, что кадеты совершили ряд измен и предательских шагов, сложилась такая обстановка, которая неизбежно делала нашу фракцию меньшевистской, толкала её на правильный путь» [Там же, с. 234].

Как всегда ярко и убедительно противоположные точки зрения на V съезде РСДРП были представлены в выступлениях В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого.

«Внефракционный» делегат Лев Троцкий²⁸ обрушился с резкой критикой на обе части партии: на большевиков – за то, что «они внесли резолюцию, которая представляет собою, в сущности, **вотум** недоверия думской фракции», на меньшевиков – за частые отвлечения «от реально развивающейся классовой борьбы», за «ошибки в избирательной кампании» и в парламентской деятельности. «Вы требуете, чтобы я внёс на съезд примирительную резолюцию в то время, как вы всем своим поведением подрываете возможность компромисса. Вы хотите торговаться из-за каждого слова на съезде, состоящем из 300 человек, вместо того, чтобы сделать искреннюю попытку соглашения в комиссии», – бросил он в заключение Ленину [Там же, с. 280]. Лицемерные нападки Троцкого не остались без ответа. «Он громил нас за внесение нами "неприемлемой" резолюции, – парировал лидер большевиков. – Он грозил прямо расколом, уходом думской фракции, якобы оскорбляемой нашей резолюцией... Видеть оскорбление в спокойном признании ошибок, без всякого порицания в резкой форме, говорить по поводу этого о расколе, разве это не чудовищно? Разве это не показывает болезнь нашей партии, боязнь признания ошибок? Боязнь критики думской фракции?»

Одна возможность такой постановки вопроса показывает, что есть непартийное нечто в нашей партии. Это непартийное – в отношениях думской фракции к партии. Думская фракция должна быть более партийна, более тесно связана с партией, более соподчинена всей пролетарской работе. Тогда исчезнут вопли об оскорблении и угрозы расколом» [Там же, с. 289–290].

Принцип полной подотчётности парламентской фракции выдвинувшей её политической партии, который был сформулирован в самом начале XX века В. И. Лениным, стал одной из незыблемых организационных основ возрождённой КППФ.

«Разумеется, парламентская деятельность таит в себе разного рода угрозы и ловушки, – говорил Г. А. Зюганов в июне 2013 года на Первом Всероссийском съезде депутатов-коммунистов и глав органов исполнительной власти, избранных при поддержке КППФ. – Умение обходить их требует как политического мастерства, так и стойкости, принципиальности, гражданской ответственности. ЦК и ЦКРК КППФ постоянно заботятся о том, чтобы представляющие партию депутаты не заражались болезнями буржуазного парламентаризма, ответственно и новаторски помогли партии быть авангардом трудящихся.

²⁸ На II съезде РСДРП Троцкий вначале поддерживал Ленина, а затем активно выступал против ленинских формулировок Устава партии. В октябре 1903 года, вместе с П. Б. Аксельродом, Ф. И. Даном и Ю. О. Мартовым он вошёл в так называемое «бюро меньшинства». Однако, быстро разочаровавшись в меньшевиках и меньшевизме, молодой амбициозный политик организовал в партии собственную группу, занимавшую «среднее» положение между двумя главными силами. Постоянные колебания Троцкого и его сторонников побудили В. И. Ленина окрестить их «тушинским перелётом» – презрительной кличкой, известной на Руси ещё со «Смутного времени»: ««Тушинские перелёты» объявляют себя выше фракций на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярким «искровцем», в 1901–1903 годах, и Рязанов назвал его роль на съезде 1903 года ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 года Троцкий – яркий меньшевик... В 1904–1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартовым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию» [10, т. 25, с. 206].

Депутат КПрФ должен служить интересам народа. Он не вправе отрываться от работы в отделениях партии и обязан поддерживать с ними постоянную тесную связь. Принцип руководства депутатскими фракциями со стороны партийных комитетов и их бюро должен неукоснительно соблюдаться» [55, с. 38].

Ленинский принцип подконтрольности коммунистов-депутатов своим партийным комитетам нашёл своё отражение и в Уставе КПрФ: «Члены партии, избранные депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, представительных органов муниципальных образований и (или) входящие в составы фракций КПрФ соответствующих законодательных (представительных) органов, обязаны руководствоваться в своей работе решениями партии и её руководящих органов и осуществлять свою депутатскую деятельность на основе Устава и Программы КПрФ» [1, с. 20].

Выполняя эту ленинскую установку, депутаты-большевики сразу по возвращении в Петербург установили прочную связь со столичным комитетом партии. Члены II Думы Н. А. Жиделёв, А. В. Калинин, И. Р. Романов даже поселились в том же доме, где размещалась редакция легальной большевистской газеты «Новый луч». Были приняты совместные решения о проведении постоянных совещаний фракции и партийной организации, об организации встреч депутатов-большевиков с рабочими непосредственно на промышленных предприятиях города. Под давлением большевистской группы фракция РСДРП наметила ряд шагов по укреплению взаимодействия с местными партийными ячейками: учреждение специальной легальной газеты, издание думских отчётов и протоколов заседаний фракции, приём обращений от населения.

Василий Чащин, мысленно возвращаясь в дореволюционные годы, описывал то, как депутаты-большевики выступали на собраниях и митингах рабочих завода Вестингауза, фабрики «Резиновая мануфактура», в Солёном городке. «Много раз посещали жилые полуподвалы рабочих – затхлые, полусырые, где проводили беседы на политические темы. Рабочие и их жёны были бесконечно рады видеть нас. Они знали, что мы депутаты, и принимали нас приветливо» [41, с. 200].

Однако из приведённых здесь воспоминаний вовсе не следует, что царская власть смотрела на внедумскую деятельность РСДРП «сквозь пальцы». Напротив, всем губернаторам и градоначальникам председателем Совета министров Столыпиным был разослан циркуляр с жёстким указанием не допускать встреч левых депутатов с населением, привлекать к ответственности политических агитаторов, даже если они члены Государственной думы. За социал-демократами был установлен постоянный полицейский надзор, вся их корреспонденция перлюстрировалась, а некоторых из них попросту выдворяли с думских заседаний.

Несмотря на постоянно чинимые препоны, в адрес фракции потоком шли наказания, ходатайства, письма и телеграммы со всех концов необъятной империи. Одна из таких телеграмм поступила на имя рабочих депутатов И. Р. Романова и Н. И. Долгополова в феврале 1907 года от приказчиков, со-

бравшихся на свой митинг в Нижнем Новгороде. В ней говорилось: «Передайте нашу волю... что одним из первых требований Государственной думы должно быть: всеобщая амнистия, отмена смертной казни, уничтожение военно-полевых судов, чрезвычайных охран. Добивайтесь передачи всей земли в руки трудящихся на ней! Добивайтесь полномочного Учредительного собрания!» (цит. по: [14, с. 122]).

В тот год, год подавления первой русской революции, вообще не было, пожалуй, более животрепещущей темы общественного обсуждения, чем разнужданный полицейский произвол. Бывалый революционер-подпольщик, член «боевой технической группы РСДРП» Н. Е. Буренин, подытоживая свой жизненный путь в книге «Памятные годы», приводил факты, о которых и сегодня невозможно читать без содрогания: «В апреле 1907 года во II Государственной думе был сделан запрос, подписанный 35 депутатами, в котором приводилось описание пыток над арестованными: "...В ночь с 13 на 14 января 1906 года 18-летнего Лапса, от которого никак не могли добиться никакого признания, повалили на пол; один из помощников пристава вскочил ногами на грудь его и прыгал до тех пор, пока грудная клетка и рёбра у Лапса не были проломлены. После этого Лапса вплоть до своего расстрела не мог ничего принимать, кроме воды. Стрздыня, поваленного на пол, били по икрам ног до тех пор, пока они не напухли и мясо не стало отваливаться от костей. На голой спине Карлсона (Лютера, который был арестован под фамилией Карлсон. – *Н.Б.*) резиновыми палками искромсали им самим написанный и не понравившийся комиссии протокол дознания, тыкали пальцами и карандашами в глаза, били. Допрос каждого обвиняемого продолжался до нескольких часов"» [56].

В свете процитированного документа весьма забавным представляется вывод, сделанный в фундаментальном труде А. Смирнова «Государственная Дума Российской империи 1906–1917»: «Вторая Дума оказалась плохим партнёром правительству, вступившему на путь реформ, **постепенного строительства правового государства** (выделено мной. – *И.М.*)» [29, с. 313]. Что и говорить, изощрённые пытки и убийства арестованных являются непременными атрибутами такого государства.

Гнетущую атмосферу страха и безнадёжности, царившую тогда в российском обществе, хорошо выразил один из поэтов, который в подражание Афанасию Фету написал следующие строфы:

Ропот. Ложка без движенья.
В пищу – лебеда.
На военном положеньи
Сёла, города.
Ночью – обыск, днём – шпионы,
Страх, что донесут.
Вечно новые законы,
Скорострельный суд.
Запрещения, угрозы
Нынче, как вчера.
И страдания, и слёзы,
И – ура! Ура!!! [30, с. 224].

Крупным политическим вопросом, рассмотренным II Думой, стал вопрос об отмене пресловутых военно-полевых судов. Пользуясь тем, что правительство Столыпина так и не предложило законопроекта о военно-полевом судопроизводстве, левые фракции выступили за немедленное прекращение их кровавой деятельности, а также за отмену военных положений и чрезвычайной охраны. Более того, «трудовики» попробовали было внести предложение об отмене смертной казни, но у правых и кадетов нашлись в тот день «более важные» темы для обсуждения: законопроекты о местном самоуправлении и судах. Предпринималась и попытка вотировать вопрос о всеобщей политической амнистии, но он, как обычно, был «утоплен» в комиссии, долго выяснявшей правомочность Думы рассматривать подобные законопроекты.

Социал-демократы вносили запросы об убийствах и истязаниях в рижской тюрьме и предании военно-полевому суду 74 человек, о преследовании профессиональных союзов, об избииении полицией рабочих, о незаконных действиях генерала Таубе в отношении бастующих моряков Каспийского флота. Когда Дума рассматривала правительственный законопроект о контингенте новобранцев, социал-демократическая фракция не преминула устами А. Г. Зурабова заявить о том, что царская армия проявляет «доблесть» только в борьбе с безоружным народом своей страны, но не способна дать надлежащий отпор внешнему врагу (цит. по: [19, с. 272]). Оратор поплатился за это высказывание отстранением от участия в ряде заседаний и специальным решением Думы, осуждающим «недостойное поведение» депутата.

За весьма короткий период работы II Думы (103 дня) на рассмотрение депутатов было внесено 287 правительственных проектов законов, в том числе бюджет на 1907 г., законопроекты о местных судах и ответственности чиновников. Дума одобрила только 20 из них, причём лишь три документа получили статус закона (об установлении контингента новобранцев и два проекта помощи пострадавшим от неурожая).

Так, под неистовым напором социал-демократической фракции думское большинство было вынуждено поддержать проект закона об отмене ограничений в правах, связанных с национальностью или вероисповеданием. С позицией социал-демократов фактически солидаризировались разработчики другого важного закона – о неприкосновенности личности. В своём решении они не только указали правительству на отживший характер «обручительной системы», но и заявили о том, что «все жители империи, без различия народностей и вероисповеданий, имеют право свободно и беспрепятственно развивать свой национальный быт» (см.: [34, с. 106]).

Одним из злободневных вопросов, в ходе обсуждения которого особенно отчётливо проявились позиции думских фракций, стал вопрос о помощи безработным. Кадеты считали, что такую помощь необходимо предоставить лишь тем, кто утратил работу не по своей вине, а вследствие промышленного кризиса. Кадетский вариант резолюции вполне устраивал правительство, которое не считало возможным поддерживать тех, кто был выброшен за ворота предприятий в результате стачек и забастовок.

«Октябрист» С. Шидловский вообще предлагал решить эту проблему в «частном порядке»: пустить, что называется, шапку по кругу и собрать 25 тысяч рублей на организацию общественных работ. Совсем иной была

точка зрения большевистской группы, которая действовала в самом тесном контакте с Советом безработных Петербурга. Выступая на заседании Думы, депутат-большевик Василий Серов заявил, что «рабочий не требует нищенской помощи. Он требует хлеба и работы... Голодает сейчас не только класс крестьян, но и рабочих, тот класс, на котором лежит всё государство» [57].

Исход прений решил то, что социал-демократов, которые настаивали на исключении из текста резолюции слов «пострадавшим от промышленного кризиса», поддержали такие влиятельные во II Думе силы, как фракции трудовиков и эсеров. Небольшой, но политически важной победой левого крыла стал результат голосования: 223 голоса против 202 в пользу исключения дискриминационной формулировки. «В самой Думе социал-демократические речи проносились довольно свободно, – отмечал историк и публицист Михаил Ольминский. – Но в наказание за напечатание этих речей часто следовало закрытие газеты, а то и арест, и привлечение редакции к суду. Социал-демократы, члены Государственной думы считались "неприкосновенными" (что не помешало, однако, отправке их в 1908 году на каторгу и в 1915 году – в ссылку на поселение). Но лица, помогавшие работе депутатов, а то и просто изблечённые в знакомстве с ними, арестовывались и высылались под надзор полиции» [20, с. 23].

Наиболее острые и длительные дискуссии (они продолжались около трёх месяцев), как и в I Думе, разворачивались вокруг аграрной реформы. Премьер Столыпин и его подручные жёстко продавливали фактическое уничтожение формировавшейся веками русской сельской общины. Большинство их оппонентов, в основном из «трудоиков», эсеров и социал-демократов, выступали за так называемое «отчуждение» земли у помещиков без выкупа. «Крестьяне могли выдвигать в Думе свои проекты, иметь свои взгляды на своё будущее, но это было глубоко безразлично творцу реформы, – пишут по этому поводу авторы исследования "Драма российских реформ и революций" Е. Плимак и И. Пантин. – Крестьянское будущее виделось Столыпину преимущественно в форме хуторов или отрубов, либо в форме переселения излишнего элемента в Сибирь и на другие окраины России» [58].

В конце марта 1907 года В. И. Ленин подготовил в помощь депутатам фракции РСДРП «Проект речи по аграрному вопросу», требующий принудительного отъёма земельной собственности у кучки помещиков, обладающих 600 десятинами земли на каждого (при этом на один крестьянский двор в среднем приходилось в то время чуть более 11 десятин). Если учесть, что в стране насчитывалось не менее 6 миллионов крестьянских дворов, становится ясно, каковы истинные масштабы вопиющей несправедливости. Только в том случае, подчёркивал Ленин, если их наделы будут как минимум удвоены, нынешние малоземельные крестьяне, вечно бедствующие, голодающие, сбивающие цену на труд рабочих в городах могут «почувствовать себя людьми» [10, т. 15, с. 139]. Несмотря на чёткость аргументации, наглядность и неопровержимость приведённых статистических данных, ленинский проект был отклонён меньшевистским комитетом фракции, взхлѐб расхвалившим кадетский план муниципализации земли, который предусматривал передачу права собственности или распоряжения ею не самому крестьянству, а органам местного самоуправления. Вполне понятно, что крестьянские депутаты чаще всего солидаризировались не с кадетской и меньшевистской, а с большевистской позицией.

Социал-демократическая и трудовая фракции вернули депутатский корпус к обсуждению мер помощи пострадавшим от голода. В принципе согласившись с предложением левых о формировании специальной комиссии, думское большинство фактически заранее провалило её работу. Кадеты и правые депутаты выступили против посылки членов Государственной думы в голодающие губернии с целью выяснения истинных масштабов бедствия. «Я нисколько не удивился, – заявил с трибуны Думы большевистский депутат Алексинский, – что против нашей постановки вопроса голосовал центр, состоящий из представителей партии народной свободы, вместе с представителями крайней правой: так всегда бывает, когда надо выбирать председателя, когда надо решать формальные вопросы, тогда возможно единодушие между центром и левыми, но когда встанет вопрос желудка, вопрос голода, тогда разделение на сытых и голодных, богатых и неимущих, на пролетариев и представителей буржуазных классов даёт себя знать: тогда палата делится совершенно иначе, чем в вопросах формального свойства» (цит. по: [19, с. 264]).

Спротивление левых депутатов столыпинщине было столь неприкрытым и жёстким, что вопрос о судьбе II Думы решился с невероятной быстротой. Уже 9 апреля 1907 года Столыпин писал Николаю II о том, что «...Дума гниёт на корню» (цит. по: [59, с. 548]). Собравшийся в те же дни в Москве монархический съезд «русских людей» потребовал от правительства немедленного роспуска Думы и коренного пересмотра всей избирательной системы.

Дальнейший ход событий был вполне предсказуем: «С помощью провокаторов был состряпан наскоро "военный заговор"; те же провокаторы явились в социал-демократическую фракцию в качестве будто бы делегатов от военной организации; за разговор с этой делегацией были притянуты к суду все депутаты фракции» [20, с. 15].

1 июня 1907 года прокурор Петербургской судебной палаты Камышанский потребовал от Государственной думы исключения из депутатского корпуса для привлечения к следствию 55 членов социал-демократической фракции, а также согласия на немедленный арест 16 из них. Дума спешно создала специальную комиссию, которой и было поручено рассмотреть выдвинутые обвинения. Однако в ночь на 3 июня полиция, не дожидаясь выводов комиссии, арестовала социал-демократическую фракцию в полном составе.

Здесь вновь ощущается созвучие двух эпох: предреволюционной и постсоветской. В декабре 1995 года на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго созыва, которые многие называли тогда «генеральной репетицией» выборов Президента России, КПРФ завоевала первое место (22 %), почти в два раза превысив результат «партии власти» (в то время «Наш дом – Россия»).

Компартия сумела реализовать те преимущества, которые дала ей победа на парламентских выборах. В марте 1996 года фракция КПРФ, а также союзнические депутатские группы «Народовластие» и «Аграрная» инициировали принятие Государственной Думой Постановления с красноречивым названием «Об углублении интеграции народов, объединившихся в Союз ССР, и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года «О денонсации Договора об образовании СССР»

и «О юридической силе для Российской Федерации результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР».

Оппозиционная Дума денонсировала Беловежский сговор 15 марта 1996 года, а уже на следующий день Б. Ельцин начал подготовку к ответным силовым действиям. Страна не успела ещё прийти в себя после танкового расстрела парламента в октябре 1993 года, а в ход вновь планировалось пустить испытанный метод провокации...

«Если вы поднимите видеокадры, вечером стоял страшный вой. Телевизионный экран был раскалённым, туда все, кто разрушал Союз, вылезли, включая Шеварднадзе и остальных, – вспоминал 25 марта 2016 года на семинаре-совещании руководителей региональных отделений КПРФ лидер партии Геннадий Зюганов. – Крылья Думу и фракцию КПРФ, которая посмела внести этот вопрос и денонсировать Беловежский сговор. Это было 15 марта, а 16 марта Ельцина убедили, что надо вводить военное положение...

Учитывая, что мне пришлось много лет курировать Москву, я был во всех военных училищах, близко знал командный состав. Ночью раздался телефонный звонок в квартире, поднимаю трубку, мне говорят: "Срочно делайте, что можете. Уже сидим с оружием в Думе с приказом стрелять на поражение. Делайте, что хотите, будет намного хуже, чем в 1993 году!"

Пришлось поднимать всех: руководителей силовых ведомств, Совета Федерации, Московской мэрии. Пришлось разъяснять, что всё это кончится большой бедой... И надо отдать должное, что, когда их вызвали к Ельцину, они запросили 5–6 часов для подсчёта того, что необходимо для введения чрезвычайного положения. Они увидели первый проект Указа о введении чрезвычайного положения, второй – о разгоне Думы и третий – о запрете КПРФ, интернировании 400 человек, то есть отправить за решётку. 400 человек, начиная с председателя партии.

Когда посидели, подсчитали, то оказалось, чтобы прикрыть Москву в пределах Кольца, надо 100 тысяч хорошо организованных, дисциплинированных, вооружённых людей. Когда опросили окрестности, только Ярославль высказался, что он может поддержать. Все остальные сказали, если обратятся граждане, то, скорее, перекроют дороги, и вы утонете там, в Москве, в своём навозе.

Надо было отдать должное и министру Куликову, который пришёл к Ельцину с расчётами и сказал, что этого делать нельзя. Война неизбежна, будет крах, нельзя этого делать. Ельцин выматерился, разорвал эти три указа и сказал: пошли вон. После этого вывели войска из Думы. Но всё висело на волоске».

По воспоминаниям одного из главных участников тех событий бывшего министра внутренних дел Анатолия Куликова, который находился тогда «по другую сторону баррикад», в воскресенье 17 марта 1996 года рано утром ему позвонил А. Коржаков (начальник личной охраны Ельцина. – И.М.) и пригласил к одиннадцати часам в Кремль на встречу с президентом.

Б. Ельцин выглядел взбудораженным, пожал министру руку и без лишних вступлений сразу заявил: «Я решил в понедельник распустить

*Государственную Думу. Она превысила свои полномочия. Я больше не намерен этого терпеть. **Надо запретить коммунистическую партию, перенести выборы.** Мне нужны два года».*

На коллегии МВД, вспоминал далее Куликов, все были спокойны и сосредоточены, будто разгон парламентов и запрещение компартий было для нас рутинным делом. Пообщавшись с сослуживцами и отдав им предварительные распоряжения, министр направился на встречу с Генеральным прокурором Ю. Скуратовым и Председателем Конституционного Суда В. Тумановым. Сообща они пришли к выводу, что решение Ельцина является антиконституционным, ведущим к новой гражданской войне.

Между тем план ельцинской команды вроде бы начал осуществляться. Ближе к вечеру здание Государственной Думы было занято подразделениями ОМОНа и Главного управления охраны. Всего, по оценкам свидетелей, в нём оказалось около полутора сотен человек с оружием. Всех служащих и депутатов, находившихся в тот момент в здании, выдворили. К тому же в Думе вырубili свет, что совсем уж напоминало осень 1993-го в Белом доме.

Помимо сообщений о «минировании» и захвате здания Государственной Думы была и другая тревожная информация. Ряд зарубежных информагентств передал, что в повышенную боевую готовность приведены дивизия имени Ф. Э. Дзержинского, Таманская и Кантемировская дивизии, бригада, дислоцированная в Тёплом Стане...

Более подробно о том, как развивались события весной 1996 года, какими усилиями удалось предотвратить новый антиконституционный переворот, можно узнать из интервью А. С. Куликова в февральском номере журнал «Историк» за 2016 год [60].

Скорый и закрытый суд приговорил депутатов В. А. Анисимова, Е. А. Петрова, В. М. Серова и В. А. Чащина к пяти годам каторги с последующей пожизненной ссылкой. Четыре года каторжных работ и пожизненную ссылку получили девять депутатов, десять думских социал-демократов – пожизненную ссылку на поселение.

Нынешним либеральным правозащитникам, которым спустя четверть века после развала СССР всё ещё не даёт покоя «советский тоталитаризм», полезно было бы для разнообразия познакомиться с мемуарами политзаключённых В. А. Чащина и П. А. Аносова, которые извели все «прелести» царской тюрьмы и каторги. Пётр Аносов оставил, в частности, следующие воспоминания о своей мимолётной встрече с этапированными в Сибирь депутатами: «Только что прошёл суд над членами большевистской фракции Государственной думы, и мы узнали, что группа осуждённых депутатов скоро должна прибыть в Тюмень. Чтобы принять их, начальство решило разгрузить тюрьму. Часть заключённых, в том числе и меня, отправили в Екатеринбург. С петербургской партией мы встретились на станции Екатеринбург. Посмотрели друг на друга в окна вагонов. Мы пошли в тюрьму, а они поехали в Тюмень» [61].

Переживаниями, которые довелось испытать десяткам тысяч каторжан и узников совести российского самодержавия, поделился Василий Чащин: «Когда мы выходили в узловые этапы, то попадали в сущий ад. Чего-чего

только мы не наблюдали! Прежде всего оглушал страшный шум. Уголовники что-то оралы на своём жаргоне, спорили, дрались, играли в карты и азартно обвиняли друг друга в нечистой игре.

Вспоминаю такую картину: на нарах сидят каторжане с картами в руках, и среди них стоит высокий бородач в сером арестантском халате. Он спустил одежду и показывал своё тело, исполосованное розгами. Знаменитый палач – начальник Казаковских приисков Ефтин – собственноручно истязал его. Помню лица зрителей, которые обозревали вспухшие багровые рубцы на коже с сочувствием, с интересом и волнением, посылая тысячи проклятий бесчувственному палачу.

До Акатуя²⁹ мы шли не то пять, не то шесть дней. Шли в кандалах при сорокаградусном забайкальском морозе. В путь мы выходили в семь часов утра, в темноте, и приходили к этапу в шесть часов вечера. Шли без остановок, только раз или два в день присаживались на дороге в снег. Еды в течение дня никакой не давали, и мы жевали на ходу кусок чёрного хлеба, привязанный к поясу. Некоторые каторжане не выдерживали тяжести пути и падали, тогда конвойные поднимали их прикладами, а если человек уже не мог идти, его клали на подводы с арестантскими пожитками» [41, с. 222–223].

Таковыми были реалии дореволюционной пересыльной тюрьмы и каторги, которые нынешние особо рьяные поклонники царизма подло именуют «курортами». Таковыми были забытые теперь национал-патриотами с монархическим душком «ГУЛАГи самодержавия».

3 июня 1907 года был опубликован царский указ о роспуске Государственной думы и манифест, в котором Дума обвинялась в затягивании рассмотрения законопроектов и росписи доходов и расходов, а также в том, что ряд её членов участвовал в заговоре против власти. Одновременно был издан новый избирательный закон, втайне подготовленный в «недрах» Министерства внутренних дел.

А. Гучков, бывший в тот период членом Государственного совета, вспоминал, что у властей «было опасение, как бы на роспуск II Думы не ответили бунтами. В Кронштадте было несколько матросских вспышек» [62, с. 48]. Но первая русская революция уже шла «на убыль». Вспыхивали лишь отдельные очаги возмущения «третьеиюньским» государственным переворотом. Так, 22 ноября 1907 года, в день открытия суда над социал-демократической фракцией, по призыву столичного комитета партии на 160 предприятиях началась стачка, охватившая в общей сложности более 90 тысяч человек. Полностью остановились Александровский, Вагонный, Семянниковский заводы, фабрика Торнтонна. В «Листовке Петербургского комитета РСДРП об итогах стачки протеста против суда над социал-демократической фракцией II Государственной думы» отмечалось, что полицией было арестовано до ста человек, многих рабочих рассчитали, а на некоторых заводах был объявлен локаут (массовое увольнение) [63, с. 21]. Всеобщая однодневная

²⁹ Село в Нерчинском горном округе (территория нынешнего Забайкальского края), где до 1917 года располагалась печально знаменитая Акатуйская каторжная тюрьма. В ней в разное время содержались такие известные политические заключённые, как декабрист М. С. Лунин, революционер-демократ М. В. Петрашевский, эсерка М. А. Спиридонова, многие участники первой русской революции 1905–1907 годов.

стачка потрясла Баку. Против расправы над социал-демократической фракцией по призыву большевистского подполья во главе со Сталиным бастовали более 50 тысяч рабочих нефтяных промыслов. Воронежская большевистская ячейка организовала однодневную забастовку на заводах Столля и Иванова-Веретенникова. Подобные протестные выступления прошли и в ряде других крупных промышленных центров Империи.

Против «ликвидаторства» и «отзовизма»

Несмотря на кадетские заклинания «Беречь Думу во что бы то ни стало!», ещё один разгон парламента и даже арест целой фракции, по свидетельству историка М. Ольминского, «не вызвал движения, сколько-нибудь опасного для правительства» [20, с. 16]. Кампания по выборам III Государственной думы разворачивалась в тяжелейших, крайне невыгодных для РСДРП условиях. Большевистская её часть была вынуждена полностью перейти на нелегальные формы и методы предвыборной агитации.

«Старый избирательный порядок, – указывал в своей статье "Перед третьей Думой" В. В. Воровский, – был, бесспорно, плох. Он подавлял сто-миллионное крестьянство и рабочее население в угоду кучке помещиков, он давал последним несоразмерно крупное представительство, приравнивая одному представителю господствующего класса десятки тысяч крестьян или пролетариев. Но всё же этот несовершенный закон старался опереться на определённый принцип – на земский налоговый ценз – и этим создавал определённое руководящее начало в вопросе о степени представительства отдельных слоёв населения.

Новый закон не может похвалиться и этой чисто формальной корректностью. Он построен на полнейшем произволе. По «государственным» соображениям департамента полиции лишаются избирательного права целые народы, целые громадные области с многомиллионным населением...

Если старый избирательный закон был пропитан чисто буржуазным покровительством власти денег, то новый закон делает шаг назад и восстанавливает старый абсолютистский принцип культа произвола. Произвол во всём! Произвол в распределении выборщиков и депутатов, произвол губернаторов в производстве выборов по национальностям, произвол вплоть до признания генерал-губернаторами того, кто русский и кто не русский!» [5, с. 240–241].

Реально к участию в выборах было допущено не более 15 % населения страны. Согласно данным большевика-депутата IV Государственной думы А. Е. Бадаева, «курия крупных помещиков вместе с уполномоченными от мелких помещиков составляла всего 36 тыс. избирателей – одну пятисотую часть всех избирателей, а выбирала она 2644 выборщика, или 51,3 % всех выборщиков. Курия городских избирателей по первому разряду – домовладельцы и владельцы крупных фабрично-заводских и торговых предприятий – состояла из 149 257 человек и избирала 688 выборщиков, или 13,2 %. Курия городских избирателей по второму разряду – владельцы мелких предприятий и квартиронаниматели – составляла 832 361 человек и выбирала лишь 10,7 % выборщиков – 570 человек... Крестьяне, из которых в выборах имели право

участвовать только 15 млн человек, составляли, однако, почти 90 % избирателей, выбирали же они всего 1168 выборщиков, или только 22,4 %» [64, с. 26].

Новый избирательный закон предельно обострил и наиболее острую национальную проблему. В царском манифесте без лишних миндальностей прямо говорилось о том, что «Государственная дума должна быть русской и по духу» (цит. по: [34, с. 111]). Новый избирательный закон был «скроен» так, чтобы максимально ограничить участие нерусского населения даже в таком, по существу, бесправном представительном учреждении. Отныне от Европейской части империи в Думу избирались 403 депутата, от Кавказа – 10, от Польши – 14, а от всей Азиатской части России – только 15 депутатов. Избирательных прав фактически лишались, к примеру, 4,5 миллиона казахов.

Большевик В. Воровский, по рождению принадлежавший к польскому меньшинству Империи, особо подчёркивал в своих публицистических заметках вопиющий позор дискриминации по национальному признаку: «...Мы увидим, что Сибирь (без Тобольской и Томской губерний), Центральная Азия, Кавказ и Царство Польское, имевшие вместе 105 депутатских мест по прежнему избирательному праву, теперь получают только 32 места; 73 мандата исчезают. Ясно, что при таком представительстве роль депутатов этих "окраин" или местностей с своеобразной культурой и своеобразными интересами сводится к нулю» [5, с. 248].

И сегодня удивительно актуальны некоторые предвыборные аналитические обзоры Воровского, опубликованные более века тому назад. «Подгонка» избирательного законодательства под обслуживание собственных интересов прочно вошла в политическую практику не только самодержавной, но и нынешней, «демократической», власти. «Буржуазная демократия, – писал по этому поводу Ленин, – будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остаётся – и при капитализме не может не оставаться – узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных» [10, т. 37, с. 252].

Летом 2005 года Государственная Дума по указанию из Кремля большинством голосов приняла поправки к действующему законодательству о выборах. Они предусматривали переход на полностью пропорциональный (партийный) принцип формирования Думы, запрет на создание избирательных блоков, повышение проходного барьера на выборах в федеральный парламент до 7 %, отмену графы «против всех» в избирательных бюллетенях и другие новшества, которые были выгодны в тех условиях лишь «партии власти».

Однако через 8 лет закон «О выборах депутатов Государственной Думы» вдруг снова перестал устраивать президентскую администрацию. Парламентским большинством были возвращены многие законодательные нормы, существовавшие в 1994–2003 гг. Суть произошедшего за эти годы очевидна: на политическом поле страны возникла монополия на власть одной партии – «Единой России». При смешанной, пропорционально-мажоритарной, системе выборов (когда половина депутатов из 450 избираются по партийным спискам, а другая половина – по од-

номандатным округам), ей гораздо легче добиться тотального доминирования в Думе. Ведь избранные депутаты-«одномандатники», как правило, представители крупного бизнеса, поддержанные региональными администрациями, если и не являются «единороссами», то непременно войдут во фракцию правящей партии.

Единственной силой в российском парламенте, которая всегда голосовала против подобного «перекраивания» избирательного права в угоду правящему классу крупной буржуазии, была и остаётся фракция КПРФ.

Канун выборов в третью царскую Думу был встречен жаркими дискуссиями в большевистском стане. Как писал об этом в историческом очерке по истории РКП(б) очевидец и непосредственный участник тех событий Г. Е. Зиновьев, «перед партией встал вопрос: надо ли участвовать в третьей Государственной думе, которая будет явно черносотенной? Тут начались серьёзные разногласия среди большевиков. В громадном большинстве они высказывались против участия и за бойкот Государственной думы, надеясь, что удастся проделать то же, что в 1905 году было проделано с Бульгинской думой. В большевистской фракции разыгралась сильная борьба. Тов. Ленин с очень небольшим числом сторонников отстаивал участие в третьей Думе... Появились брошюры, доказывавшие, что Ленин поправед, раз он хочет, чтобы рабочие шли в такую черносотенную Думу, какую будет третья. На это он отвечал: третья Дума – это хлев; но если в интересах рабочего класса необходимо, чтобы мы некоторое время посидели в хлеву, то мы посидим» [13, с. 149].

Отголоски этих серьёзнейших споров, вспыхнувших в партии, можно найти в документах Третьей («Второй Общероссийской») ³⁰ и Четвёртой («Третьей Общероссийской») ³¹ конференций РСДРП, которые прошли летом и осенью 1907 года на территории Финляндии. По словам Н. Н. Батурина, «бойкотистские настроения основывались не на политических расчётах, а на обывательском раздражении... В период дискуссии вышла брошюра

³⁰ Конференция проходила 21–23 июля (3–5 августа) 1907 года в городе Котке (Финляндия). Делегатами были 9 большевиков, по 5 представителей от меньшевиков и «бундовцев», 5 польских и 2 латышских социал-демократов. Кроме того, на конференции присутствовали члены и кандидаты в члены Центрального комитета РСДРП, избранные V съездом партии. Рассматривались вопросы об участии в выборах III Государственной думы, о соглашениях с другими партиями, о предвыборной платформе РСДРП, о проведении Всероссийского съезда профсоюзов. Конференция отвергла не только левацкие «загибы» А. А. Богданова, требовавшего бойкота выборов, но и другую крайность – призывы меньшевиков и бундовцев сосредоточиться исключительно на «обычной парламентской деятельности» (см.: [11, с. 66]).

³¹ Созыв данной конференции был обусловлен в основном острыми разногласиями, возникшими внутри социал-демократической фракции Государственной думы. В работе Четвёртой партконференции, состоявшейся 5–12 (18–25) ноября 1907 года в Гельсингфорсе, приняли участие 10 большевиков, 4 меньшевика, по 5 бундовцев и польских социал-демократов, 3 представителя латышского пролетариата. В повестке дня значились вопросы о тактике думской фракции РСДРП, о фракционных центрах и укреплении связей ЦК с местными комитетами партии, об участии в буржуазной печати. Помимо осуждения оппортунистической линии меньшевиков в Думе конференция большинством голосов высказалась против фракционных (меньшевистских и большевистских) центров, конкурирующих с ЦК партии, а также заявила о недопустимости выступлений членов РСДРП в буржуазной печати в тех случаях, когда это совпадает с интересами реакции или связано с борьбой против партии (см.: [11, с. 70]).

Ленина и Каменева «За и против бойкота III Думы». Точка зрения Каменева, за бойкот среди большевиков имела много сторонников» [9, с. 573].

Несмотря на это, итоговая резолюция Третьей конференции, принятая в ленинской формулировке, признавала необходимость участия партии «в избирательной кампании и в III Думе». Данный курс получил поддержку затем и на Четвёртой партконференции, участники которой, заслушав доклад Ленина «О тактике социал-демократической фракции в Государственной думе», выступили за создание совместно с другими левыми силами думы информационного бюро, дающего «рабочим депутатам возможность систематически влиять на демократию в духе с.-д. политики».

«Новый избирательный закон из рук вон плох, – подытоживал внутрипартийные дебаты В. В. Воровский. – Он сводит представительство рабочего класса и рабочей партии – в худшем случае – к шести казённым депутатам. Но он всё-таки даёт возможность участвовать в выборах значительной части рабочего класса – не менее 25 %, и притом наиболее развитой и организованной, т. е. наиболее влиятельной, его части. Это уже большой плюс в пользу участия в выборах <...>

В настоящий момент (и в ближайшей перспективе) у нас нет элементов сильного политического движения народных масс, которое могло бы снять с очереди вопрос о выборах в Думу и о самой Думе; и если бы теперь социал-демократия отказалась от участия в избирательной кампании, она ничего бы не выиграла, ибо бойкот не открыл бы перед нею ни одной новой возможности» [5, с. 283–285].

Для осуществления общего руководства выборной кампанией было образовано Центральное избирательное бюро. Осталось немало свидетельств того, как на практике осуществлялась выработанная большевиками тактическая линия. «Когда развернулась избирательная кампания в III Думу, мне поручили участвовать в агитационной работе, – сообщает в своих памятных записках Д. И. Гразкин. – Моя обязанность сводилась преимущественно к разноске по квартирам или рассылке обращения ЦК РСДРП.

По закону квартирноманиатели имели право выбирать выборщиков по второй городской курии. Мы поделили городской район на кварталы и по справочной книге "Весь Петербург" определяли наиболее демократических квартирноманиателей, например, кустарей, служащих частных учреждений, лиц свободных профессий. После обходили квартиру за квартирой и вручали наше обращение... Но, бывало, нарвёшься на черносотенца. Такой случай произошёл со мной на Мещанской улице. В бельэтаже одного дома жил купец. Его квартиру я миновал, а позвонил в другую, на втором этаже, в моём списке значившуюся как снятую служащим коммерческого банка. Дверь открыл хозяин квартиры, я вручил ему обращение ЦК РСДРП. Не успел я и глазом моргнуть, как он заорал:

– Как ты посмел явиться ко мне, антихристов выродок? Подрывать основы престола?! ...

Я попятился, но был крепко схвачен за руку:

– Стой! Не уйдёшь! Тебя, негодяя, надо в полицию!...

Я изо всех сил толкнул его в грудь, выскочил на площадку, в несколько прыжков достиг третьего этажа» [16, с. 97].

Пётр Караваев, переехавший в 1907 году по велению партии из Воронежа в Ивановскую губернию, в книге воспоминаний также воспроизвёл сохранившийся в памяти эпизод предвыборной работы большевиков: «Последней крупной политической кампанией, которую мы провели тогда в Иванове, были выборы в III Государственную думу... Губернские избирательные собрания по шести промышленным губерниям должны были посылать в думу по одному депутату от каждой губернии из числа рабочих. В губернских избирательных собраниях большинство принадлежало враждебным рабочему классу реакционным партиям. Поэтому необходимо было добиться, чтобы все уполномоченные от рабочих были большевиками, которые выдвинули бы кандидатом в Думу того из своей среды, кто был намечен нашими партийными органами. У правого большинства на губернских избирательных собраниях не должно быть другого выбора. Но для успеха этой тактики требовалось, чтобы все уполномоченные от рабочих были стойкими, дисциплинированными большевиками. Если бы среди них оказался хоть один правый или кадет, губернское избирательное собрание непременно его послало бы в Думу. Это нам в полной мере удалось. На Владимирском губернском собрании все рабочие уполномоченные оказались партийцами. Был избран назначенный Ивановской партийной организацией т. Ворониин» [51, с. 92–93].

Весьма подробными воспоминаниями о тех трудностях и угрозах, которые преодолевали большевистские организации во время выборов III Думы, поделился с читателями своей книги «По следам минувшего» Фёдор Никитич Самойлов. Ему довелось тогда участвовать в выдвижении шести рабочих выборщиков во Владимире, куда съехались 165 уполномоченных от промышленного пролетариата этой губернии. Однако сначала губернатор, а затем и местный полицмейстер запретили им проводить любые предвыборные собрания. Поэтому, чтобы осуществить совершенно легитимную с точки зрения закона процедуру, уполномоченным пришлось собираться тайно, под покровом темноты, у реки Клязьмы.

Все шестеро выборщиков, включая самого Самойлова, председателя правления Союза ситцепечатников, оказались большевиками. «...Полицейские всё больше нагнали, — отмечает автор. — У многих членов правления нашего союза полиция начала производить обыски, а некоторых и арестовывать (были арестованы К. Гандурин и В. Иванов). В октябре, за несколько дней до моего отъезда на выборы, у меня произвели обыск... В квартиру ввалилось человек 8–10 полицейских во главе с полицейским надзирателем Простосердовым... На другой день я спросил юрисконсульта нашего союза, что значит этот обыск у меня, председателя правления союза. Не есть ли это начало решительного похода против союза со стороны полиции? Он ответил, что вернее всего обыск является формой "предвыборной полицейской агитации"» [15, с. 168].

Острая схватка между социал-демократами и кадетами развернулась во второй городской курии. Вопреки измышлениям нынешних фальсификаторов истории, большевики никогда не были замкнутой и заговорщической сектой. Напротив, ленинская методология партийного строительства основывалась на том, что даже в условиях конспирации партия должна состоять из двух органично связанных частей: ограниченного круга профессионалов, составляющих идейно-политическое ядро, и широкой сети местных ячеек, опирающихся на сочувствие и поддержку населения. Следуя этим прин-

ципам, Архангельская, Петербургская, Самарская, Феодосийская и другие ячейки большевиков сформировали списки выборщиков, включавшие не только рабочих, составлявших классовый остов партии, но и приказчиков, служащих земских управ, присяжных поверенных, инженеров, бухгалтеров.

В результате по второй городской курии оказались избранными 4 социал-демократа (2 большевика и 2 меньшевика), а по всем куриям в совокупности РСДРП удалось провести 19 депутатов. Из 6 депутатов рабочей курии большевиками были вышивальщик М. В. Захаров, представлявший Московскую губернию; столяр В. С. Косоротов, избранный в Уфимской губернии; петербургский токарь Н. Г. Полетаев и выдвигенец костромского пролетариата П. И. Сурков. Затем, уже в ходе работы фракции, к ним присоединились фельдшер из Забайкалья А. А. Войлошников, владимирский рабочий С. А. Воронин, чернорабочий из Перми Н. М. Егоров, а также врачи И. П. Покровский и А. И. Предкальн.

Общее количество депутатов, избранных в III Думу, оказалось меньшим, чем во II. Из 442 членов Думы 50 были крайними монархистами, 97 – умеренно-правыми и националистами, 154 – «октябристами» и их сторонниками, 28 – «прогрессистами», 54 – кадетами, 14 – «трудовиками», 8 – представителями мусульман, 7 входили в литовско-белорусскую группу, 11 были избраны от Польши. 242 депутата были крупными землевладельцами (см.: [29, с. 609]).

Газета «Борьба», орган Московского окружного комитета РСДРП, рассказывала о том, что открытие III Думы 1 ноября 1907 года происходило «в тишине и спокойствии»: при полном отсутствии народа, но при несметном количестве войск и полиции. Это безмолвие газета назвала «спокойствием кладбища» (цит. по: [65]).

Меньшевикам снова не удалось полностью сконцентрировать управление фракцией в своих руках. В бюро фракции был избран Н. Г. Полетаев, кандидатами в члены бюро стали В. С. Косоротов и С. А. Воронин. Депутаты РСДРП принимали участие в работе ряда общедумских комиссий: бюджетной, земельной, по рабочему и по переселенческому вопросам, о неприкосновенности личности. Деятельность социал-демократической фракции приобрела поначалу более деловой и конструктивный характер: регулярно проводились её заседания, намечались ораторы по конкретным пунктам повестки дня и основные тезисы их выступлений, заслушивались отчёты депутатов об их работе. Кроме того, было коллективно выработано и принято важное решение о том, чтобы каждый депутат отдавал ежемесячно 15 рублей на партийные нужды. Но депутаты-большевики Н. Г. Полетаев и П. И. Сурков, учитывая тяжёлое положение тех товарищей, которые томились в тюрьмах и ссылках, находились на нелегальном положении или не имели постоянного дохода, жертвовали в фонд фракции большую часть депутатского жалования³².

³² Жалование члена Государственной думы приравнивалось к среднему жалованию царского чиновника четвёртого класса, то есть действительного статского советника. В июле 1906 года всем депутатам было назначено годичное жалование в 4200 рублей. Для сравнения: инженер казённого завода получал в то время до 2 тыс., земский врач – до 1,5 тыс., рабочий – до 360, сельский священник и учитель – до 200 рублей в год. Кроме того, член Думы получал от казны квартиру, имел право на отпуск (двухмесячные парламентские каникулы летом и полтора месяца для работы в округах с избирателями и решения личных дел) (см.: [29, с. 610]).

«Сверяя свою работу с большевистскими традициями, – писал в одной из своих работ лидер КПРФ Геннадий Зюганов, – несколько лет назад для коммунистов, избранных депутатами от КПРФ, был установлен так называемый партмаксимум, который предусматривает добровольное отчисление значительной части получаемых ими высоких зарплат в партийный бюджет. Идея партмаксимума была выдвинута коммунистами-депутатами, полагающими, что свою работу они обязаны рассматривать как важное партийное поручение. Она не должна порождать зависимость от власти и не может быть средством личного обогащения» [66].

Больше собранности и дисциплинированности фракции должно было придать и создание при Центральном комитете партии специальной Думской комиссии, которую вначале возглавлял большевик Н. А. Рожков, а после его ареста, на завершающем этапе работы думы, – И. П. Гольденберг (Мешковский).

Однако уже 22 ноября 1907 года меньшевики, пользуясь своим численным перевесом, предприняли новую попытку вывести фракцию из-под контроля ЦК. Заявления о том, что фракция есть группа «автономная» и, лишь прислушиваясь к голосу партии, действует абсолютно самостоятельно, фактически означали пересмотр решений V (лондонского) съезда РСДРП. Грубым нарушением устава партии было и навязанное меньшевиками создание специальной политической комиссии с целью разработки всех тактических вопросов. Фактически это означало появление параллельного руководящего центра. Ответным шагом ЦК РСДРП стало жёсткое и принципиальное решение о том, что «общие вопросы тактики в Думе фракция обсуждает совместно с думской комиссией ЦК, на которую возложено политическое и тактическое руководство фракцией» [67].

С самого начала своей деятельности фракция оказалась в крайне сложном положении. Для внесения на рассмотрение Думы законопроекта или запроса правительству по закону требовалось не менее 30 депутатских подписей. А. Гучков, бывший председатель III Думы, вспоминал: «По Положению о Государственной думе и по нашему Наказу, прохождение запросов было следующее. Представлялся запрос, причём первому подписавшему его предоставлялся очень короткий промежуток времени для того, чтобы осуществить этот запрос. Затем Дума голосовала относительно передачи запроса в комиссию по запросам. Либо, если интерpellянт настаивал, признавалась за запросом спешность; тогда дело должно было быть назначено в одно из ближайших заседаний» [62, с. 87].

Всё это означало, что социал-демократы могли предлагать свои законодательные инициативы, только объединяясь в блоки с депутатами из других фракций. Привлекая на свою сторону левонастроенных депутатов, социал-демократическая фракция внесла на рассмотрение Думы ряд законопроектов и запросов: о свободе стачек, о восьмичасовом рабочем дне, о страховании на производстве, о положении заключённых.

В зоне особого внимания думской социал-демократии всегда находились проблемы народного просвещения и положения учащейся молодёжи.

Выступая от имени фракции социал-демократов в прениях по государственному бюджету, депутат Иван Покровский показал его антинародную сущность: за два последних года расходы на содержание полиции, тюрем и судов возросли на 15 миллионов рублей, тогда как на нужды образования – всего лишь на 8 миллионов. Стало быть, закончил свою речь Покровский, «перед русским гражданином вдвое шире ворота в тюрьму, чем в школу» [68].

Для более тесной связи с учащимися и студенчеством, сбора материалов о нуждах образовательных учреждений при фракции была создана специальная комиссия. На основании поступающей в комиссию информации большевистскими депутатами неоднократно вносились запросы о насущных потребностях учебных заведений.

И сегодня при обсуждении проекта главного финансового документа страны коммунисты-депутаты активно добиваются его социальной направленности. «Партийные документы вооружают наших депутатов и определяют линию их поведения по ключевым вопросам, – отмечалось на Первом Всероссийском съезде депутатов-коммунистов и глав исполнительной власти, избранных при поддержке КПРФ. – Ясная позиция выработана по отношению к бюджетам буржуазного государства. Поддержка их бюджетов фракциями КПРФ признана недопустимой.

Имеющая большинство голосов в федеральном и региональных парламентах «ЕДИНАЯ РОССИЯ» последовательно осуществляет антинародную политику, формирует законодательство, ущемляющее коренные интересы граждан и подрывающее потенциал страны. Вся эта политика закрепляется принятием бюджетов. Вот почему фракция КПРФ в Государственной Думе голосовала против их правительственных проектов» [55, с. 39].

«Полярность позиций КПРФ и "партии власти" ярко проявилась в ходе работы над федеральным бюджетом на 2011 год и последующие 2012 и 2013 годы, – говорил по этому поводу руководитель фракции КПРФ в Государственной Думе Г. А. Зюганов. – Все наши многочисленные поправки были отклонены фракцией «ЕДИНОЙ РОССИИ». Отклонены потому, что они направлены на преодоление монетарного курса правительства. Кстати, наши инициативы были в русле разработанной партией Антикризисной программы и концепции модернизации страны, утверждённой на одном из пленумов ЦК КПРФ, состоявшихся в 2010 году.

Мы принципиально голосовали против такого федерального бюджета, который продолжает экспортно-сырьевой курс экономики страны, который разрушает социально-культурную сферу. Он душил реальный сектор экономики, малый и средний бизнес, промышленность, уничтожает российский село и весь АПК, ускоряет темпы роста цен на услуги ЖКХ, товары первой необходимости при низком уровне реальных доходов трудящихся (прежде всего заработной платы). Бюджет углубляет дифференциацию российских регионов и оставляет без средств местное самоуправление. В нём нет места инновациям и модернизации, но есть зависимость от МВФ, от международного финансового капитала. Он направлен на защиту интересов олигархов, которые ждут новой вол-

ны приватизации стратегических объектов, против чего так возражает КПрФ и её фракция» [69].

Живой отклик нашли заявления рабочей фракции Думы по поводу внесённого монархистами законопроекта об оказании финансовой помощи состоятельным господам, пострадавшим в ходе событий 1905–1907 годов «от разбойничьих» действий революционных партий и лиц. Всё тот же И. Покровский с думской трибуны возразил черносотенным лицемерам, что в России в течение трёх лет происходили вовсе не разбойные вылазки, а революционные выступления народа. Настоящий разбой, напротив, творили карательные экспедиции и черносотенные погромщики, искалечившие и убившие более 30 тысяч человек (см.: [33, с. 133]). Оглушительный вой возмущения у «правых» вызвала эта бесстрашная речь.

Позитивный общественный резонанс получила позиция депутатов от РСДРП в ходе обсуждения правительственного законопроекта об обеспечении отдыха торговым служащим. В. Н. Соколов, член РСДРП с момента её основания, много лет проживший в сибирской ссылке, вспоминал о том, как воспринимались думские прения по этому вопросу в далёком Красноярске: «В Государственной думе проходил законопроект о продолжительности рабочего дня торговых служащих. Дума его приняла, наградив приказчиков 14-часовой торговлей в будние дни и 5-часовой в праздники. Затем закон пошёл в Верхнюю палату – Государственный совет. И здесь подготовительная комиссия нашла такой закон слишком либеральным – 14 часов поправила на 15. А праздничный отдых всякими оговорками свела к нулю.

Приказчики России заволновались. Полетели протесты в Думу через её оппозиционные фракции. Енисейские приказчики тоже всколыхнулись... Вечером у меня дома мы с Шереметьевым вырабатываем проект протеста против предполагаемого закона. Шереметьев должен его предложить собранию, а затем протелеграфировать в Государственную думу через депутата социал-демократической фракции Гегечкори.

Собрание оказалось сверх ожидания многолюдным и шумным... А главное – совершенно согласным: протест и адрес одобрили единогласно» [70, с. 238–239]. Социал-демократы предложили Думе отвергнуть этот изверский законопроект, ограничив рабочее время торговых служащих 8 часами. Разумеется, проправительственные фракции вновь поспешили зарубить данную инициативу, что называется, на корню.

Наиболее известных представителей того черносотенно-националистического большинства III Думы довольно сочно живописал в своих мемуарах Ф. Н. Самойлов: «В Думу "выбирали" нужных и крепких людей. Первым человеком в Думе стал А. И. Гучков, крупный промышленник, купец, прожжённый политикан, человек, глубоко ненавидящий народные массы.

От Киевской губернии прошёл В. Шульгин, махровый черносотенец, который ненавидел все угнетённые национальности России, который благоговел перед царём и был полон звериной ненависти к рабочим и крестьянам.

Родзянко – екатеринславский помещик, владевший десятками тысяч десятин земли, считавший, что народ надо держать в узде, не давать ему воли...

Черносотенный мерзавец Пуришкевич – бессарабский помещик, травивший в Думе рабочих депутатов, вне Думы организовавший погромы

угнетённых национальностей, рабочих и крестьян. Отыявленный монархист, защищавший неограниченное самодержавие.

Его друг и соратник – Марков второй, заявлявший, что он "на мушку взовьёт весь рабочий класс России"» [15, с. 172–173].

Фамилии некоторых из этих, канувших в лету, персонажей давно стали именами нарицательными. Им, предтечам современных неверовых и жириновских, совершенно не свойственно было стесняться в словах и выражениях. Политический обозреватель газеты «Киевская мысль» Л. Бронштейн (Троцкий) в октябре 1913 года процитировал отдельные «афоризмы» из думского зала заседаний: «Государство всегда основано на несправедливости», – горланит Марков и подаёт рецепт «оттяпывания голов». Пуришкевич приспособляет гвоздику ниже жилета и кричит: «Я занимаюсь доносами и этим горжусь» [71, с. 161].

Ханжескую монотонность заседаний думы то и дело нарушали смелые выступления депутатов-большевиков. Позицию партии активно отстаивал Н. Г. Полетаев. В статье «Рабочий вопрос в Государственной думе», опубликованной 26 мая 1908 года газетой «Гудок», С. Шаумян процитировал одну из самых ярких парламентских речей депутата от петербургского пролетариата: «Рабочий Полетаев ... рассматривает русское законодательство о рабочих и видит, что все законы, благоприятные для рабочих, были результатом забастовок и борьбы рабочего класса. Затем он подробно останавливается на деятельности фабричных инспекторов. Они приняли на себя полицейские обязанности, а прямые задачи по надзору за соблюдением санитарных и гигиенических условий исполняются ими плохо. Правительство идёт во всё навстречу желаниям капиталистов. Под их влиянием был взят, кажется, обратно и законопроект о страховании рабочих...»

Прерываемый председателем Полетаев заканчивает свою речь заявлением, что «правительство и Дума ничего, кроме нагаек и пуль рабочим не дадут и поэтому рабочие ничего и не ждут от Думы. Здесь даже не дают им высказываться. Рабочий класс добьётся улучшения своего положения организациями профессиональными, а, главное, политическими» [35, с. 265].

Время работы III Думы – это период дальнейшего разложения правящей российской элиты, обострения противоречий между царским двором, который хотел бы и дальше править страной, ничего толком в ней не меняя, и крупной буржуазией, желавшей переустроить систему власти на английский манер, по типу конституционной монархии. Явный разлад в «верхах» стал предвестником заката «звезды» премьер-министра Петра Столыпина и краха всего «третьеиюньского» порядка управления империей.

Суровую, нелицеприятную оценку деяниям того, кому нынче воздвигают памятники и кого считают едва ли не эталоном государственного деятеля, дал его предшественник на посту премьер-министра С. Витте: «Можно сказать, что Столыпин был образцом политического разврата, ибо он на протяжении пяти лет из либерального премьера обратился в реакционера и такого реакционера, который не брезгал никакими средствами, для того чтобы сохранить власть, и произвольно, с нарушением всяких законов, правил Россией» [42, с. 393]. Вообще, чтобы разобраться в причинах краха самодержавного режима, необходимо самым внимательным образом изучать мемуары графа Витте.

Широкою общественную огласку получил инцидент, имевший место на заседании Думы 17 ноября 1907 года. Один из лучших парламентских ораторов Ф. Родичев употребил в своей речи выражение «стольпинский галстук», ставшее с той минуты крылатым. Так депутат назвал виселицу – зловещий символ царского судопроизводства. Фраза вызвала настоящий истерический припадок у черносотенцев. В адрес дерзкого кадета посыпались угрозы физической расправой. Сам Столыпин громогласно заявил, что вызывает Родичева на дуэль.

Весьма характерной стала реакция главы кадетской фракции П. Миллюкова, поспешившего дезавуировать заявления незадачливого смельчака. «До III Думы фигура г-на Миллюкова была окружена в глазах его политической паствы дымкой таинственности, – писал о думском происшествии Лев Троцкий в сентябрьском номере газеты "Луч" за 1912 год. – В I Думу он не попал, во II не попал и руководил "ходом событий" из невидимой суфлёрской будки. Но вот, наконец. Он избран в III Думу. Кадеты при встрече друг с другом поднимали вверх указательные пальцы. "Погодите, теперь он себя покажет; у него есть план". О, у него есть план!

Так же точно, как известно, говорили некогда про французского генерала Трошю, защитника Парижа в 1870 г., а плана-то у Трошю, как на грех, и не оказалось: он просто сдал Париж пруссакам...

И вот г-н Миллюков начал свою парламентскую карьеру с того, что принял демонстративное участие в овации Столыпину, которого "обидел" Родичев. В интересах "плана" Родичев немедленно поперхнулся огненным глаголом и – по поручению Миллюкова – обещал премьеру, что "больше не будет"» [71, с. 154].

Ещё об одном показательном эпизоде из зала заседаний III Думы в статье «Государственный совет и П. А. Столыпин», датированной 8 апреля 1911 года, поведал Степан Шаумян: «"Существует два мнения, два направления: одно – сознательно или бессознательно склоняется к парламентаризму и преуменьшению прав монарха". Это, оказывается, – "направление" Государственного совета. Другое "направление" – правительственное, имеющее целью защиту "прерогатив короны". Столыпин прямо обвиняет Государственный совет в том, что он стремится "разоружить монарха от присущего ему права в минуты и обстоятельства чрезвычайные"..."»

При обсуждении запросов в Думе 15 марта рабочий депутат Покровский говорил, между прочим: «Этим инцидентом правительство совершенно обнажило себя; страна воочию убедилась, что правительство в настоящее время, это – кучка людей, вырастающая и живущая на почве групповых, придворных и бюрократических интриг; что наверху по-прежнему, как и в доконституционные времена, идёт борьба раздражённых appetitов и тёмных сил, борьба, которой приносятся в жертву интересы страны, интересы народа» [35, с. 320].

С особым «звероподобным» рвением, не считаясь ни с какими разумными доводами оппонентов и опасениями сторонников, Столыпин продолжал продавливать свою антиобщинную «аграрную реформу». Выступая на заседании Государственного совета 15 марта 1910 года, он вновь повторил свою реакционно-утопическую мысль о том, что на холодных российских просторах, простирающихся в зоне рискованного земледелия, крестьянин-единоличник сам, без всякой государственной и коллективной помощи, сможет прокор-

мить и себя, и страну. «...Особое попечение, опека, исключительные права для крестьянина могут только сделать его хронически бессильным и слабым», – безапелляционно заявлял премьер [72]. Тем самым «реформатор», по сути дела, перечёркивал весь опыт своих предшественников во власти, которые в неурожайные годы предоставляли голодающим спасительный «царский паёк» и регулярно списывали с крестьянства подавляющую часть продовольственных долгов.

Несмотря на общий боевой настрой и определённые успехи в думской деятельности, у социал-демократических депутатов по-прежнему не было единства по вопросу об организационном подчинении фракции партийному уставу и центральному руководству. Подобные разногласия не могли не вызывать негодования в рабочей среде. Традиционно большевистский Петербургский комитет РСДРП констатировал, что среди передовых рабочих деятельность думской фракции социал-демократов пробуждает «серьёзное неудовольствие и грозит в случае дальнейшего продолжения её в таком же направлении принести огромный вред Российской социал-демократической рабочей партии» [63, с. 23].

Профессиональный революционер И. А. Пятницкий, оказавшийся по партийным делам в 1908 году в Женеве, вспоминал: «Через несколько дней после моего приезда я пошёл на реферат Алексинского... По его словам, думская фракция III Государственной думы не ведёт классово-пролетарской линии, а своими выступлениями члены фракции только дискредитируют нашу партию. Из этого он делал вывод, что фракции нужно предъявить ультиматум с требованием проводить партийную линию. Если же она не выполнит требования, то её нужно отозвать из Думы.

После реферата были оживлённые прения, в которых принимали участие и меньшевики. Против Алексинского очень горячо выступил т. Иннокентий (И. Ф. Дубровинский. – *И.М.*)... Тов. Иннокентий в своём выступлении признавал деятельность думской фракции слабой и осуждал её желание быть автономной и независимой от ЦК партии, но считал, что деятельность фракции надо изменить не ультиматумом или отзывом, а посредством выправления ЦК её партийной линии и открытой критикой поведения. Отказ же от участия в Государственной думе отразится вредно на интересах рабочего класса России, так как для партии важно использование даже III Думы в качестве трибуны.

Жизнь впоследствии показала, что фракция РСДРП III Думы к концу её полномочий всё же до известной степени выправила свою первоначальную линию, а несколько большевиков, которые там были (например, т. Полетаев), принесли партии огромную пользу: т. Полетаев много потрудился над созданием "Звезды" и "Правды"» [49, с. 136].

Отголоски этой принципиальной борьбы мы находим и на страницах протоколов Совещания расширенной редакции большевистской газеты «Пролетарий» (являвшейся, по сути, большевистским центром), которое состоялось летом 1909 года в Париже. Данное совещание было примечательно тем, что Ленин и его единомышленники идейно разгромили тогда два разлагающих единство партийных рядов политических течения – так называемые «ликвидаторство» и «отзовизм».

Ликвидаторство, характерное для меньшевистской части РСДРП, отрицающее любые нелегальные, внепарламентские формы работы, вело к фактической ликвидации партии как самостоятельного, неконтролируемого властями, субъекта политики. В. И. Ленин отстаивал идею блока только с той частью меньшевистского крыла партии, которая выступала за сохранение нелегальной социал-демократической организации. Сторонников таких взглядов, идущих вслед за Г. В. Плехановым, большевики стали называть «меньшевиками-партияцами».

Отзовизм, требующий ухода социал-демократов из парламента, прекращения всякой деятельности в профессиональных союзах, кассах взаимопомощи и просветительских обществах, обернулся бы, в конечном счёте, тем же результатом – превращением партии в замкнутую догматическую секту, то есть постепенной её деградацией и развалом. Недаром же Ленин характеризовал отзовистов как «ликвидаторов наизнанку».

Своеобразным проявлением отзовизма стал «ультиматизм». «В сущности говоря, разница между ультиматизмом и отзовизмом – только в оценке, – писал соратник Ленина Г. Е. Зиновьев. – Ультиматисты говорили: "Мы предлагаем не отзывать депутатов, а поставить ультиматум; тот, кто ему не подчинится, должен уйти". На это мы возражали: "Это тех же щей, да пожиже влей"» [13, с. 156].

«Отзовистским» и «ультиматистским» настроениям в той или иной степени оказались подвержены такие видные партийцы, как А. В. Луначарский, М. Н. Лядов, Г. А. Алексинский. Опасность распространения этого идейного поветрия в рядах партии была столь велика, что ЦК РСДРП вынужден был весной 1908 года обратиться к партийным ячейкам на местах с письмом, в котором требование отзыва фракции из Думы категорично называлось вредным и несвоевременным.

Определённая популярность отзовизма и ультиматизма среди большевиков была вполне объяснима. Участник парижского совещания с романтически-революционным псевдонимом «Марат» (В. Л. Шанцер) стал одним из тех, кто отстаивал позицию радикальной группы молодых партийцев во главе с А. А. Богдановым (Максимовым). Считая, что РСДРП «проиграла» революцию 1905–1907 годов, они видели дальнейшее будущее партии в коренном пересмотре её организационных основ и кардинальной смене руководящего состава. В своём выступлении, которое вполне укладывалось в эту нехитрую логику, Шанцер заявил, что «думская фракция не исполняла своей обязанности, она часто шла против партии», а посему «фракция думская должна строго подчиняться партии, и партия может не остановиться перед тем, чтобы убрать фракцию» [73, с. 23].

Ещё более резким в оценках думской деятельности социал-демократов был сам Александр Богданов, весьма популярный в начале XX века писатель и философ, автор знаменитого фантастического романа «Красная звезда». В отличие от Ленина, всегда сохранявшего в полемике здравомыслие и самообладание, у Богданова явно сдавали нервы: «Партия может отозвать негодную фракцию и заменить её новой... Когда люди, получающие 10 р., говорят, что «Дума – мы», а партия не мы – это значит ставить фракцию на совершенно особое место... Будущее решит, кто был двуличен. Теперь у вас не хвата-

ет мужества сказать: мы с Плехановым (то есть, с меньшевиками. – *И.М.*), а вы – убирайтесь к чорту (так в тексте. – *И.М.*)!» [Там же, с. 25].

Спокойная, рассудительная тональность выступлений В. И. Ленина, И. Ф. Дубровинского, Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова развернула ход парижского совещания в конструктивное русло. В итоговой резолюции «Об отзовизме и ультиматизме», осудившей проявления «политического индифферентизма» и «анархистских блужданий» в партии, однозначно говорилось о том, что «большевизм как определённое течение в РСДРП ничего общего не имеет с отзовизмом и ультиматизмом и что большевистская фракция должна вести самую решительную борьбу с этими уклонениями от пути революционного марксизма» [Там же, с. 174].

Через несколько дней после совещания там же, в Париже, была организована партийная комиссия по содействию социал-демократической фракции Думы. Состав комиссии получился весьма разнородным: в неё были включены М. Ф. Владимирский, Ф. И. Дан, Г. Е. Зиновьев, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, Н. А. Семашко и другие представители обеих частей партии. Наибольшую активность как обычно проявлял Ленин. Его рукой была написана «Объяснительная записка к проекту главных оснований закона о 8-часовом рабочем дне» и ещё ряд документов, отклонённых думскими меньшевиками.

Будущий первый народный комиссар здравоохранения Советской России Н. А. Семашко подготовил альтернативный правительственному законопроект о социальном страховании. Подробный разбор позиций различных политических сил по этому принципиально важному для российского рабочего класса вопросу он дал в статье «Государственное страхование рабочих и задача момента», опубликованной в № 23 газеты «Социал-демократ» за 1912 год.

Вновь поражаешься злободневности данного материала, увидевшего свет более сотни лет назад: «С большой помпой, с явным расчётом на обман будущих избирателей и на самую дешёвенькую демагогию был выгашен с полок думских канцелярий мирно почивавший там больше трёх лет «Законопроект о государственном страховании рабочих» и торжественно проведён в первом чтении перед ... пустыми скамьями зала думских заседаний» [74, с. 53]. Привычка думского большинства рассматривать социально значимые законы в полупустом зале заседаний оказалась, как видно, на удивление живучей.

Н. Семашко возмущён тем, что «великая, мирового значения» реформа думских обманщиков ухудшает положение рабочих даже по сравнению с настоящим» [Там же, с. 54]. Ведь по действующему закону, охватывающему не более десятой части русского пролетариата, предприниматель платит пособие лишь тем, кто пострадал на работе «не по своей вине». Согласно новому законопроекту первые 13 недель увечья оплачиваются пострадавшим рабочим из средств больничных касс. Следовательно, затраты на лечение и социальную помощь, составляющие около 2 миллионов рублей, перекладываются с промышленников на плечи рабочих.

По действующему закону, далее поясняет Семашко, лечение рабочих было прямой обязанностью заводчиков и фабрикантов. Правительственный законопроект теперь перелаживает значительную часть расходов на самих рабочих, что, по примерному подсчёту, экономит капиталистам 9 миллионов рублей в год и на такую же сумму разоряет пролетариев.

Автору статьи ненавистно антисемитское паскудство правых: «Думская чёрная сотня восторженно приветствовала все организации и стеснения рабочих, которые устанавливает законопроект; их "государственная" точка зрения в рабочем вопросе ограничивалась нечленораздельным рычанием по адресу революции и площадной бранью по адресу "жидов" (речь попа Машкевича)». Ничего путного не сулят рабочим и разглагольствования более умеренных «октябристов»: «Философию октябристов должен был изложить их докладчик барон Тизенгаузен... В чём же усматривает барон "гуманную точку зрения"? В апологии (защите) всех безобразий правительственного проекта; мало того, даже в ухудшении его (он пытается перенести обязанности лечить рабочих с предпринимателей на рабочие больничные кассы)» [Там же, с. 55].

И вот, наконец, на трибуне депутаты Покровский и Предкальн. Антирабочему правительственному законопроекту ими противопоставлены чёткие, обоснованные объективными статистическими данными, требования Социал-демократической партии в области страхования. «Наша фракция голосовала против законопроектов, – заключает Семашко. – Она сделала это в полном согласии с лучшими традициями международной социал-демократии. Германские с.-д. в своё время голосовали против "рабочих реформ" Бисмарка³³, и если бы с.-д. депутаты позволили себя одурачить этим законом, они "предали бы за несколько серебряников (так у автора. – И.М.) неотъемлемые права пролетариата", писал потом по этому вопросу Франц Меринг» [Там же, с. 59].

Между тем политическая реакция в стране резко усиливалась. В апреле 1909 года всего лишь за произнесение антиправительственной речи перед рабочими голосами монархического большинства думы был исключён из числа депутатов и брошен в тюрьму большевик В. С. Косоротов. На пленарных заседаниях социал-демократическим депутатам то и дело затыкали рты: безнаказанным хулиганством и издевательскими выкриками Марковых и Пуришкевичей, звоном председательского колокольчика, бесцеремонным удалением из зала. В сентябре 1910 года большевики лишились своей главной опоры легальной работы в России – был арестован Петербургский комитет РСДРП. Единственным законным органом с большевистским участием автоматически становилась думская фракция.

Как уже отмечалось ранее, Четвёртая (общероссийская) конференция РСДРП, на которой преобладали большевики, рекомендовала фракции социал-демократов постоянно держать в поле зрения принятие госбюджета, вопросы рабочего и аграрного законодательства. Идейно-политической традицией, берущей своё начало именно тогда, ещё в царской Думе, стало голосование нынешних депутатов-коммунистов против антинародных бюджетов, предлагаемых правительством. Большевистская пресса (прежде всего газеты «Звезда», «Невская звезда», «Правда», «Пролетарий», «Рабочее знамя», «Социал-демократ») постоянно печатала развёрнутые отчёты о думских дебатах.

³³ Имеются в виду законопроекты, внесённые в Рейхстаг германским канцлером О. Бисмарком в 80-е годы XIX века. Законы предусматривали страхование здоровья работающих от несчастных случаев и пенсионное обеспечение в связи с утратой трудоспособности. Мизерными подачками рабочим рейхсканцлер рассчитывал снизить растущую популярность социал-демократии.

Не только исторический, но и вполне понятный практический интерес сегодня вызывает цикл заметок Н. Н. Батурина о Государственной думе, опубликованный в «Правде» и «Звезде». В статье с шутивным названием «Вермишель» политический публицист начала XX века показал тайную «механику» подготовки и принятия думских решений, которая вовсю используется и нынешними парламентариями-обладателями многомиллионных счетов в коммерческих банках. «"Вермишальная" практика законодательства 3-й Думы, – писал Батурин, – с перенесением центра тяжести в негласные заседания думских комиссий как нельзя лучше показывает, что и новой обстановке "народного представительства" это возросшее влияние нашего торгово-промышленного класса сохраняет старый антидемократический характер, характер соглашений» [9, с. 224].

Благодаря материалам большевистских газет и прокламаций жители национальных окраин империи не раз убеждались в том, что наиболее последовательной и, пожалуй, на тот момент единственной политической силой, отстаивавшей принципы равноправия и согласия между народами, являлась российская социал-демократия. При обсуждении правительственного законопроекта о введении земского управления в шести западных губерниях (Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилёвской и Подольской), который явно попирает и без того скудные права нерусского населения, вновь очень живо и убедительно выступал И. Покровский. «Мы, социалисты, – заявил он, – работаем со всей демократией, без различия наций и вероисповеданий, будь то грузин, армянин, поляк или еврей. Но мы все дружно идём против русских, будь он в мундире, вицмундире, сюртуке или рясе, против русских угнетателей, которые одинаково угнетают и инородцев, и русскую народную массу». Стенограмма заседания после этих слов бесстрастно засвидетельствовала глумливый выкрик Пуришкевича: «Покуда мы вас не повесим!» [75].

Столь же похабно во время обсуждения запроса «правых» о положении дел на Кавказе вёл себя его единомышленник Марков. Он презрительно бросил в адрес кавказских депутатов: «Не надейтесь на автономные республики, их не будет, ибо русский великий, мощный, богатый народ живёт, и жизнь его так мочуча, что перед нею ваши, хотя и почтенные, но мелкие жизни должны стусеваться» [34, с. 123]. Не пройдёт и шести лет, как надвигающаяся катастрофа территориального развала страны – прямое следствие тупиковой политики Марковых – заставит революционное правительство законодательно закрепить право народов России на национальные автономии.

Однако, в отличие от Советского правительства, нынешняя власть относится к межнациональным проблемам примерно так же, как в своё время власть самодержавная. Член фракции КПрФ В. А. Купцов, возглавлявший в Государственной Думе пятого созыва Комитет по делам национальностей, не без сожаления констатировал, что «правительство вообще не представляет законопроектов по этой тематике» [76]. Тем не менее парламентская тактика Компартии состоит вовсе не в том, чтобы «ждать у моря погоды». Коммунистами были подготовлены законопроекты «О национально-культурной автономии», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений Российской Федерации».

КПРФ смотрит на проблему гораздо шире других парламентских партий. Одна из главных целей деятельности фракции – всестороннее содействие сохранению единого культурного и духовного пространства братских народов на просторах Содружества независимых государств, противодействие межнациональной розни и дискриминации по этническому принципу. Ею разработан модельный для стран СНГ закон «Об этнокультурных общественных объединениях граждан», который был принят на сессии Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества [77].

«Возрождение обновлённого Союза, – подчёркивал Г. А. Зюганов, – и, соответственно, советского народа – историческая цель КПРФ. Решая её, мы постоянно сверяем её с братскими партиями, входящими в СКП-КПСС³⁴.

Вместе мы служим делу укрепления дружбы народов в границах Союза Советских Социалистических Республик. Для достижения успеха КПРФ будет прилагать все силы. В Центральном комитете партии целенаправленную организаторскую работу в этом направлении ведут И. И. Мельников, В. И. Кашин, Д. Г. Новиков, Л. И. Калашиков, К. К. Тайсаев. Большую помощь оказывают наши депутаты Государственной Думы, задействованные в профильных комитетах, специальных комиссиях и группах. Их деятельность координируют С. Н. Решульский, Ю. В. Афонин, В. С. Шурчанов...» [78].

После восьмимесячных мытарств по думским и правительственным комиссиям в феврале 1911 года на обсуждение депутатов был внесён проект закона об отмене печально знаменитой «черты оседлости» евреев³⁵. И вновь с присущими ему страстностью и доказательностью слово держал Покровский. Антисемитизм, по мнению депутата, является политическим козырем правительства в трудные для него минуты. Наглядное тому подтверждение еврейские погромы, инспирированные полицией осенью 1905 года. Единственный выход из создавшегося постыдного положения состоит в немедленном уничтожении черты оседлости и прекращении высылки евреев, проживающих за пределами данной черты [34, с. 121]. Как обычно, предложения социал-демократов были отвергнуты, а сам законопроект «утонул» в бумажном море думской канцелярии.

³⁴ Союз коммунистических партий – Коммунистическая партия Советского Союза (СКП-КПСС) – созданное в 1993 году международное объединение коммунистических партий прежних союзных республик, ставящее своей главной программной целью реинтеграцию разделённых советских народов. XXIX съезд КПСС, состоявшийся уже после антиконституционного указа президента Б. Ельцина о запрете компартии и развала СССР, временно, до воссоздания обновлённого Союза братских народов, реорганизовал Коммунистическую партию Советского Союза в СКП-КПСС. В настоящее время в его ряды входят 18 коммунистических партий, некоторые из которых действуют нелегально, в условиях антикоммунистического террора.

³⁵ Так называемая «черта постоянной еврейской оседлости» была обозначена в 1791 году указом императрицы Екатерины II после присоединения к России части бывшей Речи Посполитой (Польско-Литовского королевства) как граница территории, на которой позволялось жить лицам иудейского вероисповедания. Впоследствии в связи с новыми территориальными приобретениями «черта оседлости» неоднократно уточнялась. К началу работы Государственной думы из 5 миллионов еврейского населения страны только 200 тысяч человек имели право селиться в любых местах Империи, по своему выбору.

В числе наиболее острых тем, обсуждавшихся на пленарных заседаниях III Государственной думы, особое место занял расстрел рабочих на приисках Ленского золотопромышленного товарищества в районе г. Бодайбо 4 (17) апреля 1912 года. Чтобы лучше понять истоки и суть Ленской трагедии, необходимо вновь обратиться к воспоминаниям ссыльного большевика Василия Соколова: «...На Ленских приисках, руководимых прекрасно организованной (по последнему слову техники) акционерной компанией, золотое предприятие технически первобытно. Шахты обваливаются и затопляются. Вместо лестниц – стремянки, по которым люди ползают в темноте, срываются, падают, ранят себя и других инструментами... Раздевальни, вентиляция отсутствуют. Рабочие сваливаются, угорают от динамитных взрывов, задыхаются. Специальной одежды для работы в воде нет.

Прямо из мокрой шахты на 40-градусном морозе рабочая одежда превращается в ледяной короб. Его приходится оттаивать над той же плитой, где готовится и обед.

Если таково предприятие, то что же говорить о жилье для рабочих?

...Стены промерзают, из-под полов дует ветер, с потолка сыплется земля. Зимой одинарные рамы (около полярного круга!) с поломанными стёклами. Вместо форток – дыры в стене на улицу, заткнутые тряпками... Во всяком случае рабочее жильё гораздо хуже, чем конюшни для приисковых лошадей <...>.

Рабочий день 11–11½ часов... Заработок? Его никогда и никто в полном виде и в денежном выражении не только не имел на руках, а даже не видел... Рабочих кормят мясом только червивым... Им продают и такие несъедобные отбросы, которые обычно идут на собачий стол – вроде бычьих и конских членов... Что более отвратительное и издевательски-унизительное можно было ещё придумать?» [70, с. 252–254].

В тех самых местах, где некогда отбывал одну из своих ссылок борец за рабочее дело Соколов, стоит ныне Красноярский алюминиевый завод, второй в мире производитель алюминия. Этот промышленный гигант, который строила поистине вся страна³⁶, входит теперь в компанию «РУСАЛ», фактически принадлежащую одному человеку – О. Дерипаске. Другой господин – с фамилией Мельниченко – единолично владеет тремя красноярскими теплоэлектростанциями, сжигающими бурые канско-ачинские угли. Красноярцы уже привыкли к тому, что, словно в войну, в их городе регулярно объявляется режим «чёрного неба». В это время рекомендуется не открывать в квартирах окна, почаще промывать нос и горло физраствором, производить влажную уборку помещений, пользоваться респиратором, пореже выходить на улицу, а лучше – вообще покинуть город. Неудивительно, что, по оценкам специалистов, уровень заболеваемости населения онкологией здесь повышается ежегодно на 5 % [79].

Бизнес-журнал «Компания» опубликовал весьма любопытную заметку о главном творце этой экологической катастрофы: «Рябь от но-

³⁶ Для рабочих, съехавшихся со всех концов Советского Союза, был построен посёлок Индустриальный. Быстрый рост численности населения привёл к созданию целого района Красноярска – Советского.

вой яхты миллиардера Андрея Мельниченко прошла по страницам всех европейских газет. Спущенная на воду в немецком Киле яхта обещает стать самой большой и самой дорогой. Восьмипалубное судно длиной 142 метра... имеет три мачты высотой 91 метр каждая, при этом общий размер парусов превышает площадь футбольного поля. У яхты, рассчитанной на 20 гостей и 54 человека экипажа, есть подводная смотровая площадка. Стоит это великолепие, созданное модным французским дизайнером Филиппом Старком, около 260 млн фунтов...

Однако есть мнение, что яхта рискует стать воплощением «путинизма». Первое судно Мельниченко уже ассоциируется мировыми СМИ с «общеизвестным символом безумного богатства русских» [80]. Помимо яхты немецкого производства, сообщает журнал, Мельниченко, обладатель состояния в 9,1 млрд долларов, имеет ещё и швейцарскую компанию «ЕвроХим», производящую минеральные удобрения. Журналисты поинтересовались у работников расположенного в Мурманской области Ковдорского горно-обогатительного комбината (входит в «ЕвроХим»), как они оценивают новую покупку Мельниченко. «Один из водителей отметил: "Условия труда у нас здесь такие, что никому не пожелаешь: самосвалы разваливаются на ходу, горят, недавно вот своего коллегу чудом спасли, чуть не сгорел заживо вместе со вспыхнувшим "БелАЗом", до сих пор лежит в больнице. А в январе самосвал упал в карьер, молодой парень, водитель, погиб"» [Там же].

В жесточайшей революционной борьбе, а затем – и кровопролитной гражданской войне на заре XX века были завоёваны российским рабочим классом его права и социальные гарантии. Накануне столетия Великого Октября приходится с горечью констатировать, что многие из них сегодня полностью утрачены. В России снова хамское всевластие капитала и абсолютное бесправие человека труда.

На VI (октябрьском) Пленуме ЦК КПРФ 2014 года приводились следующие социологические данные, как нельзя лучше иллюстрирующие нынешнее положение человека труда: «В специальном исследовании **"Бедность и неравенство в современной России"** учёные Института социологии РАН обосновали: **российская бедность – это "бедность с трудовой книжкой"**. Как минимум 20 % имеющих рабочее место поставлены на грань выживания... 17–20 % бедных – это "конторский пролетариат", а две трети – промышленные рабочие. И рабочие низкой квалификации далеко не в большинстве. Их доля – 26–28 %. Почти пятая часть рабочих, живущих в постоянных лишениях, – профессионалы средней квалификации. Это те, у кого 3-й или 4-й тарификационные разряды. 12 % обездоленных составляют рабочие высокой квалификации – операторы станков, механизаторы, водители и другие. Ещё 12 % бедных приходится на продавцов, парикмахеров, других рабочих торговли и сферы обслуживания. Таким образом, сама система экономических отношений порождает бедность работающих граждан страны.

Практически весь рабочий класс капитализм лишил перспектив социального роста. Даже 40 % небедного населения сомневаются, что их дети добьются хотя бы того же, чего достигли родители» [81].

С учётом реального соотношения сил в российском парламенте фракция КПРФ стремится отстоять хотя бы те немногие существующие сегодня трудовые права граждан, не допустить падения реальной заработной платы, роста безработицы, сокращения времени декретного и других отпусков, пренебрежения вопросами социального страхования, ущемления прав профсоюзов. Предложенный коммунистами – депутатами Государственной Думы третьего созыва альтернативный проект Трудового кодекса и борьба за него заставили правительство в начале 2000-х годов пойти на некоторые уступки в пользу трудящихся. И хотя парламентское большинство всё-таки навязало кабальный вариант основного закона о труде, КПРФ удалось «пробить» статью о соответствии минимального размера оплаты труда величине прожиточного минимума. Однако данная норма и до сей поры не подкреплена законом о МРОТе, принятие которого саботируется «партией власти».

Вместе с тем партия ясно осознаёт, что обеспечить достойный уровень жизни нынешнему поколению трудящихся – только часть дела. Необходимо прекратить целенаправленное уничтожение отечественной промышленности и рабочего класса. «КПРФ настойчиво противодействует этой тенденции, – писал Г. А. Зюганов в своей книге "Время и рабочий класс". – Для нас новая индустриализация России имеет и экономическое, и патриотическое, и классовое значение. Вот почему фракция КПРФ в Госдуме, начиная с И. И. Мельникова, В. И. Кашина, С. Н. Решульского и других наших товарищей, энергично продвигают законопроект о промышленной политике. Эта работа начиналась под руководством Ю. Д. Маслюкова. Затем к ней активно подключилась созданная в составе ЦК Комиссия по промышленной политике. Сейчас мы вышли на финишную прямую» [82]. 31 декабря 2014 года Федеральный закон № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» был подписан главой государства.

Во имя будущего страны в «Экономической и социальной стратегии КПРФ», принятой на Пленуме ЦК партии ещё в 2005 году, поставлена задача «решать проблему профессионально-технического образования» [83]. «Действующий режим, – говорится в документе, – практически уничтожил рабочие профессии и их подготовку в учебных заведениях, более того, беспощадно уничтожаются сами учебные заведения, задушенные финансовой удавкой, а преподавательский состав выгоняется на улицу. Возрождённые промышленные и сельскохозяйственные предприятия потребуют высококлассных специалистов, и наша задача – подготовить их в полном объёме для отечественной экономики. Также первоочередной задачей является обеспечение условий для увеличения в несколько раз размера трудовой заработной платы в реальном секторе экономики. Её необходимо поднять с 33 % до 65 % от стоимости продукции, как это было в СССР» [Там же].

Против таких условий не человеческой жизни, а скотского существования, и вспыхнула на Ленских приисках рабочая забастовка. Усмирять её приехал «высочайший профессионал», жандармский ротмистр Терещенков.

Тот самый, что принимал самое деятельное участие в расстреле безоружных петербуржцев 9 января 1905 года. В этот раз руки испытанного палача вновь обильно обогрилась кровью. По свидетельству В. Н. Соколова, трупы убитых рабочих никто не считал: «К похоронам никто, кроме солдат и полиции, не был допущен... Приисковский поп отпевал их гуртом – по списку, данному ему приисковой полицией. Список заключает в себе 170 имён – круглая цифра, ни больше, ни меньше» [70, с. 284–285].

День 8 апреля 1912 года, когда думская социал-демократическая фракция получила зловещую телеграмму из Енисейской губернии, стал отправной точкой общероссийской кампании памяти расстрелянных и гневного возмущения произволом карателей. В ней приняли участие более 300 тысяч рабочих со всех концов России. Ещё 1,5 миллиона пролетариев в течение года поднимались на забастовки.

Фракция социал-демократов выразила яростное негодование по поводу кровавой расправы. Тексты выступлений рабочих депутатов и правительственных чиновников, отвечавших на запрос об изуверской акции на Лене, были напечатаны на страницах «Звезды». Даже бывалого революционера Василия Соколова, одного из очевидцев событий, поразил беспредельный цинизм власти, утопившей в крови законный рабочий протест: «Так министр Макаров в третьионской думе и заявил:

– Так было и так будет впредь!

И министр Макаров лишь повторил в Думе то, что не раз говорил в том же тоне на месте ротмистр Терещенков.

И прав был думский депутат рабочий Кузнецов, когда ответил Макарову:

– Нас всегда расстреливали, и мы знаем, кто нас расстреливал! Мы знаем, что и 9 января на Дворцовой площади нас расстреливало самодержавие!

Макаров давал своё объяснение в Государственной думе 11 апреля на запрос думской фракции социал-демократов. И это единственный адрес – думская рабочая фракция, – по которому вопль терроризованных ленских рабочих был услышан. И услышан не только рабочими думскими представителями, а и всем российским рабочим классом» [Там же, с. 291–292].

Своё возмущение происходящим в Думе выплеснул на первую полосу «Звезды» и молодой большевик Вячеслав Скрябин, оставшийся в мировой истории под удачно выбранным для пролетарского вождя псевдонимом «Молотов»: «Чёрные хищники, обнаглевшие в 3-й Думе до последних пределов, бесстыдно хохотали, когда трудовики внесли предложение: назначить из среды Государственной думы комиссию для расследования преступления на месте. Они взяли ленские расстрелы под своё высокое покровительство» [84, с. 43].

Но подлинная сила большевизма заключалась не в блестящем владении словом, а в теснейшей связи с народом. Огромным уважением простого рабочего люда пользовался Н. Г. Полетаев, регулярно посещавший Путиловский, Обуховский и другие заводы и промышленные предприятия Петербурга. Полицейские агенты доносили о том, что депутаты-большевики Воронин, Захаров и Сурков ведут агитацию на нелегальных собраниях в Вичуге, Владимире, Иваново-Вознесенске, Кинешме, Костроме, Родниках Шуе и других городах центральной полосы России.

Большевистские депутаты постоянно участвовали в деятельности легальных общественных организаций, избирались делегатами их съездов. Примы-

кавший к большевикам И. П. Покровский на Первом Всероссийском съезде фабрично-заводских врачей произнёс настолько хлёткую речь о постановке лечебного дела в стране, что полиция тут же поспешила закрыть мероприятие.

Действенным инструментом в арсенале форм и методов парламентской работы РСДРП, как и её нынешней преемницы КПрФ, была и остаётся переписка с избирателями. По многим письмам и обращениям рабочих и крестьян, конторщиков и торговых служащих, ссыльных и заключённых фракция социал-демократов вносила запросы правительству. Так, ею был оглашён целый ряд запросов в отношении катастроф на стройках, шахтах и рудниках с многочисленными жертвами. Члены фракции неоднократно пытались привлечь внимание к тяжелейшим, нечеловеческим условиям труда, создать думскую комиссию для расследования причин этих рукотворных бедствий. Однако правое большинство думы, как правило, бесцеремонно проваливало любую подобную попытку.

А что же думские оппоненты большевизма? Очень любопытные зарисовки к политическим портретам депутатов из «парламентского большинства», поразительно напоминающего нынешних представителей «партии власти», запечатлел В. Н. Соколов. Вот, к примеру, политическая физиономия одного из членов кадетской фракции III Государственной думы: «Парламентские каникулы депутат Востротин посвятил деловому отдыху в Лондоне», но «...он готов отворить своё лицо от либеральной половины своего класса и искать содействия и воспособления у националистов и правых. Он имеет что им сказать:

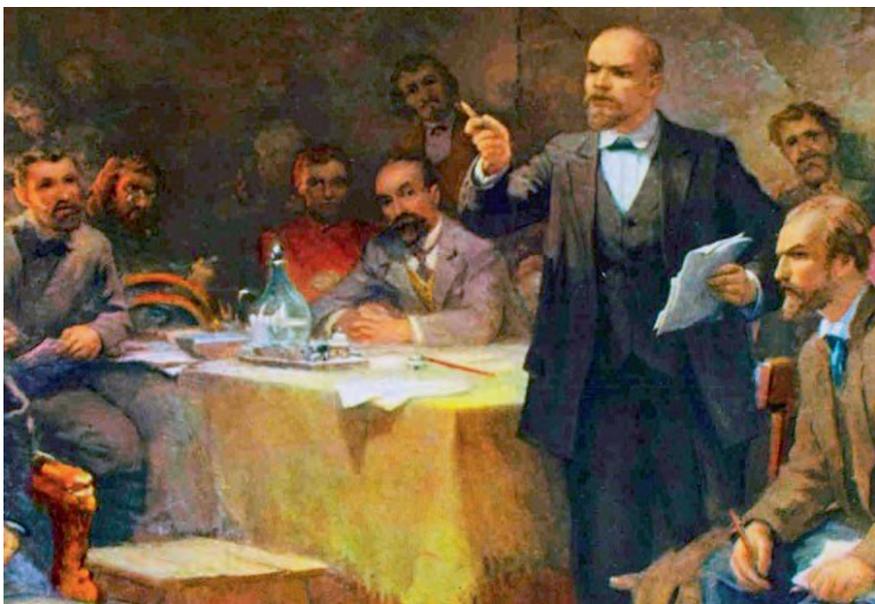
– Господа члены Государственной думы! Разве вы не видите с Востока жёлтой опасности? ...Идя по следам Японии, Китай в короткое время превратится в одну из могущественнейших и величайших стран мира, которая может распространить своё господство *только* в сторону ближайшей соседней *русской* окраины, Сибири» [70, с. 312]. Не правда ли, подобного рода «квасной» патриотизм очень характерен для некоторых сегодняшних «слуг народа», ещё недавно, в лихие девяностые, призывавших омыть российские военные сапоги в тёплых водах Индийского океана?

III Дума вообще превосходила по части дикости и мракобесия обе предыдущие. И в самом деле, не для того же она замышлялась в тиши придворных кабинетов, чтобы стать образчиком демократизма и компетентности! Подводя итоги работы Государственной думы III созыва в статье «Дорогое наследство», опубликованной в большевистской газете «Звезда», В. М. Молотов иронизировал: «Ещё месяц, другой и "работоспособная" третья Дума прекратит своё пятилетнее прозябание. Скоро разойдутся по разным углам третьеиюньские законодатели, но разойдутся, не закончив своих трудов. Подумать только, как рабочие и крестьяне будут жалеть об этом! Шутка сказать, после 3-й Думы остаётся целый ворох законопроектов, не рассмотренных ещё Государственным советом.

Ну не в праве ли такие работоспособные законодатели сказать, например, голодающим крестьянам: "Мы работники, а вы – лодыри"?». Пять лет работы совместно с правительством. Пять лет многотрудной работы для всеобщего угнетения народа!» [84, с. 53].

Кровавое воскресенье

В. И. Ленин на II съезде РСДРП

Большевик и меньшевик.
Открытка начала XX в.

Кадет.
Открытка начала XX в.

Трудовик.
Открытка начала XX в.

В Государственной думе.
Карикатура

Открытие Государственной думы

Столыпинщина. Карикатура начала XX в.

Подписание Манифеста 17 октября
1905 года. Карикатура

М. К. Муранова выводят
из зала заседаний

Большевики во II Государственной думе

Арестованные депутаты-большевики

И. В. Сталин, Я. М. Свердлов и другие сильные

Большевистская фракция IV Государственной думы

Ленский расстрел рабочих в 1912 году

Пятеро бесстрашных и один провокатор

Тысяча девятьсот двенадцатый стал не только последним годом работы III Государственной думы, но и знаменательным этапом окончательного размежевания большевистского и меньшевистского «крыльев» РСДРП на самостоятельные партии.

Стратегия и тактика большевиков были определены на проходившей в Праге зимой 1912 года VI Всероссийской партийной конференции. Её созыву предшествовала поистине подвижническая работа загнанных в подполье партийных комитетов, которые в обстановке строгой конспирации, с большим риском направляли своих делегатов на заграничный партийный форум. На конференции были представлены организации и группы РСДРП из Санкт-Петербурга и Москвы, Баку и Тифлиса, Киева и Екатеринослава, Казани и Саратова, многих других крупных городов России. По своему идейно-политическому содержанию, внушительному представительству и организационному значению Пражская конференция ни в чём не уступала партийному съезду. Круг обсуждаемых проблем оказался весьма обширным. В повестку дня были включены вопросы о современном моменте и задачах партии, о предстоящих выборах в IV Думу и думской фракции, о стачечном движении и работе в профсоюзах, о государственном страховании рабочих и борьбе с голодом, о партийной литературе и работе за границей.

Но главным итогом Пражской конференции стало восстановление идейного и организационного единства партийных рядов, исключение из партии ликвидаторов и других противников большевизма. Была чётко определена политическая линия в избирательной кампании в IV Государственную думу. Суть её состояла в целенаправленной борьбе против монархии и поддерживающих её буржуазно-помещичьих партий, развенчании фальшивой оппозиционности конституционных демократов. На конференции были также сформулированы ключевые лозунги предвыборной агитации большевиков: демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земель.

Избирательная кампания впоследствии показала, что меньшевистская часть РСДРП окончательно превратилась в «филиал» партии конституционных демократов. Требование демократической республики меньшевики подменяли тезисом из кадетской программы о «полновластии думы», требование конфискации – всего лишь «пересмотром столыпинского аграрного закона», лозунг о восьмичасовом рабочем дне – лишёнными конкретики призывами к улучшению социального положения рабочих.

Поскольку Центральный Комитет, избранный в 1907 году, на V съезде РСДРП³⁷, фактически перестал существовать как единый координирующий штаб партии, было принято решение о формировании нового, чисто боль-

³⁷ V съезд РСДРП, проходивший весной 1907 года в Лондоне, был, по сути дела, последней попыткой объединить противоборствующие «крылья» партии. 303 делегата с решающим голосом представляли 145 партийных организаций (см.: [11, с. 58]). Основная борьба на съезде снова развернулась вокруг вопроса об отношении к буржуазным партиям и Государственной думе. Меньшевистская линия на союз с кадетами съездом была решительно отвергнута. На выборах Центрального комитета РСДРП большевики-ленинцы вновь получили небольшой (в один голос) перевес над меньшевиками.

шевистского ЦК. Его членами были избраны В. И. Ленин, Ф. И. Голощёкин, Г. Е. Зиновьев, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандарян, Д. М. Шварцман, Р. В. Малиновский. Кандидатами в члены Центрального комитета на случай арестов членов ЦК были выдвинуты А. С. Бубнов, М. И. Калинин, А. П. Смирнов, Е. Д. Стасова и С. Г. Шаумян. На первом же организационном пленуме ЦК РСДРП(б), состоявшемся сразу после завершения работы конференции, в состав центрального руководящего органа были кооптированы И. В. Сталин и И. С. Белостокский, а немного позднее – Я. М. Свердлов и Г. И. Петровский.

Кроме того, для руководства повседневной практической деятельностью партийных организаций на территории России было создано Русское бюро ЦК, в которое вошли И. В. Сталин, Ф. И. Голощёкин, Г. К. Орджоникидзе, О. А. Пятницкий, С. С. Спандарян, Е. Д. Стасова.

Таким образом, в избирательную кампанию РСДРП(б) вступила идейно сплочённой и организационно крепкой. Большевикам больше не нужно было тратить время на зачастую бесплодные внутривнутрипартийные дискуссии.

С позиции дня сегодняшнего может вызывать удивление тот факт, что одним из основных центров всей предвыборной работы большевиков стал Тифлис. Этот древний многонациональный город всегда был и остаётся поныне «узлом» многих геополитических, социально-экономических, религиозных, этнокультурных проблем и противоречий. «Мы в это время проводили большую работу по подготовке выборов в IV Государственную думу, – писала в своих "Воспоминаниях" Е. Д. Стасова о тифлисском периоде своей революционной деятельности. – У нас была объединённая с меньшевиками комиссия, но, конечно, мы, большевики, имели и свои предварительные совещания, где вырабатывали положения, которые должны были отстаивать на общих собраниях <...>. Наша Комиссия руководствовалась "Избирательной платформой РСДРП", которая, как свидетельствовали материалы нашего судебного дела, была написана Суреном Спандаряном. На самом деле автором "Платформы" был В. И. Ленин, а Сурен лишь переписал её из полученного конспиративного письма» [21, с. 101, 104].

Упомянутая Стасовой «Избирательная платформа» была переправлена из-за границы отважным Серго Орджоникидзе и отпечатана в виде листовки в одной из небольших тифлиских типографий. С предгорий Кавказа документ разошёлся по всей стране³⁸.

Собственные предвыборные воззвания выпустили многие большевистские комитеты. Особый интерес среди них, на наш взгляд, представляют материалы, вышедшие из-под пера И. В. Сталина, крупнейшего партийного пропагандиста того времени.

Лидеры проправительственных партий, выражавших интересы имущего меньшинства, что называется «кожей чувствовали» свою крайнюю непопулярность в обществе. Власть в ходе той кампании (как, собственно, и теперь), «пускаясь во все тяжкие», максимально задействовала пресловутый «административный ресурс». В. Коковцов, председатель Совета министров Империи, вспоминал, с какой неприкрытой наглостью накануне выборов на совещании

³⁸ После принятия профашистским режимом Саакашвили в 2011 году так называемой «Хартии свобод», инспирирующей преследование граждан за политические убеждения и запрещающей на территории страны любую советскую символику, грузинским коммунистам вновь, как в начале XX века, пришлось осваивать методы подпольной работы.

губернаторов выступал нижегородский «хозяин» А. Хвостов: «...Губернаторы не только должны, но и могут провести в Думу исключительно тех, кого они желают. По его словам, в Нижегородской губернии все оппозиционные кандидаты им уже устранены, и на их место намечены люди, совершенно надёжные в политическом отношении, которые и будут выбраны, если только министр внутренних дел не даст ему несколько более денежных средств и разрешит привлечь к делу начальника губернского жандармского управления и облечёт его, губернатора, достаточной свободой действий. Хвостов прибавил, развивая свою теорию, что следует только допустить одно предварительное условие: задаться целью и не колебаться в выборе средств, т. е. не обращать внимания на выкрики печати и не бояться жалоб на неправильность выборов» [85].

Ряд черносотенных кандидатов стремился «въехать» в Думу на авторитете практически безраздельно господствовавшей тогда религиозной конфессии. В этой связи привлекают внимание невероятно актуальные строчки, написанные Сталиным под одним из авторских псевдонимов «К. Солин» для петербургской газеты «Звезда». Сардонически высмеивая «предвыборную горячку», поразившую правящие верхи, он писал: «Плохи, плохи дела правительственных партий, если даже отцам церкви приходится забрасывать из-за них "дела церковные" в угоду "дел мирских"!»

Выборы под давлением духовных и светских губернаторов – вот, стало быть, на какие средства могут они рассчитывать.

Правда, есть ещё одно средство – это приклеить марку беспартийности и, обморочив избирателей, пролезть как-нибудь в Думу, чтобы потом сбросить маску» [86, с. 241]. Как же всё это похоже на мимикрию представителей нынешней «партии власти»!

Незадолго до выборов вновь начались повальные аресты рабочих активистов, в том числе и выборных уполномоченных. Силовым порядком от участия в выборах устранились многие промышленные предприятия. Так, 4 октября 1912 года уездная избирательная комиссия исключила из числа выборщиков представителей 21 завода и фабрики Петербурга. Только массовое возмущение рабочего класса, вылившееся в стотысячную стачку, заставило правительство пойти на попятную и отменить решение чиновных самодуров.

«Наиболее характерной чертой в настроении рабочих в сравнении с 1907 годом является большой подъём интереса к выборам, – отмечал по этому поводу И. В. Сталин в правдинской заметке "К итогам выборов по рабочей курии Петербурга". – Если не считать маленьких группок, там и сям рассеянных по предприятиям, можно смело сказать, что бойкотистское настроение совершенно отсутствует» [Там же, с. 256].

По новому закону, который в целом сохранял прежний порядок проведения выборов, для рабочей избирательной курии были определены всего 6 губерний: Петербургская, Владимирская, Екатеринославская, Костромская, Московская и Харьковская, от которых было «высочайше дозволено» избрать по одному депутату. Однако и за этих шестерых голосовали отнюдь не только сами рабочие, а все выборщики на общегубернских избирательных собраниях.

Действенными способами сокращения числа голосующих, как указывал в своей работе «Большевики в Государственной думе» А. Е. Бадаев, были разнообразные махинации со списками избирателей и так называемые «разъяснения».

Скажем, несмотря на то, что во второй городской курии избирательным правом пользовались все квартиронаниматели в возрасте 25 лет и выше, в списки вносились только те из них, кто платил квартирный налог. Все остальные должны были подавать заявления о своём желании выбрать самостоятельно. Однако, как пишет Бадаев, им «приходилось проходить через столько полицейских мытарств, что пропадала всякая охота участвовать в выборах. Прежде всего нужно было получить удостоверение от полиции, которая всячески тормозила выдачу. Приходилось ходить по пяти-шести раз к "господину приставу", и в результате можно было получить такое удостоверение, которое затем признавалось на выборах неправильным и недействительным. Избирателя обманывали, говорили, что он уже пропустил срок, а пока он доискивался правды, срок действительно оказывался пропущенным» [64, с. 28].

Безобидным, на первый взгляд, словом «разъяснения» называлось не что иное как массовое лишение избирательных прав. Особенно больно били эти пресловутые «разъяснения» по национальному достоинству нерусского населения. До участия в выборах не допускались почти все евреи, живущие за чертой оседлости, то есть вне тех строго определённых территорий в западных и южных губерниях России, где разрешалось постоянное проживание лиц иудейского вероисповедания.

«Разъяснения» касались и других социальных слоёв, подверженных оппозиционным настроениям. Но наибольшую опасность для правительства представлял, бесспорно, промышленный пролетариат. Уже после выборов в IV думу Сталин резюмировал: «...Рабочие боролись за выборы, они добивались и добились права выборов путём грандиозных забастовок против «разъяснений», несмотря на все полицейские ухищрения и преграды. Это несомненный признак того, что политический столбняк прошёл, революция сдвинулась с мёртвой точки» [86, с. 271].

Впрочем, уже ничто: ни аресты и запугивания, ни штрафы и увольнения, ни откровенное мошенничество и хамство царских чиновников не могли сломить решимости рабочего класса провести своих представителей в Государственную думу. Характерную сцену, разыгравшуюся во время приёма уполномоченных от рабочих владимирским губернатором, описал Ф. Н. Самойлов: «Губернатор Сазонов встретил нас очень холодно, почти враждебно. Когда я обратился к нему со словами: "Господин губернатор" и т. д., то он, не дав договорить, ударил себя в грудь и, наступая на меня, закричал:

– Превосходительство! Я превосходительство!

Мне и раньше не раз приходилось по разным делам бывать у этого губернатора, но такого "приёма" я не ожидал. В первый момент мы были сильно озадачены.

– Я человек не военный и ваших титулов не знаю, – сказал я, когда он замолчал. Но он ещё громче закричал, по-прежнему ударяя себя в грудь:

– Я превосходительство! Я превосходительство! – и топнул ногой.

– Ну, хорошо, ваше превосходительство, мы пришли к вам с просьбой разрешить нам собраться...

– Не могу, не могу, никаких собраний не разрешаю! – перебил он, снова сильно повышая голос.

– Но как же нам быть, мы должны избрать выборщиков, – проговорил я, – а для этого нужно устроить совещание.

– Это меня не касается, как хотите, так и выбирайте, а собраний я вам никаких не разрешаю! – закричал он и, повернувшись, ушёл к себе в кабинет. Перед нами встал вопрос об устройстве нелегального собрания где-нибудь за городом, как это было во время выборов в III Думу. Но на улице шёл дождь, и от мысли о загородном собрании пришлось отказаться. Вместо этого вечером мы собрались в каком-то подворье и устроили нелегальное собрание представителей уездов» [15, с. 209].

В наглости и цинизме бывшим царским слугам не уступят некоторые нынешние представители властной «вертикали». 2 октября 2009 года председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Государственной Думе Г. А. Зюганов с группой российских парламентариев нанёс рабочий визит в Республику Марий Эл. Однако в марийской столице гостей встречали не хлебом-солью, а нарядами ОМОНа. Чтобы попасть на центральную площадь, где по закону была согласована встреча коммунистов-депутатов с избирателями, пятитысячная колонна во главе с лидером КПРФ была вынуждена в буквальном смысле прорывать милицейские кордоны.

«Они были в полной экипировке, с дубинками и щитами, – рассказывал представитель пресс-службы ЦК КПРФ. – При выходе колонны от здания Марийского рескома КПРФ депутаты Государственной Думы, в том числе Г. А. Зюганов, подверглись нападению сил ОМОНа. Партийцы пошли на приступ и сумели прорваться через оцепление. Во время прорыва от ОМОНа досталось и самому Геннадию Зюганову, и депутату Госдумы от КПРФ Сергею Обухову. Известного на всю страну агрария Николая Харитонову милиционеры хватили за куртку и пытались тащить... Несмотря на это, Зюганов с красным флагом и в будёновке прошёл в центр города, где и провёл встречу с избирателями» [87].

Деятельность Главы Республики Л. Маркелова, устроившего эту позорную провокацию, в 2005 году удостоилась внимания Европейского парламента. В резолюции «О нарушениях прав человека и демократии в Республике Марий Эл Российской Федерации» в частности обращалось внимание на «преследования и запугивание по отношению к журналистам и корреспондентам негосударственных средств массовой информации в Марий Эл, включая убийство трёх журналистов в 2001 году» [88].

В апреле 2017 года Президент России В. Путин освободил от должности этого оскандалившегося чиновника. Через несколько дней он был задержан Следственным комитетом РФ по подозрению в получении взятки в размере 235 млн рублей, а затем этапирован в Москву и арестован Басманным судом. В настоящее время следствие по уголовному делу Маркелова продолжается.

В Москве организацией предвыборной кампании занималась специальная партийная группа, состоявшая всего-то из 4-х человек. О результатах её работы говорит то, что к исходу сентября 1912 года на предприятиях города и всей губернии было выдвинуто 322 уполномоченных. Из 9 выборщиков, избранных на съезде уполномоченных, 7 оказались большевиками. В начале октября состоялось собрание выборщиков рабочей курии Московской губернии, на котором был принят большевистский по духу наказ депутату.

Но первостепенное значение для всей партии имели, конечно, выборы в столице. «Для непосредственного руководства выборами из ЦК была выделена центральная избирательная комиссия, члены которой распределили весь город между собой по районам, – свидетельствовал Алексей Бадаев. – Организаторами выборов по районам были тт. Юрьев, Конкордия Самойлова, Михайлов (Политикус), Инесса Арманд и Савельев... Фактическим центром и штабом избирательной кампании большевиков была редакция «Правды». Здесь кипела неустанная ежедневная работа. Помещение редакции служило местом встреч и собраний с представителями районов и отдельных фабрик и заводов. Одновременно начались и нелегальные предвыборные собрания по районам» [64, с. 36].

Исключительно важная роль в идейном руководстве выборной кампанией принадлежала И. В. Сталину, которому в сентябре 1912 года удалось бежать из нарымской ссылки. Уже тогда многие отмечали его яркий публицистический талант, неподражаемый рассудительно-неторопливый стиль. Сталиным был написан знаменитый «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», который очень высоко оценил В. И. Ленин. Текст наказа был единодушно поддержан на собраниях рабочих крупнейших промышленных предприятий Петербурга, а затем и на съезде рабочих-уполномоченных 17 октября 1912 года. По настоянию Ленина документ был набран крупным шрифтом на первой полосе большевистской «Правды». Методологической основой парламентской деятельности коммунистов и поныне является положение о том, что во главу угла необходимо ставить «широкое распространение с думской трибуны наших требований, а не пустую игру в законодательствование в господской Думе» [86, с. 252].

Избирательная кампания выявила заметное «поправение» не только кадетских лозунгов. Идейной трансформации были подвержены многие оппозиционные силы. Настоящий развал переживала партия эсеров. Меншевики устами Плеханова заявляли, что российскому пролетариату в 1905 году вообще не нужно было братья за оружие. А другой идеолог меньшевизма Череванин вообще опустился до того, что назвал борьбу за восьмичасовой рабочий день «несчастной идеей», которая ничего, кроме вреда, принести не могла. Тем удивительнее то, что даже в годы глухой реакции из-под пера Сталина появлялись такие, полные исторического оптимизма, строки: «Состояние же экономической жизни России, уже появляющиеся признаки будущего промышленного кризиса и всё усиливающееся обнищание широких слоёв крестьянства делают необходимость разрешения задач пятого года настоятельной. Поэтому мы думаем, что **Россия живёт накануне грядущих массовых движений, быть может, более глубоких, чем в пятом году** (выделено мной. – *И.М.*)» [Там же, с. 250].

Сталинская предвыборная агитация была полна страстных, но вместе с тем очень логичных и доходчивых, лозунгов и призывов: «Избиратели-рабочие! Голосуйте за представителей ваших интересов, за социал-демократов!

Избиратели-приказчики! Не голосуйте за кадетов, пренебрёгших интересами вашего отдыха, голосуйте за социал-демократов, единственных последовательных защитников ваших интересов!

Избиратели-поляки! Вы добиваетесь права свободного национального развития, помните, что свобода национальностей немыслима без общей свободы, а кадеты изменяют свободе!

Избиратели-евреи! Вы добиваетесь равноправия евреев, но помните, что лобызаящиеся с бобринскими милюковы и блокирующиеся с правыми кадеты не будут добиваться равноправия!

За предателей народной свободы или за защитников её, за кадетов или за социал-демократов – выбирайте, граждане!» [Там же, с. 264–265].

Голос партии был услышан. Достаточно сказать, что во второй городской курии благодаря в основном наступательной и предельно конкретной большевистской агитации социал-демократическим кандидатам удалось собрать около 100 тысяч голосов. Особенно внушительной была победа в Петербурге. Если на предыдущих выборах социал-демократия получила 11,7 %, то в этот раз – 22,6 % голосов выборщиков. В Москве число проголосовавших за РСДРП возросло втрое.

Что же касается рабочей курии, то, несмотря на заведомо провальные «стартовые условия» и почти полное отсутствие легальных возможностей предвыборной работы, большевики завоевали в ней все 6 мест: от Петербургской губернии в Думу был избран слесарь **А. Е. Бадаев**, от Владимирской – рабочий Покровской мануфактуры **Ф. Н. Самойлов**, от Екатеринославской – токарь мариупольского завода «Русский Провиданс» **Г. И. Петровский**, от Костромской – ткач фабрики Красильникова **Н. Р. Шагов**, от Московской – член профсоюза металлистов **Р. В. Малиновский**, от Харьковской – слесарь паровозно-строительного завода Северо-Донецкой железной дороги **М. К. Муранов**. Рабочий класс этих губерний насчитывал **более миллиона человек**.

Данные факты прямо бьют против писаний нынешних либеральных сочинителей. Например, один из них, небезызвестный версификатор Д. Быков, отбросив всякие приличия, выдал следующее: «Российские коммунисты всегда отличались уникальной неспособностью к политической борьбе. Революцию 1905–1907 годов они проиграли; Февральскую революцию сделали не они, а в октябре просто больше некому было подобрать власть, буквально валявшуюся в грязи. Побеждали они всегда не в борьбе, а в игре без правил, когда у противника были связаны руки» [89].

Однако осенью 1912 года ситуация была прямо противоположной: большевикам приходилось сражаться и выигрывать со связанными руками. Что такое «политическая борьба» по правилам самодержавия продемонстрировал находившийся в самой гуще выборов А. Е. Бадаев: «В Петербурге выборы уполномоченных по рабочей курии были назначены на воскресенье 16 сентября. Между тем о дне выборов рабочие узнали только в пятницу, а на некоторых предприятиях – даже в субботу. На Семянниковском же заводе объявление о выборах было вывешено как раз во время трёхдневного заводского праздника, т. е. тогда, когда никого из рабочих на заводе не было <...>».

На одном из крупнейших в Петербурге заводов, Обуховском, выборы не могли состояться, так как в назначенное время все помещения завода оказались на запоре. На Ижорском заводе, хотя помещение для выборов и было предоставлено, но выпуск в него был ограничен всего 15 минутами. После этого калитка была наглухо закрыта, и подошедшие позже рабочие были лишены, таким образом, избирательного права. Ещё проще поступила администрация завода «Сименс и Гальске», Международного общества

спальных вагонов и ряда других предприятий, в особенности находившихся за чертой города: рабочие этих заводов не были внесены администрацией в список избирателей по рабочей курии. Когда рабочие узнали об этом и подали заявления с протестами в избирательную комиссию, там им заявили, что уже поздно и восстановить их права комиссия не может» [64, с. 38–40]. Справедливости ради следовало бы заметить, что всё это мало чем отличалось от приснопамятных выборов 2011 года, против итогов которых так бурно протестовала пёстрая компания единомышленников Быкова на Болотной площади Москвы.

IV Дума по своему партийно-политическому составу получилась ещё более реакционной, чем III. Правое «крыло» разрослось со 148 до 185 депутатов. Напротив, со 120 до 98 уменьшилось представительство умеренных «октябристов». 58 парламентариев были кадетами, 48 – «прогрессистами», 10 – «трудовиками», 7 – беспартийными. Национальные окраины империи представлял 21 депутат [29, с. 610]. «Глядя на наш четвёртый парламент, очень легко уподобиться тому оттоману (турку. – *И.М.*), который, посетив французскую палату депутатов, воскликнул:

– Благодарю Аллаха, избавившего мою родину от столь гибельного испытания!», – так реагировал на открытие Думы молодой обозреватель владикавказской газеты «Терек» Сергей Костриков, который с апреля 1912 года стал подписывать свои материалы литературным псевдонимом «Киров» [90].

Казалось бы, цель царского двора и правительства была достигнута: подавляющее большинство депутатов оказалось полностью лояльным и подконтрольным. Однако председатель Государственной думы IV созыва М. Родзянко в своих памятных записках неоднократно подчёркивал то обстоятельство, что монархию не устраивала даже такая, жалкая имитация парламентаризма: «Со стороны правительства видно было желание если не активными действиями, то хотя бы измором убить Думу. Несмотря на громкие обещания внести новые законопроекты, правительство упорно ничего не делало, и на долю Думы оставались только запросы и бюджет... Отсутствие крепкого сплочённого большинства в самой Думе, неопределённое положение, волнующее ожидание роспуска, бесплодная работа – на важнейшие запросы и законопроекты не было отклика в правительстве, – всё это не могло не отражаться на настроении Думы» [91].

Социал-демократами, оказавшимися в ничтожном численном меньшинстве, несмотря на недавнее партийное размежевание, было принято консолидированное решение образовать объединённую фракцию. Меньшевики, превосходившие большевистскую шестёрку на один голос, провели на пост председателя фракции Н. Чхеидзе. Товарищем (заместителем) председателя был избран Р. Малиновский. Депутаты социал-демократической фракции были допущены к участию в 26 думских комиссиях, однако меньшевики получили возможность работать лишь в семи из них.

Едва пройдя этап организационного становления, фракция вновь погрузилась во внутренние конфликты. «Наше положение во фракции было чрезвычайно трудным, – подчёркивал Ф. Н. Самойлов. – Семёрка являлась хозяином положения и использовала это в своих фракционных интересах. Меньшевики то и дело отказывали нам в выступлениях в Государственной думе, намечая ораторами вместо наших товарищей своих единомышленни-

ков; по всем спорным вопросам они постоянно проваливали наши предложения. В самой фракции мы не чувствовали товарищеской среды. Семёрка всячески подчёркивала, что мы нежеланные и ненужные и только в силу необходимости терпимые» [15, с. 235].

Первый повод для серьёзного обострения разногласий возник накануне первого заседания Думы. Группа большевиков, проводивших активную работу в профсоюзах, призвала пролетариат столицы встретить открытие новой Думы массовой демонстрацией и политической стачкой. Пользуясь численным преимуществом во фракции, меньшевики, уповавшие исключительно на легальные методы и пуще огня боявшиеся радикальных проявлений протеста, поспешили принять и опубликовать обращение к рабочим воздержаться от любых публичных акций в этот день. Несмотря на разногласия в партийных решениях, 15 ноября 1912 года, в день официального открытия IV Государственной думы Российской империи, рабочие выступления охватили более 70 тысяч человек. Трусливую позицию большинства социал-демократической фракции тогда жёстко осудил Ленин.

Ещё одним «яблоком раздора» стало произвольное включение меньшевиками в состав фракции Е. Ягелло, который был избран в Думу, несмотря на протесты рабочих Варшавы и польской социал-демократии. Ф. Н. Самойлов впоследствии назвал случившееся крайне «некрасивой историей». Таким же образом, вопреки воле местной социал-демократической организации, во фракции оказался иркутский домовладелец И. Маньков. В его избрании участвовали только 12 из 20 выборщиков. Остальные 8 были попросту «разъяснены» (отстранены от выборов) полицией. Маньков оказался фигурой настолько одиозной, что впоследствии был исключён даже из меньшевистской фракции. Весьма типично, что этот «социалист», ставший во время Гражданской войны поделельником «Верховного правителя России» Колчака, прославился чудовищно кровавыми расправами над большевиками и беспартийными сторонниками Советской власти в Нижнеминске.

Но едва ли эти двое по степени ущерба, нанесённого фракции и российскому рабочему движению в целом, могли сравниться с Романом Малиновским, затесавшимся в ряды большевиков секретным сотрудником Охранного отделения департамента полиции Министерства внутренних дел. Много позже полицейский генерал, один из шефов царской охранки А. Спиридович со знанием дела объяснял побудительные мотивы лиц, вставших на скользкий путь провокаторства: «Сотрудничество – явление сложное; причины, толкающие людей на предательство своих близких знакомых, часто друзей, различны. Они должны быть или очень низменны, или, наоборот, очень высоки. Чаще всего будущие сотрудники сами предлагали свои услуги жандармскому офицеру, но бывали, конечно, случаи, и даже очень частые, когда предложения делались со стороны последних.

Так или иначе, но из-за чего же шли в сотрудники деятели различных революционных организаций? Чаще всего, конечно, из-за денег. Получать несколько десятков рублей в месяц за сообщение два раза в неделю каких-либо сведений о своей организации – дело нетрудное... если совесть позволяет... Но бывали сотрудники и в полном смысле идейные, для которых деньги отходили на задний план» [92].

Использование спецслужбами провокаторов для установления контроля и внутреннего разложения оппозиционных организаций – обычное, отточенное до совершенства дело. Компартия России, к сожалению, не раз сталкивалась с этим в своей политической практике. Чего стоит хотя бы имевший место в 2003–2004 годах эпизод, когда активно подстрекаемая извне группа во главе с бизнесменом Г. Семигиным и переродившимся партфункционером С. Потаповым предприняла попытку «рейдерского захвата», а затем и раскола КПРФ.

Момент для осуществления замысла был выбран удачно. Партийный актив был полностью сосредоточен на проведении двух масштабных общенациональных избирательных кампаний: парламентской и президентской. Ситуация для партии в тот период складывалась предельно неблагоприятно. Казалось, что беспрецедентным применением «грязных» избирательных технологий, прицельным шельмованием руководителей КПРФ, широкой информационной раскруткой псевдолоевой партии «Родина» гнусная цель будет достигнута. По сравнению с выборами 1999 года в 30 субъектах Федерации Компартия потеряла почти половину голосов избирателей, а в 15 регионах – две трети.

Анализируя произошедшее в работе «За единство», Г. А. Зюганов писал: «...Как это всегда случается в подобных обстоятельствах, отступление Компартии резко усилило в её рядах те негативные тенденции, которые складывались и вызревали на протяжении всего последнего пятилетия. Своё организационное, политическое и идейное воплощение они нашли в группировке Семигина – Потапова. По сути дела, борьба с ней продолжается в современных условиях давнюю традицию, идущую ещё со времён II съезда РСДРП и борьбы большевиков с меньшевизмом и троцкизмом.

В плане идейном группировка Семигина – Потапова возродила линию на ликвидаторство, то есть взяла курс на уничтожение партии как коммунистической организации, борющейся за социалистическую альтернативу... Нередко оппозиционная деятельность сводится просто к "банкетной" трескотне, как это делали в старину меньшевики совместно с представителями либерально-буржуазных партий в канун революции 1905 года, подменяя социально-политическое действие и работу в массах потоками словоблудия, бессмысленных петиций и речей, здравниц в честь власть имущих.

В плане социальном группировкой Семигина – Потапова ставка делается не на трудящиеся массы, а на буржуазию, которую предлагается "не отпугивать" оппозиционной деятельностью партии, а, более того, подчинять её интересам всю работу КПРФ. Очевидно, что в современных условиях коммунисты должны, творчески обратившись к опыту большевиков и, в частности, к решениям V съезда РСДРП (апрель – май 1907 года), заявить, что создание любых "левых блоков" является лишь тактическим соглашением, не только предполагающим, но и требующим, как настаивал В. И. Ленин, неустанного разоблачения псевдосоциалистического характера буржуазных союзников Компартии.

Одновременно эта антипартийная группировка взяла на себя и роль проводника того, что в истории российского коммунистического движения принято называть "полицейским социализмом" или

"зубатовщиной", то есть курса на подчинение партии и оппозиционно-го движения прямому и косвенному контролю со стороны власти. Идёт внедрение враждебной агентуры в партийные структуры на всех уровнях, создаются фальшивые, якобы оппозиционные образования, тормозящие и срывающие реальную борьбу с режимом» [93].

Только соединением непреклонной воли тысяч первичных партийных отделений с твёрдой позицией руководства Центрального комитета и Центральной контрольно-ревизионной комиссии КППРФ удалось тогда очистить партийные ряды от раскольников и провокаторов. Масштабная спецоперация по разгрому и дискредитации главной оппозиционной партии страны провалилась.

Когда Февральская буржуазно-демократическая революция в 1917 году распахнула архивы лишь одного Московского охранного отделения, выяснилось, что жандармское управление располагало в левых партиях 116 секретными сотрудниками, а вместе с отдельными доносчиками их количество доходило до 400. «Рекордсменами» среди них были С. Регекампф-Златкин по кличке «Танин», который написал 110 доносов и выдал полиции 186 революционеров; А. Николаев («Андрей»), отправивший в тюрьму и на каторгу 176 человек; С. Соколов («Кондуктор»), предавший 100 партийцев. А. Лобов («Мек») донёс не только на 23 нелегалов, но и на собственную жену – секретаря думской фракции большевиков [94, с. 11].

Знали ли об этом в Государственной думе? Да, знали. Ещё в феврале 1909 года был озвучен официальный запрос правительству о провокаторской деятельности такого пресловутого «тёмных дел мастера», как Е. Азеф. От имени социал-демократической фракции запрос внёс депутат Покровский. С трибуны был процитирован документ, изобличающий теснейшую связь между Азефом и полицейской охранкой. П. Столыпину не оставалось ничего кроме как подтвердить факт сотрудничества Азефа с департаментом полиции с 1892 года. Однако ничего аморального, и тем более незаконного в такой агентурной работе премьер-министр страны не усмотрел (см.: [95]).

«История» с Малиновским не была уникальной. Ещё в 1906 году, будучи арестованным за банальную кражу, он дал согласие на сотрудничество с Петербургским охранным отделением. С этого момента несостоявшийся уголовник значился в полицейской картотеке под агентурными кличками «Эрнест» и «Портной». С помощью полиции Малиновскому удавалось скрывать свою судимость не только при вступлении в ряды РСДРП, но и позднее, во время избирательной кампании в IV Государственную думу³⁹. Более того, стаж работы Малиновского на фабрике был недостаточен для выдвижения в Думу по рабочей курии, охранка, по его просьбе, арестовала мастера, который имел неосторожность требовать в связи с этим увольнения этого тайного полицейского осведомителя (см.: [96]).

Малиновский оказался для охраны ценнейшим агентом. Во-первых, он как член Центрального комитета входил в довольно узкий круг высших руководителей РСДРП(б). Во-вторых, обладая немалой известностью сре-

³⁹ В соответствии со статьёй 10 Положения о выборах в Думу депутатами не могли быть избраны лица, осуждённые за уголовные преступления. Причём срока давности по этому запрету не существовало.

ди московских пролетариев и пройдя весьма сложную избирательную процедуру, стал депутатом Госдумы. С 5 июля 1910 года по 19 сентября 1913 года он направил своим хозяевам 88 доносов, по которым были арестованы А. К. Воронский, Ф. И. Голощёкин, П. А. Залуцкий, Я. Д. Зевин, Е. П. Онуфриев, Л. П. Серебряков, С. С. Спандарян, И. В. Сталин, Е. Д. Стасова, А.И. и М. И. Ульяновы, Д. М. Шварцман и многие другие [94, с. 12].

Особым вниманием охранного отделения пользовались оппозиционные депутаты. «Как видно теперь из архивных материалов, – пишет А. Е. Бадаев, – охранка при слежке в свою очередь именовала нас кличками, которые в разных районах были различны. Так, Петровский на Украине назывался "Пройдоха", а в Петербурге – "Осётр", Муранов – "Мудрый" и "Газетный", Шагов – "Лещ" и "Шуйский".

Охранка широко пользовалась системой перлюстрации (т. е. вскрытием и просмотром) писем. Существовавший при главном почтамте "чёрный кабинет" (агентура охранки, занимавшаяся вскрытием писем) просматривал все письма, адресованные социал-демократическим депутатам. Почтой мы поэтому совсем не пользовались, а если пользовались, то по условным адресам» [64, с. 107].

Услуги провокатора уровня Р. Малиновского оплачивались баснословно высоко. При ежемесячном жаловании российского губернатора в 500 рублей «гонорары» сексота доходили до 700 рублей. Кроме того, он получал «особые суммы» на поездки за границу, к Ленину. Полученные указания Малиновский незамедлительно сообщал охранке. А однажды он доставил своим «хозяевам» архив думской социал-демократической фракции, из которого в течение ночи охранка перепечатала всю необходимую ей информацию.

На основании доносов Малиновского составлялись многочисленные рапорты в вышестоящие инстанции, делались стремительные карьеры. В одном из таких рапортов говорилось о том, что большевистская шестёрка теснейшим образом связана «с Центральным комитетом РСДРП, от которого и получает соответствующие указания для фракционных работ. Указания эти получают непосредственно от членов Центрального комитета, для чего члены с.-д. фракции выезжают за границу для свидания с Лениным... или же через представителя означенного комитета, периодически приезжающего на заседания фракции». Что же касается семёрки меньшевистских депутатов, то в полицейском рапорте особо подчёркивалось: она «связи с Центральным комитетом не имеет и директивами его не руководствуется» [97].

По рекомендации своих «спонсоров» Малиновский, выступая на думском заседании 7 декабря 1912 г. с ответом фракции на декларацию главы Совета министров В. Коковцова о будущих законодательных инициативах правительства, пропустил в тексте как раз те наиболее резкие места, где говорилось о реакционном характере Госдумы и содержалось требование полновластия народа. «На наши вопросы, – отметил в мемуарах Ф. Н. Самойлов, – он отвечал, что "и сам не знает, как это произошло", что перелистывая при чтении тетрадь, он "нечаянно" перекинул сразу несколько листов и "нечаянно" для себя самого пропустил их» [15, с. 229]. Но даже в урезанном виде заявление произвело на власть столь сильное впечатление, что почти весь тираж «Правды» с речью Малиновского был конфискован полицией.

В декабре 1912 года меньшевистское большинство, не поставив в известность ЦК партии, навязало думской фракции решение о создании объ-

единённого печатного органа российской социал-демократии. Подчиняясь данному решению, большевистские депутаты А. Е. Бадаев, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов дали согласие на включение их фамилий в число сотрудников редакции меньшевистской газеты «Луч», выходявшей легально. Этот необдуманный шаг получил резкую оценку со стороны участников совещания членов Центрального комитета с партийными работниками, состоявшегося в польском Кракове 26 декабря 1912 – 1 января 1913 года (8–14 января 1913 года). В. И. Ленин терпеливо втолковывал присутствовавшим на совещании парламентариям Бадаеву, Петровскому и Шагову, что никаких сделок с ликвидаторами быть не может. Кроме того, принимая во внимание ничтожный или, по словам Ленина, случайный численный перевес меньшевиков во фракции, участники совещания заявили о необходимости требовать полного равноправия между представителями обеих частей партии в решении всех вопросов думской деятельности партии.

По возвращении в Петербург трое упомянутых депутатов, а также не участвовавший в Краковском совещании Ф. Н. Самойлов заявили о своём отказе от сотрудничества с ликвидаторским «Лучом». Это вызвало яростные нападки со стороны меньшевистской верхушки, тут же обвинившей большевистскую шестёрку депутатов в попытке раскола фракцию. О расколе, как часто бывает, громче всех заговорили те, кто больше всего его хотел.

Члены партии, как и многие сочувствующие РСДРП, не оставались безучастными наблюдателями событий в Думе. В поддержку требований Краковского партийного совещания о равноправии большевистской и меньшевистской частей социал-демократической фракции Думы стали повсеместно высказываться рабочие активисты. Так, например, более семи десятков работников Александровского завода Екатеринослава, представителем которых в IV думе был Г. И. Петровский, писали о том, что «семь депутатов – представители течения, урезающего марксистские лозунги, вступившего на путь проповеди реформ и ликвидаций, не должны подавлять большинством одного голоса воли 6 курialsных депутатов, представляющих фактическое большинство в рабочем движении» (цит. по: [33, с. 195]).

Вскоре произошло окончательное размежевание. В октябре 1913 года шестеро рабочих депутатов, согласно указаниям ЦК РСДРП(б), вручили Н. Чхеидзе заявление о ненормальном положении во фракции. Однако, прибегнув к привычной манипуляции, председательствующий вновь попытался решить вопрос о рассмотрении данного заявления голосованием. Большевики вынуждены были покинуть заседание фракции.

«Несмотря на это, – вспоминал Ф. Н. Самойлов, – меньшевистская семёрка не изменила своего поведения, продолжала все спорные вопросы на заседаниях фракции ставить на голосование и механически выносить по ним нужные решения. Так, например, на заседании социал-демократической фракции 21 октября по внесённому в Думу запросу о преследовании рабочей печати мы требовали одно из двух выступлений в Думе дать нам, большевикам. Но большинство фракции решило оба выступления предоставить меньшевикам – Чхеидзе и Бурьянову.

На этом же заседании мы запросили семёрку, почему она не отвечает определённо и ясно на наши требования установить равноправие двух частей фракции, и получили обещание дать окончательный ответ 25 октября.

Тогда мы заявили, что до этого времени не будем участвовать в голосовании, а начнём действовать как самостоятельная группа» [15, с. 257–258].

Разделение социал-демократической фракции Думы явилось логическим продолжением десятилетнего идейного противостояния большевизма и меньшевизма. События, предшествующие расколу, ещё раз подтвердили их полную организационную несовместимость. **Самостоятельная большевистская группа депутатов Государственной думы, названная по предложению Ленина «Российской социал-демократической рабочей фракцией» (РСДРФ), в 1913 году стала, наконец, политической реальностью.**

Коротко остановимся на тех аспектах парламентской деятельности, которым РСДРФ уделяла основное внимание. Разумеется, вопросом «номер один» для новой фракции оставалось **положение рабочего класса**. Она вновь внесла в Думу законопроект об установлении восьмичасового трудового дня, действие которого распространялось бы на все категории рабочих и служащих без исключения.

Исходя из тематики пленарных заседаний, депутаты-большевики старались использовать любую возможность для того, чтобы во всеуслышание провозгласить о главном. Вот отрывки из речи депутата А. Е. Бадаева по поводу катастрофы на Охтенском пороховом заводе Военного министерства, искалечившей и погубившей в начале 1913 года более 60 человек: «В культурных странах, на Западе, даже при нынешнем буржуазном строе предприятия, принадлежащие государству, не заинтересованные непосредственно в извлечении максимальных прибылей и находящиеся в меньшей зависимости от рынка, идут впереди всех частновладельческих предприятий и служат как бы образцом для них как по своему техническому оборудованию, так и по отношению к рабочим. Там, на Западе, рабочие в казённых предприятиях пользуются более коротким рабочим днём и получают бóльшую заработную плату и, несомненно, отличаются наибольшей культурностью и сознательностью <...>».

Быть может, расчёты военного министерства и его ведомства и оправдаются, и Дума дарует ему и его ведомству отпущение грехов, но и тогда, господа, им не удастся обмануть рабочий класс, ибо народ хорошо знает, кто его враги. Он хорошо знает, что вы скажете; он знает, что большинство Государственной думы не есть представители народа, а враги народа, прошедшие в Думу благодаря уродливому избирательному закону...

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, прошу вас не употреблять выражений по адресу Государственной думы.

Бадаев. ...прошедшие благодаря уродливому избирательному закону. Народ хорошо знает, что только тот парламент будет истинно защищать народ, который будет создан после полной победы народа и при полной демократизации всего политического строя. А сейчас, каков бы ни был ответ по поводу объяснений министра, народ, особенно идущий во главе народного движения пролетариат, этими объяснениями не удовлетворится. **(Рукоплескания слева.)**» [64, с. 124, 127].

А вот выдержка из современной газетной публикации: «Мы, когда утром через проходную проходим, молимся. Чтобы живыми и здоровыми вернуться домой. Бабы на себе мешки с порохом целый день таскают.

Туда-сюда. А мешок этот нередко больше её самой весит. И везде, представляете, даже в туалетах эти мешки с порохом, случись опять что, мы все там поляжем", – из откровений работников Тамбовского порохового завода...

"Работали мы последние годы обычно без света. Директор сказал, что должна быть во всём экономия. Принесём фонарики и ими освещаем. Директор доволен, хвалит нас"...

"Мы же без респираторов работали, надышимся эфиром и этиловым спиртом. Пьяные не пьяные, но дурные. Однажды авария в одном из цехов произошла. Спирт лётся, дышать нечем. Девочка-ученица оторопела, не соображает ничего, спасибо, более опытная работница глаза себе фуфайкой закрыла, вытолкала её вон"...

Такого количества происшествий с человеческими жертвами здесь не было за всю советскую власть.

В 2010-м произошла разгерметизация оборудования для прессовки пороха, ученику аппаратчика Павлу Мухину оторвало голову.

В июле 2012-го при взрыве погиб ветеран производства Алексей Левшин.

В 2013-м убило слесаря Михаила Половинкина: отлетевший железный болт попал ему в голову, его напарник ослеп на один глаз. В августе того же 2013-го был обнаружен труп слесаря Лаврушкина, который чистил канализационный ручей штыковой лопатой и утонул.

В январе 2014-го насмерть отравилась смесью воды и этилового эфира 49-летняя работница Татьяна Платошина...

Кому-то повезло больше. Так, в ночь на 1 декабря 2014 года «всего лишь» лишилась руки 27-летняя Ирина Левина. В разговоре она заплакала только раз: "Сыннишка уже второй год просит у Деда Мороза, чтобы вернул маме руку..."» [98].

Подобным же образом с думской трибуны звучали заявления и запросы депутатов-большевиков о положении горнозаводского пролетариата, о политике Министерства торговли и промышленности, об отравлении работников на фабриках «Проводник» в Риге и «Треугольник» в Петербурге, о нуждах рабочих Обуховского завода столицы. Большевистская фракция просуществовала совсем недолго, всего две думские сессии, но и за это время рабочие депутаты брали слово 71 раз, внесли 41 запрос правительству.

О состоянии дел в почтово-телеграфном ведомстве 22 мая 1913 года резко и доказательно говорил М. К. Муранов: «Стоит только взглянуть, чтобы увидеть, как сильно отстала Россия от других стран. В то время как в Швейцарии одно почтовое учреждение приходится приблизительно на 11 кв. вёрст, в Германии – на 13–14, во Франции – на 44,5, в России оно приходится на 1720, другими словами, на таком пространстве, на каком в России только одно почтовое учреждение, во Франции их 39, в Германии – 123, а в Швейцарии – 157; в Швейцарии одно почтовое учреждение приходится на 888 человек населения, а в России на 10 392. Разница, г. г., как видим, больше чем почтенная. Откуда же эта разница? Прежде всего она коренится в общих условиях развития страны; там, где тратятся безумные деньги на армию и флот, на кормёжку интендантов и постройку тюрем, на содержание

азефов и официальных изданий, где народные массы периодически голодают и притом спаиваются казённой водкой, там не может развиваться быстро экономическая жизнь, там культура ползёт черепашим шагом...

Наш пьяный бюджет – лучшее тому доказательство. Мужичка сознательно спаивают, чтобы пополнить золотую наличность государственного банка, которого ловкий министр может пустить пыль в глаза европейским гешефтмахерам» [99, с. 167–168].

Большевистской когорте Думы удалось установить бесперебойную обратную связь с трудовым людом. На места была разослана подробная анкета об условиях труда и быта рабочих и служащих. Со всех концов страны в адрес фракции поступило 642 ответа, содержащих информацию о социальном положении более 200 тысяч человек. Обобщив собранные материалы, фракция вполне легально издала «Спутник рабочего на 1914 год», в который была помещена статья В. И. Ленина «Стачки в России».

Группа депутатов-большевиков по праву считалась поборницей интересов сколь многочисленного, столь же и обездоленного **класса крестьян**. С принятием столыпинского аграрного законодательства, направленного на разрушение традиционной сельской общины, думские баталии по земельному вопросу заметно поутихли. Правое большинство было вполне довольным. Правительство как будто нашло превосходный способ сохранить в неприкосновенности помещичьи владения: хочешь получить земельный надел – выходи из общины и отправляйся в Сибирь.

О губительных последствиях возможного развала крестьянской общины, этой «точки опоры социального возрождения России», в известном письме революционерке В. И. Засулич предупреждал ещё Карл Маркс [46, т. 19, с. 241]. Массовой смертностью и пауперизацией крестьянства – вот чем, по прогнозу основоположника научного коммунизма, должно было окончиться превращение общинной собственности в частную.

По официальным статистическим данным, из 3,8 миллионов крестьян, которые поверили в столыпинские «прожекты» и с 1906 по 1914 год переселились на неосвоенные сибирские земли, более миллиона ни с чем вернулись обратно [100]. Предчувствуя будущие социальные потрясения, о них, полностью деморализованных и обнищавших, с нескрываемым ужасом писал один из сибирских чиновников: «...Возвращается элемент такого пошиба, которому в будущей революции, если таковая будет, предстоит сыграть страшную роль... Возвращается не тот, кто всю жизнь был батраком... возвращается недавний хозяин... человек, справедливо объятый кровной обидой за то, что его не сумели устроить, а сумели лишь разорить» [101].

Альтернативный, ленинский вариант решения аграрного вопроса состоял в безвозмездной передаче 70 млн десятин помещичьей земли тем, кто её обрабатывает. 9 июня 1913 года при рассмотрении Думой смет Департамента государственных земельных имуществ депутат Н. Р. Шагов, пользуясь подготовленными В. И. Лениным проектом, констатировал крах столыпинской аграрной политики: «Правительство добилось только нового обострения и ухудшения положения крестьян в России и Сибири... Гигантская волна обратных переселенцев указывает на отчаянные бедствия и разорения крестьян, которые распродали все дома, чтобы уйти в Сибирь, и теперь возвращаются обратно <...>».

Когда голодают, как в прошлом и позапрошлых годах, десятки миллионов крестьян, то этот факт лучше всяких рассуждений указывает (*голоса справа: Не читайте*) на разорительное влияние хуторов, и этот факт указывает ясно, что русская деревня и при этой земельной политике осталась такой же голодной» [99, с. 337, 340].

Через несколько лет из непролазной дикости и уродства буквально вырвала русскую деревню Великая Октябрьская социалистическая революция. Обратное, в чёрную нужду и беспросветную жуть, на исходе двадцатого века затолкала её капиталистическая реставрация.

В докладе заместителя председателя ЦК КПРФ, председателя Комитета Государственной Думы по природным ресурсам, природопользованию и экологии, академика Российской академии наук В. И. Кашина Первому Всероссийскому съезду представителей трудовых коллективов, состоявшемуся по инициативе КПРФ в январе 2010 года, по этому поводу отмечалось: «На селе царят безысходная бедность и безработица. Средняя зарплата в сельском хозяйстве составляет лишь 40 % от среднероссийского уровня. В сегодняшней деревне часто "самым богатым" человеком оказывается пенсионер. Сельская безработица находится на уровне 18–20 %. Показатель бедности на селе в 1,6 раза выше, чем в городе. Даже по официальным данным, в 72 регионах страны наблюдается депопуляция села. Причём смертность на селе очень сильно выросла среди 30–40-летних. Тысячи деревень уже исчезли с лица земли. Более 40 млн гектаров пашни заброшено. Сельское производство задыхается без кадров. Молодёжь уезжает в поисках лучшей доли. Выпускники сельскохозяйственных вузов, агрономы и зоотехники предпочитают осесть в городе. Обнадёживающей перспективы для российской деревни не просматривается. Финансирование села остаётся нищенским, не превышающим 1 % расходной части федерального бюджета вместо 20–25 % в СССР» [102].

При рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации проблем агропромышленного комплекса нагляднее всего проявлялась непримиримость позиций фракции КПРФ и губителей села. Нешуточная борьба, переходящая порой в рукопашные схватки, развернулась в 2001 году вокруг проекта нового Земельного кодекса и законопроекта «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», легализующих массовую скупку земель олигархами, обезземеливание крестьянских хозяйств и превращение сельских тружеников в наёмных батраков.

На страницах газеты «Советская Россия» депутат-коммунист Ю. В. Никифорова подробно рассказал о том, в какой спешке правительство М. Касьянова готовило и как руками парламентского большинства нагло проталкивало эти антинародные законодательные акты. Докладывать о них от Правительства Российской Федерации в Думу явился министр экономического развития и торговли Греф. «Докладчик самоуверенно направился к центральной трибуне. Холодное восковое лицо Г. Грефа не выражало никаких эмоций, чиновник шёл "на автопилоте", – подметил Никифорова. – Но в двух шагах от трибуны вынужден был притормозить, а затем и ретироваться в ложу. Группа депутатов-коммунистов и аграриев подошла и "заблокировала" центральную трибуну, не желая слушать

докладчика, пока не будет выполнено обещание Кремля – дождаться мнения субъектов Федерации. Мужественно и решительно проявили себя женщины-депутаты, заняв место у микрофонов. Г. Зюганов предложил Думе сделать перерыв, лидерам фракций встретиться и обсудить ситуацию...

Однако хорошо подготовленные крикуны из "Единства" и "Яблока"⁴⁰, ЛДПР и ОВР не желали слушать это, напротив отказались от переговоров. Они спешили, предлагали даже не заслушивать доклад и не открывать прений, с ходу проголосовать за грефовский пакет...

Мы скандировали: "Позор! Позор!", а помятый Греф мямлил из прavitельственной ложи ватные слова в стиле М. Горбачёва, говорил обо всём и ни о чём конкретно. Приём, известный в кругу демагогов, политавантюристов и болтунов. А между рядами суетливо метался небезызвестный миллионер В. Брынцалов и провокаторски задирался, размахивая кулаками. Он грубо оттолкнул депутата А. Шульгу, нагло, по-хулигански ударил головой в лицо депутата Г. Тихонова. Похоже, Брынцалову нужна была драка. И он затеял её, втянув несколько человек, чтобы усугубить ситуацию, обвинить в беспорядках коммунистов...

Депутат СПС⁴¹ С. Юшенков, завладев микрофоном, подыскивает "головную статью" не для Брынцалова, а для ... коммунистов, выплёвывает слова вроде "быдла". "Единщик" А. Федулов визгливо призывает "запретить КПРФ, как чуму". А. Митрофанову (ЛДПР) не терпится снять Г. Селезнёва с должности председателя Госдумы, он дважды требует поставить вопрос на голосование. Г. Явлинский, Б. Немцов, В. Похмелькин, С. Митрохин и другие визгливо обвиняют КПРФ в защите "пьяной деревни", "земельной мафии"... Внав в истерику, "демократы" проявили жажду к диктату, к гонениям и преследованиям, а иные не гнушались открыто мстить оппозиции, используя "кувалду" агрессивного буржуазного лобби, послушного в руках пиарщиков кремлёвской администрации» [103].

Мимоходом подчеркнём то обстоятельство, что по заметкам Ю. Никифорова можно судить, насколько ретиво такие «несгибаемые борцы» с авторитарным режимом, как Явлинский, Касьянов, Немцов и Митрохин выполняли тогда команды Кремля.

Снимки членов фракции КПРФ, плотным кольцом окруживших своего лидера, стоящего на думской трибуне, облетели все мировые информационные агентства. Несмотря на антикоммунистическую истерию, депутаты от Компартии добились принятия более пятидесяти поправок в законодательство, запрещающих продажу российской земли иностранцам и ограничивающих площади продаваемых земельных участков определёнными нормативами.

Фракция КПРФ не позволила принять и ряд других, подрывающих отечественное сельское хозяйство, законов. Таковы, например, правительственные законопроекты «Об оценке земли», «О садоводческих, ого-

⁴⁰ «Яблоко» – либеральная политическая партия, имевшая в Государственной Думе первого, второго и третьего созывов парламентскую фракцию. Её основателем и главным идеологом считается Г. Явлинский.

⁴¹ «Союз Правых Сил» – избирательный блок и либеральная политическая партия, существовавшие в России с 1999 по 2008 год. В руководстве СПС входили такие однозные лица, как Е. Гайдар, А. Чубайс, Б. Немцов, И. Хакамада.

роднических и дачных коммерческих объединениях граждан». В частности, последний делал необязательной государственную поддержку этой общественно-полезной деятельности граждан.

Коммунисты в Думе выступали против вступления России во Всемирную торговую организацию. На прошедших в феврале 2012 года парламентских слушаниях по теме «Совершенствование законодательства Российской Федерации в связи с изменением развития экономики России в рамках, предусмотренных договором с ВТО», было прямо заявлено, что присоединение нашей страны к ВТО «будет означать для отечественного сельского хозяйства скорую и неизбежную смерть» [104]. Для окончательного решения вопроса о вступлении в эту международную структуру было рекомендовано провести общенациональный референдум.

Права КПРФ полностью подтвердилась два года спустя, когда рядом государств против России были введены жёсткие экономические санкции. Стране, сегодня почти полностью лишённой продовольственной безопасности, сложно сопротивляться диктату западных «партнёров».

В противовес досужим небылицам исказителей отечественной истории следует особо выделить такую значимую сторону парламентской деятельности большевиков, как **отстаивание прав и демократических свобод** российских подданных. Отсутствие элементарных гражданских свобод оборачивалось массовым бегством из страны её интеллектуальной и деловой элиты. Согласно данным, взятым известным немецким социал-демократом К. Каутским из «Статистического ежегодника Германской империи», с 1901 по 1908 год только в США из России эмигрировали **1,29 млн человек** [105].

Русский политэмигрант Ф. А. Сергеев (легендарный большевик Артём), волею судеб оказавшийся в одном из самых экзотичных уголков планеты – Австралии, писал в газетной заметке: «Мы боролись за демократию в России в 1905–1907 годы, за демократию худшую, чем Австралия имеет уже сейчас; мы хотели чуть ли не вооружённого восстания в ответ на разгон лишь условно-демократической II Думы» [106].

Борьба за подлинную демократию даже для депутатов Государственной думы во все времена была делом рискованным и неблагодарным. Члены Социал-демократической рабочей фракции были безусловными «рекордсменами» по частоте устраиваемых им обструкций. Их лишали слова, исключали из обсуждения вопросов на несколько заседаний вперёд, силой выдворяли из зала. По воспоминаниям А. Бадаева, процедура удаления депутата была такой. Председательствующий объявлял перерыв, во время которого в зал заседаний вводился воинский отряд. Солдаты шеренгой выстраивались вдоль барьера, а их начальник, подойдя к исключённому, требовал немедленно удалиться. Выкрикнув «Подчиняюсь насилию!», депутат-большевик покидал думское заседание.

«Правым» большинством были бесцеремонно отклонены внесённые большевиками запросы о преследовании профсоюзов, о запрещении петербургским градоначальником выборов в страховые общества рабочих, о наказании виновников избиения студентов Московского коммерческого института, о новом разбирательстве дел арестованных депутатов II Государственной думы, о незаконном обыске и разгроме в редакции газеты «Правда».

Разве могли черносотенцы и прочие монархисты молча внимать речам Г. И. Петровского по поводу злоупотреблений при проведении выборов Государственной думы IV созыва? «Эти выборы дают самую наглядную картину той бесшабашной вакханалии, того произвола, различных подвохов, подлогов и т. д., отмены избирательного права отдельных лиц из оппозиции, целых групп населения и целых областей, – укорял беснующийся зал депутат. – Производится самое беззащитное систематическое давление на всех избирателей, в особенности зависящих от правительства, мобилизуется вся армия духовенства под командою обер-прокурора Святейшего синода, пускаются в ход аресты, высылки, запугивание, совершенно устраняются свободные выборные собрания, устройство избирательных собраний. Как правильно сказано и в многочисленных подписанных нами запросах, не существует ни одной статьи в избирательном законе, которая бы не была повсеместно нарушена во всех стадиях выборной кампании во вред демократическим и прогрессивным избирателям» [107, с. 60].

Продолжая традиции своих предшественников, последовательно выступая против любых форм попрания избирательных прав граждан, КППФ отвергает любые изменения в избирательном законодательстве, ограничивающие или извращающие право народа на прямое волеизъявление и представительство.

11 октября 2007 года голосами депутатов парламентских фракций «ЕДИНАЯ РОССИЯ», ЛДПР и «Справедливая Россия» были приняты поправки к Федеральному закону «О референдуме Российской Федерации», которые фактически лишили граждан конституционного права на общероссийский плебисцит.

Поводом для внесения подобных поправок послужило решение Конституционного Суда России по обращению Компартии России, которая в апреле 2005 года пыталась инициировать проведение референдума по ряду социально значимых вопросов жизни страны: установление минимального размера оплаты труда и пенсии не ниже величины прожиточного минимума, ограничение размера оплаты жилых помещений и услуг ЖКХ 10 % совокупного дохода российской семьи, обеспечение права на общедоступное и бесплатное образование, о государственной собственности на земли сельскохозяйственного назначения и другие природные ресурсы, о прогрессивном налоге, об ответственности федеральных и региональных властей за снижение качества и уровня жизни населения, о праве на отзыв депутатов и другим.

Данная инициатива была отклонена Центральной избирательной комиссией и Верховным Судом Российской Федерации, заявившими, что перечень вопросов якобы не соответствует закону о референдуме, поскольку их реализация потребует финансирования из госбюджета, а это, в свою очередь, повлечёт за собой «изменение внутренних финансовых обязательств государства». Однако Конституционный суд страны, несмотря на отрицательную позицию представителей Президента, Совета Федерации и Государственной Думы, удовлетворил жалобу коммунистов, указав, что ЦИК РФ чрезвычайно широко трактует понятие «бюджетных обязательств», так как финансовый запрет не рас-

пространяется на расходы, «находящиеся за пределами срока действия закона о федеральном бюджете».

Такая формулировка позволяла КПРФ вновь начать подготовку к референдуму, но уже после внесения соответствующих изменений в текст Федерального закона «О референдуме Российской Федерации». Потому-то «партия власти» вместе со своими сателлитами в Государственной Думе, полностью исказив суть судебного решения, и поспешила с принятием своего законопроекта. Конституционный принцип народовластия фактически был подменён ими диктатом органов исполнительной власти.

В настоящее время борьба за право народа на референдум продолжается. Г. А. Зюганов не раз подчёркивал, что «КПРФ, как и в своё время РСДРП, делает и будет делать всё для защиты демократических основ и свобод в современном российском обществе... У подлинно демократических свобод в наши дни, как и столетие назад, нет другого последовательного защитника, кроме коммунистов» [108, с. 181].

Роль детонатора будущего территориального распада Империи играл хронически нерешаемый **национальный вопрос**. Руководствуясь известным ещё с античных времён принципом «разделяй и властвуй», самодержавная власть не только не стремилась погасить огненные всполохи межэтнической вражды, но порой с плохо скрываемым цинизмом их раздувала.

В социально-экономическом отношении национальные окраины представляли собой архаичные земледельческие и скотоводческие анклавы, населённые полунищими, поголовно безграмотными людьми. Господа, избравшие профессией распространение клеветы о Советском строе, с большой неохотой вспоминают о том, что почитаемые ими лидеры Февральской революции – предтечи нынешних либерал-демократов – относились к «малым народам» ничуть не лучше царских сановников. Депутат от «Трудовой группы», будущий министр – председатель Временного правительства А. Керенский, выступая на Думе 13 декабря 1916 года, как само собой разумеющееся заявил: «...Туркестан и смежные киргизские области – это не Тульская или Тамбовская губернии. На них можно смотреть, как смотрят англичане или французы на свои колонии» (цит. по: [109]).

По большому счёту, в стране была только одна сила, вооружённая ясным, научно разработанным видением национальной политики. Среди положений большевистской программы выделялись три краеугольных пункта: ликвидация постыдной системы этнической сегрегации; установление действительного равноправия всех, без исключения, народов; признание принципа свободного развития наций, вплоть до их права на государственное самоопределение. Фракция пыталась внести на рассмотрение Думы два подготовленных Лениным законопроекта: «Об отмене всех ограничений прав евреев и всех вообще ограничений, связанных с происхождением или принадлежностью к какой бы то ни было национальности», «Проект закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств». Но оба были отклонены.

Именно с этих позиций 20 мая 1913 года в Думе выступал Г. И. Петровский: «...Я являюсь представителем пролетариата одной из многочисленных угнетённых народностей, которые угнетаются и травятся правительством. В Екатеринославской губернии находится почти 7/10, если не больше,

украинского народа, на официальном языке они называются малороссами. Эта народность терпит бесконечные угнетения со стороны власть имущих; пусть же наряду с правительством и представителями его, наряду с ними прозвучит и голос представителя пролетариата, решающего национальный вопрос братским единением тружеников всех национальностей в борьбе против всяких помещиков и всякой буржуазии, к какой бы нации они не принадлежали, в борьбе против всякого политического порядка, если можно так выразиться, угнетающего всякую народность...

Во всём мире не найти ничего хуже, ничего позорнее того, что проделывают у нас с угнетёнными народностями. Нигде на земном шаре нет такого дикого средневекового учреждения, как черта еврейской оседлости. Миллионы граждан осуждены на несправие, на угнетение, всё государство содержит себя возмутительным надругательством, и вся политика этого государства только этим переполнена...

Но помимо средневековых преследований евреев в варварской и дикой стране нашей преследование родного языка всех наций составляет как бы особую задачу правительства, в том числе преследование языков славянских наций, как украинская и польская... Аресты, обыски, штрафы, полицейские преследования за тайное обучение родному языку – скажите, где это ещё сохранилось? Где это может быть в XX веке? <...>

Украинцу достаточно объявить, что лекция будет на родном языке, то, хотя в этой лекции не будет содержаться ничего политического и преступного, ничего незаконного, эта лекция всё-таки будет запрещена... Например, такое безобидное явление, как музыкальное общество в Полтаве; там полицмейстер запретил рассказывать на родном украинском языке. Директор миргородской гимназии, просматривая программу одного концерта, сказал, что если будет сказано хоть одно слово на дурацком украинском диалекте, то не будет ни одного ученика на этом концерте. В Лебединской мужской гимназии директор тоже запрещает говорить на украинском языке. На одном из уроков, когда один ученик обмолвился на украинском языке в доказательстве какой-то алгебраической теоремы, ему была поставлена двойка... Мы получаем много наказов и просьб о том, чтобы эти факты осветить, настолько дик ваш гнёт, и эти факты являются сюда не потому, что они случайно выражены в той или иной газете, а мы получаем целые наказания от студентов петербургских, московских, харьковских, киевских, от целых народностей» [99, с. 350–352].

Чем же отплатили захватившие два года назад власть в Киеве ревнители тотального господства украинской «мовы» тому, кто бесстрашно возвышал голос в защиту своего народа, его языка и культуры?

По мерзостному закону о так называемой «декоммунизации», проведённому через марионеточную Верховную Раду нацистами, имя Григория Ивановича Петровского одним из первых было стёрто с карты Украины. Памятники Петровскому вызывают у бандеровцев столь же буйные припадки бешенства, как и монументы другому основателю украинской государственности – В. И. Ленину.

Вот что написал очевидец зверства в статье с красноречивым названием «Ленины закончились»: «В Днепропетровске возле центрального вокзала на Привокзальной площади украинские неонацисты снесли па-

мятник революционеру, советскому партийному и государственному деятелю, члену партии с 1897 года Григорию Петровскому, в честь которого город получил название Днепропетровск в 1926 году...

Неонацисты собрались в 18:00 вечера. Сначала провели небольшой шабаш, после чего привезли инструменты и начали отрезать ноги памятнику, а после этого приехал ещё кран. Привязали тросы, и снесли памятник. После этого вандалы поднялись на постамент и спели гимн Украины.

Законы о декоммунизации вступили в силу 21 мая 2015 года. Документами запрещается советская символика, осуждается коммунистическое прошлое, открываются архивы советских спецслужб и признаются борцами за независимость Украины УПА и другие организации. В Киеве в рамках декоммунизации уже переименовали целый перечень улиц, решили снять 79 мемориальных досок и сняли некоторые декоративные элементы с советской символикой со зданий и объектов городской архитектуры...

В очередной раз нет слов, чтоб дать характеристику этому варварству... Так же безжалостно и бездумно уничтожать собственную историю могут разве что новые "побратимы" бандеровцев из ИГИЛ. Только те официально признаны террористами, а эти – типа "нация". Болезные не в курсе, что историю можно переписать, но изменить её невозможно. Равно, как и невозможно отсрочить неминуемый конец всего этого шабаша. Совсем скоро эта вакханалия тоже станет историей. Позорной и постыдной. Но ни в коем случае не преданной забвению. Нам в укор и в назидание потомкам» [110].

Сегодня Гюзман, Ганопольский, Резник, Альбац, Шендерович, Гербер и уже с ними не прочь повторить кровавый украинский эксперимент в России. Однако никак не возьмёт в толк наша незадачливая либеральная интеллигенция, что любая декоммунизация оборачивается, в конечном счёте, только одним – новыми еврейскими погромами. Евреями займутся сразу же, как только закончатся коммунисты. Благо, кандидаты в новоявленные Пуришкевичи в нынешней Государственной Думе уже имеются. Так, «столбовой дворянин» вице-спикер российского парламента Пётр Толстой заявил, что «люди, являющиеся внуками и правнуками тех, кто разрушал наши храмы, выскочив из-за черты оседлости с наганами в 1917 году, сегодня, работая в разных других очень уважаемых местах: на радиостанциях, в законодательных собраниях, – продолжают дело своих дедов» [111]. То есть самое время всех их загнать обратно, за эту черту...

Большевики в Госдуме неоднократно проявили себя как самые последовательные защитники **народного просвещения**. Так, в связи с обсуждением сметы расходов на образование, лично Ленин подготовил для обнародования одним из депутатов проект речи «К вопросу о политике Министерства народного просвещения». Этот текст был взят за основу А. Е. Бадаевым, который, обращаясь с трибуны к царским чиновникам и депутатам, дал уничтожающую критику существующих порядков в образовательной сфере, наглядно показал бесправное и униженное положение земского учителя.

«Россия всегда останется бедной и нищей в отношении расходов на просвещение народа, пока народ настолько не просветится, чтобы свергнуть с себя этот гнёт крепостников и помещиков, Россия бедна, когда речь идёт

об уплате жалованья народным учителям, – заявил 4 июня 1913 года Бадаев. – Народные учителя получают жалкие гроши, народные учителя голодают и мёрзнут почти в нежилых, нетопленных хатах, народные учителя живут вместе со скотом, который крестьяне берут зимою в избы (*шум справа*), народных учителей травит любой урядник, любой деревенский черносотенец или добровольный сыщик-охранник, не говоря уже о придирах самого начальства. Россия бедна, чтобы платить честным работникам народного просвещения, но Россия очень богата расходами, чтобы кидать миллионы, десятки миллионов на помещиков-тунеядцев, на военные авантюры, на подачки сахарозаводчикам, нефтяникам-королям и т. п.» [99, с. 362].

Депутаты фракции КППФ нынешней Госдумы, постоянно обращаясь к идейно-политическому наследию большевизма, считают последовательную защиту отечественной науки и образования приоритетом всей своей деятельности. В течение десяти лет, когда профильный думский комитет возглавлял первый заместитель председателя ЦК КППФ И. И. Мельников, удавалось ежегодно увеличивать финансирование образовательной сферы из федерального бюджета в 1,5 раза. Фракция КППФ добивалась сохранения налоговых льгот для учреждений науки и образования, повышения заработной платы преподавателям и учителям.

Неприемлемыми для коммунистов были и остаются переход к 12-летнему школьному образованию, «реструктуризация» (проще говоря, сокращение и закрытие) сельских школ, введение единого государственного экзамена (ЕГЭ), «реформирование» (по существу, разгром) Российской академии наук.

В мае 2010 года на официальном Интернет-сайте Министерства образования и науки Российской Федерации был опубликован законопроект «Об образовании в Российской Федерации», фактически представлявший собой, по замыслу авторов, проект единого Образовательного кодекса страны. Он стал одной из центральных тем пленарных заседаний Государственной Думы пятого созыва.

Весомая часть организаций, представлявших российское образовательное сообщество, ряд учёных и экспертов признали этот проект не просто неудовлетворительным, а разрушающим советскую, одну из наиболее эффективных в мире образовательную систему. Под эгидой КППФ было создано общественное движение «Образование – для всех», которое под руководством доктора педагогических наук И. И. Мельникова, нобелевского лауреата академика РАН Ж. И. Алфёрова, доктора философских наук О. Н. Смолина разработало альтернативный законопроект.

«Сейчас пытаются идеализировать эпоху, предшествующую 1917 году, – заявил на общественных слушаниях в Государственной Думе на данную тему руководитель фракции КППФ, доктор философских наук Г. А. Зюганов. – Хотел бы напомнить, однако, что способность страны выстоять в критических условиях определяется, прежде всего, её способностью устоять в военных катаклизмах. Перед 1917 годом царская Россия проиграла три войны подряд – Крымскую, Русско-Японскую, Империалистическую. Хочу отметить, что все солдаты-японцы умели хорошо читать. В русской армии восемь из десяти были неграмотными...

Советской стране досталась разрушенная экономика, распавшееся государство и население, абсолютно не подготовленное для эффективной модернизации. И эту задачу наш народ во главе с партией коммунистов решил за две пятилетки. В предвоенные 10 лет было построено 6 тысяч лучших на ту эпоху заводов, созданы великолепные школы, почти 100 педагогических училищ и институтов и полностью преодолена неграмотность... Всё, что связано с "реформами высшей школы и образования", ведёт к деинтеллектуализации и разрушению классической русской советской образовательной школы, без которой никакого выхода из нынешнего кризиса невозможно» [112].

Этот вывод лидера КППФ как нельзя лучше подтверждает безрадостное заключение декана факультета журналистики первого вуза России – Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова – Анастасии Николаевой об уровне подготовки абитуриентов: **«В этом году мы набрали инопланетян».**

«Установочные диктанты для выявления уровня знаний первокурсников мы пишем каждый год, – говорит А. Николаева в интервью. – Обычно с ними не справляются 3–4 человека. Но результаты этого года оказались чудовищными. Из 229 первокурсников на страницу текста сделали 8 и меньше ошибок лишь 18 %. Остальные 82 %, включая 15 столбальников ЕГЭ, сделали в среднем по 24–25 ошибок. Практически в каждом слове по 3–4 ошибки, искажающие его смысл до неузнаваемости. Понять многие слова просто невозможно. Фактически это и не слова, а их условное воспроизведение.

– **То есть?**

– Ну что такое, например, по-вашему, **рыца**? Рыться. Или, скажем, **поциэнт** (пациент), **удатса** (удастся), **врочи** (врачи), **нез наю** (не знаю), **генирал**, **через-чюр**, **оррестоватъ**. Причём все это перлы студентов из сильных 101-й и 102-й групп газетного отделения. Так сказать, элита. А между тем 10 % написанных ими в диктанте слов такими не являются. Это скорее наскальные знаки, чем письмо. Знаете, я 20 лет даю диктанты, но такого никогда не видела. Храню все диктанты как вещдок. По сути дела, в этом году мы набрали инопланетян <...>

– **В чём же причина?**

– В какой-то степени в "олбанском" интернет-языке. Однако главная беда – ЕГЭ. По словам первокурсников, последние три года в школе они не читали книг и не писали диктантов с сочинениями – всё время лишь тренировались вставлять пропущенные буквы и ставить галочки. В итоге они не умеют не только писать, но и читать: просьба прочесть коротенький отрывок из книги ставит их в тупик. Плюс колоссальные лакуны в основополагающих знаниях. Например, полное отсутствие представлений об историческом процессе: говорят, что университет был основан в прошлом, XX веке, но при императрице Екатерине...

ЕГЭ уничтожил наше образование на корню. Это бесспорный обман в национальном масштабе. Суровый, бесчеловечный эксперимент, который провели над нормальными здоровыми детьми, и мы расплатимся за него полной мерой. Ведь люди, которые не могут ни писать, ни говорить, идут на все специальности медиков, физиков-ядерщиков.

И это ещё не самое страшное. Дети не понимают смысла написанного друг другом. А это значит, что мы идём к потере адекватной коммуникации, без которой не может существовать общество. Мы столкнулись с чем-то страшным...» [113].

И всё же использование парламентской трибуны было важным, но не основным делом большевистской фракции. Следуя указаниям Центрального комитета партии, передаваемым через И. В. Сталина и Я. М. Свердлова, депутаты-большевики первостепенное значение придавали многогранной внедумской нелегальной деятельности. «Связь эта была, конечно, строго законспирирована, – делился своим дореволюционным опытом А. Бадаев. – Так, в переписке фамилии никогда не назывались: вместо фамилий ставились условные номера или партийные клички. Я проходил под № 1, Петровский – № 6, Самойлов – № 7, Я. М. Свердлов в переписке назывался Андреем, И. В. Сталин – Василием и т. д.» [64, с. 107]. Однако применение и таких, казалось бы, надёжных мер предосторожности не увенчалось успехом. Вскоре Сталин и Свердлов в очередной раз были арестованы.

Никогда прежде взаимодействие депутатской группы с руководящим партийным органом не было таким крепким и плодотворным, как в период работы IV Думы. После полицейской расправы над легальным Петербургским комитетом РСДРП фракции пришлось фактически взять на себя его функции. Повысился и партийный статус членов фракции. На Краковском совещании в 1913 году состав ЦК партии был пополнен Г. И. Петровским, а в следующем, 1914 году, в члены ЦК кооптировали А. Е. Бадаева.

Ещё одним легальным партийным центром, вплоть до лета 1914 года⁴², оставалась редакция газеты «Правда», за выпуск которой во фракции непосредственно отвечал Бадаев. «Существование "Правды" было полно непрерывной борьбы за каждую строчку, вышедшую из-под печатного станка, – передавал он напряжение тех лет в своих памятных записках. – Аресты, штрафы, конфискации, весь набор полицейско-жандармских скорпионов градом сыпался на "Правду", не давая газете ни отдыха, ни срока» [Там же, с. 314].

За два года большевистский печатный орган вынужден был несколько раз менять своё название: «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду», «Пролетарская правда», «Путь правды», «Трудовая правда». В нынешнюю эпоху «массовых коммуникаций» трудно представить себе значение печатного слова таким, каким было оно в начале XX века при полном отсутствии других источников информации. Сохранение собственной газеты становилось для партии жизненным вопросом. Однако, помимо драконовской политики власти, имелось ещё одно серьёзнейшее препятствие для регулярного выхода издания – постоянный недостаток средств. Проблема, как и сегодня, решалась прямым и честным обращением к читателям с просьбой о посильной финансовой поддержке.

«Мы, разумеется, прекрасно знаем, товарищи, что сделать такое отчисление вам вовсе не так легко, – говорилось в Обращении фракции "Ко всем

⁴² 8 июля 1914 года редакция газеты «Правда» в числе других легальных печатных органов была закрыта правительственным распоряжением. Поводом послужила массовая забастовка петербургских рабочих, организованная в ответ на расстрел митинга трудящихся Путиловского завода.

рабочим и работницам, друзьям рабочей печати", принятом 17 апреля 1914 года. – Мы знаем, как велика нужда рабочего, мы знаем, что каждая копейка в его тощем бюджете имеет большое значение. И тем не менее мы считаем своим долгом сказать всем рабочим и работницам: нужно, необходимо сделать это усиленное отчисление» [99, с. 453].

Пользуясь перерывами в заседаниях и думскими каникулами, большевистские депутаты проводили большую часть времени в поездках по стране. Парламентарии стремились вникнуть в суть местных проблем, оказать сильную помощь партийным комитетам. Один только М. К. Муранов за 1913 и 1914 годы посетил города Выборг, Екатеринослав, Харьков, Краматорск, Пермь, Мотовилиху, Лысьву, Уфу, Екатеринбург, Златоуст, Челябинск, Нижний Тагил, Надеждинск, Невьянск, Тюмень, Самару, Сызрань, Саратов. Само собой разумеется, буквально «по пятам» неугомонного партийца следовала охранка. «Когда я однажды обратился в полицию и указал на безобразное поведение шпииков, то полиция ответила, что "это вполне естественно", – рассказывал Муранов. – В своей наглости шпиики доходили до того, что если жена с детьми куда-нибудь шла в гости, то они, улучив момент, когда дети оставались одни, выспрашивали у них, кто здесь живёт, к кому пришли и т. д.

Квартал, в котором была моя квартира, положительно окружён был тесным кольцом шпииков, и стоило мне выйти из квартиры, как тотчас же поднималась их целая стая. И если при встрече с кем-либо из рабочих стоило только постоять или пройти, как его сейчас же тащили на допрос, а то и прямо в тюрьму» [Там же, с. 443].

Если большевики всегда находились в гуще народных масс, то думские меньшевики предпочитали общаться со «сливками» тогдашнего общества: чиновниками, заводчиками, купцами, профессорами. Соответственно иной была оценка работы депутатов-меньшевиков и в полицейских рапортах. Скажем, после посещения ряда районов Кавказа членами Государственной думы Чхеидзе, Чхенкели и другими местная полиция докладывала «наверх» о том, что в их действиях «ничего антиправительственного она не находит» (см.: [33, с. 213]).

* * *

В августе 1914 года произошло то, что не только предопределило судьбу правящей династии, но и поставило под вопрос само существование Российского государства. Три года спустя просто некому было бы остановить развал страны, не будь Ленина и его партии. Самодержавной властью Россия оказалась втянутой в Первую мировую войну, одну из самых крупных социально-политических катастроф в истории человечества. Соучастие царизма в этом кровавом преступлении, жизненно необходимом только западным банкам и картелям, обошлось тогда народам нашей страны в **1,3 миллиона человеческих жизней**. Кроме того, 3,8 миллиона соотечественников было ранено и истреблено, а около 2,4 миллиона попало в плен. Прикрываясь «фиговым листом» псевдопатриотизма, сегодняшние телепропагандисты типа Л. Млечина предпочитают не распространяться о том, во имя чего велась эта война, за что было заплачено столь чудовищной ценой. Зато со всех экранов они периодически вопят об «акте национального предательства», якобы совершё-

ного в ту пору большевиками во главе с главным «германским шпионом», приехавшим весной 1917 года в запломбированном вагоне. Империалистическая война поставила перед РСДРП(б) непростые задачи. Большинство лидеров социал-демократических партий Европы, переступив через собственноручно проголосованные решения Базельского конгресса⁴³, не устояли пред нагнетаемой властями их государств шовинистической истерией и выступили под лозунгами поддержки своих правительств.

Ленин, напротив, решительно и жёстко выступил против тех, кто под флагом «защиты отечества» и ложно понятых союзнических обязательств перед государствами военно-политического блока «Антанта» толкает рабочих и крестьян России, одетых в солдатские шинели, в пекло империалистической бойни. Чего стоит это пресловутое «согласие» (по-французски «entente») хорошо показали уже события недавней Русско- Японской войны.

Военная конвенция между правительствами Франции и России, ставшая предвестницей «Антанты», была заключена ещё в конце XIX века. Однако в 1905 году Франция, разрешив российской военной эскадре, которая следовала из Балтийского моря через воды трёх океанов на Дальний Восток, делать остановки в её колониальных портах, исправно передавала японскому военному командованию всю информацию о передвижениях русских. И вот теперь Российской империи предстояло миллионами жизней своих подданных оплатить интересы английских и французских промышленно-финансовых воротил.

В противовес призывам к «войне до победного конца» большевики выдвинули ёмкий и нестандартный лозунг «Война войне!», но в обстановке всеобщего милитаристского психоза мало кто был готов прислушаться к их аргументации. Даже недавние либеральные критики монархии – кадеты – в одночасье сделались отъявленными «ястребами». Их предводитель Милюков неоднократно заявлял в Думе, что целью правительства должно быть не просто «наказание» Австро-Венгрии и Германии, объявивших войну России, но и новые территориальные захваты: «Вступление Турции в число наших врагов дало возможность поставить на очередь окончательное разрешение вековых задач нашей ближневосточной политики. Целью её в настоящее время должно быть сделано приобретение Босфора и Дарданелл в полное обладание России вместе с Константинополем и достаточной частью прилегающих берегов, чтобы обеспечить защиту проливов» (цит. по: [113]).

Масштабы шовинистического угара, охватившего публику, весьма наглядно показал А. Бадаев, встретивший начало войны в столице Империи: «По улицам Петербурга с утра до вечера шествовали манифестации. С портретами царя и трёхцветными флагами дворники, полицейские и охранники вместе с обывателями всех рангов и мастей расхаживали по городу, пели "Боже, царя храни" и во всё горло кричали "ура". Под охраной правительства,

⁴³ IX (Чрезвычайный) конгресс второго Интернационала состоялся 24–25 ноября 1912 года в городе Базеле (Швейцария). Эта авторитетная международная организация объединяла к тому моменту 27 социал-демократических партий, общая численность которых приближалась к 4 млн человек. В числе лидеров Интернационала были А. Бебель, К. Каутский, Г. Плеханов. В манифесте Базельского конгресса, принятом единогласно, декларировалось, что в случае начала империалистической войны за передел мира рабочие разных стран не будут стрелять друг в друга из-за выгод капиталистов. Война обернётся против самих правительств, её развязавших.

обнаглевшие до последней степени, они сбивали шапки с прохожих, врвались в трамваи и дома и избивали всякого, кто не выражал в достаточной мере патриотических чувств. Каждая такая манифестация, организованная и опекаемая полицией, в любую минуту могла превратиться в толпу истинно русских погромщиков. Это и было на самом деле. В Петербурге "патриоты" разгромили германское посольство, а в Москве погром принял ещё более широкие размеры, захватив целый ряд немецких торговых и промышленных предприятий. Погромы сменялись коленопреклонением перед царским дворцом. Даже мелкобуржуазное студенчество, гордившееся своими "левыми" традициями, стояло на коленях перед Зимним дворцом, восторженно крича "ура" "обожаемому" монарху» [64, с. 340]. Пройдёт совсем немного времени, и те же люди будут с не меньшим воодушевлением приветствовать свержение «ненавистного самодержавия»...

Когда 26 июля 1914 года на заседании Думы утверждались ассигнования на будущую войну, антивоенную декларацию Социал-демократической рабочей фракции поддержали лишь часть меньшевиков и членов «Трудовой группы».

Началась хорошо организованная кампания травли. Со всех сторон на головы «предателей Отечества» посыпались проклятия и угрозы. Одним из методов запугивания было избрано разбрасывание по адресам депутатов-большевиков «помётных» писем. Текст одной из таких грязных анонимок, адресованной А. Е. Бадаеву, приведён в книге его воспоминаний: «"Слушай, изменник, довольно ты смущал народ русский, подлый ты революционер. Твоей участью будет участь Герценштейна и Иоллоса", – писали мне всякие охранники и черносотенцы. Герценштейн и Иоллос – оба депутаты предыдущих Дум – по наущению полиции были убиты из-за угла членами "Союза русского народа". В одном из писем помимо словесных угроз был и рисунок – скелет, который наглядно должен был изобразить мою участь» [Там же, с. 344].

Незадолго до этих событий с передовой линии думской борьбы сбежал Р. Малиновский. 8 мая 1914 года он неожиданно подал председателю Госдумы М. Родзянко заявление об уходе из Думы. «Наша фракция немедленно собралась и постановила вызвать Малиновского для объяснений, – упоминает эту неприглядную историю Ф. Н. Самойлов в своих ранних записках. – Однако посланному к нему тов. Петровскому Малиновский ответил решительным отказом подчиниться требованию фракции. Тогда вторично посланному тов. Петровскому было поручено взять у него все имевшиеся материалы. На этот раз Петровский застал Малиновского в нетрезвом виде. Он плакал, рвал на себе рубашку, всячески нервничал, но идти во фракцию снова отказался, а все имевшиеся у него материалы с их точной описью оказались уже пересланными на квартиру Петровского» [114].

Факт стремительного бегства провокатора за границу позволяет сделать вывод, что именно тогда на «самом верху» было принято окончательное решение о дальнейшей участи большевистской фракции. Охранка более не нуждалась в «услугах» Малиновского, во всяком случае в прежнем его качестве.

Поводом для ареста рабочих депутатов стало их участие в созванном в начале ноября 1914 года в Озерках под Петербургом Всероссийском партийном совещании, на котором обсуждалась организация дальнейшей анти-

военной пропаганды. Ещё один секретный осведомитель охраны А. Романов, носивший агентурную кличку «Пелагея», загодя проинформировал «хозяев» о месте и времени проведения нелегального собрания, а также о возможном участии в нём всей Социал-демократической рабочей фракции.

«На каждого из депутатов набросились по несколько охранников, схвативших нас за руки, и, несмотря на наше отчаянное сопротивление, они приступили к насильственному обыску, – сообщает подробности полицейской акции А. Е. Бадаев. – Первым обыскали Самойлова, затем Шагова и меня. Последними были обысканы Петровский и Муранов.

Обыск производился с чрезвычайной тщательностью, отбирали всё, что находилось в карманах, вплоть до часов. У каждого из нас были с собой отдельные экземпляры литературы, проекты резолюций, тезисов, блокноты с записями, конспекты и т. п. Всё это забиралось полицией как доказательство нашей революционной деятельности» [64, с. 374–375]. Видимо, преследуя цель проследить дальнейшие действия и контакты депутатов, жандармские начальники решили не торопиться и ненадолго их отпустить. Каждый из депутатов-большевиков будет арестован у себя дома только на следующий день.

Арест и тюремное заключение пяти членов Государственной думы большинством коллег-депутатов восприняло довольно равнодушно, а «крайне правые» – с нескрываемым злорадством. Даже запрос правительству об аресте целой фракции внесён не был, поскольку так и не набрал необходимого количества подписей.

Совсем иначе на эту новость откликнулись в пролетарской среде. 11 ноября 1914 года подпольным Петербургским комитетом РСДРП была выпущена и распространена прокламация, в которой говорилось: «Товарищи! В ночь на 6 ноября подлое царское правительство, правительство, обогрившее себя кровью борцов за лучшее будущее демократии, правительство-палач, задушившее на каторге представителей пролетариата во 2-й Думе и тысячи его лучших сынов, правительство, веками сосущее кровь народную, бросило в тёмный, сырой каземат депутатов российской социал-демократической рабочей фракции...

Избранникам пролетариата царские бандиты сказали: "Ваше место в тюрьме". В тюрьму посажен весь рабочий класс; шайка грабителей и эксплуататоров (так в тексте. – *И.М.*), шайка погромщиков и разбойников осмелелась осудить, как преступника, 30-миллионный рабочий класс.

Рабочему классу брошен смертельный вызов. Но и железные тиски военного положения не удержат рабочий класс от гневного крика протеста. Клич "долгой палачей и насильников" громко вырвется из груди многомиллионного пролетариата России, грудью вставшего на защиту своих депутатов» (цит. по: [115]).

Подобные листовки были выпущены в Москве и Киеве, Варшаве и Риге, Екатеринославе и Харькове, Владимире и Рязани, Сызрани и Костроме. В ответ на призывы загнанных в глубокое подполье большевистских ячеек по всей стране прогремели рабочие забастовки. Из материалов прессы тех лет, например, следует, что 12 ноября более тысячи рабочих петербургского завода «Парвайнен» («Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов») в утреннюю смену не вышли на работу. Волнения на заводе «Новый Лесснер» пришлось подавлять силой. Протестные

выступления шахтёров Донбасса привели к значительному снижению угледобычи (см.: [116]).

10 февраля 1915 года началось постыдное судилище. В переполненном зале Петербургского окружного суда бесстрашной пятёрке было предъявлено обвинение «в принадлежности к революционному сообществу» по статье 102 Уголовного уложения «О бунте против верховной власти». Интересно, что одним из защитников на процессе выступал будущий глава Временного правительства «трудовик» А. Керенский. Однако этот «защитник», жонглируя фактами, пытался представить дело так, что фракция, якобы сама того не желая, вынуждена была действовать под диктовку партийного начальства.

Прыть, с которой судебная палата и сословные представители рассмотрели «злодеяния» подсудимых и вынесли обвинительный вердикт, лишённый раз свидетельствует о том, что действие было срежиссировано загодя. Уже 13 февраля председатель суда огласил позорный для самодержавия и почётный для его узников приговор: лишение всех гражданских прав, конфискация имущества «на издержки судебного производства», пожизненное поселение в Сибири.

Гражданский подвиг бесстрашной «пятёрки» вдохновил лидера партии большевиков на написание программной статьи «Что показал суд над РСДР фракцией?». «В России нашлась одна партия, депутаты которой блистали не красноречием, не "вхожестью" в буржуазные, интеллигентские салоны, не деловой ловкостью "европейского" адвоката и парламентария, а связями с рабочими массами, самоотверженной работой в этих массах, выполнением скромных, невидных, тяжёлых, неблагодарных, особенно опасных функций нелегального пропагандиста и организатора, – с гордостью писал В. И. Ленин. – Подняться выше – к званию влиятельного в "обществе" депутата или министра – таков *на деле* был смысл "европейского" (читай: лакейского) "социалистического" парламентаризма. Спуститься ниже – помочь просветить и объединить эксплуатируемых и угнетённых – вот какой лозунг выдвинут образцами Муранова и Петровского» [10, т. 26, с. 172–173].

Преследование народных избранников за их взгляды и политическую деятельность, к сожалению, не ушло вместе с монархией в историю. Высокий общественный статус и в наши дни не только не гарантирует личную безопасность, но зачастую является своеобразной «чёрной меткой» для расправы.

В ноябре 1994 года в подъезде своего дома был забит до смерти видный российский юрист, член фракции КПРФ в Государственной Думе первого созыва В. С. Мартельянов. В следующем, 1995 году, при сходных обстоятельствах едва не лишился жизни депутат-коммунист, нынешний заместитель руководителя фракции КПРФ в Госдуме С. Н. Решульский.

За нелестные высказывания в адрес власти предержащих неоднократно подвергался суду лидер Коммунистической партии Российской Федерации и руководитель её парламентской фракции Г. А. Зюганов. Внушительные денежные выплаты в пользу якобы оклеветанных им высокопоставленных чиновников суд обязывал внести и члена Президиума ЦК КПРФ, первого секретаря Московского горкома партии В. Ф. Рашкина.

Настоящая травля депутата Государственной Думы, первого секретаря Кемеровского обкома КПРФ Н. А. Останиной в 2010 году была

организована властями Кузбасса. Против Останиной и членов её семьи по «липовому» обвинению в причастности к банкротству угольного разреза «Черемшанский» было возбуждено уголовное дело. Сотрудники местной Госавтоинспекции устроили аварию с наездом на автомобиль депутата, направлявшегося на встречу с горняками шахты «Распадская». А 4 сентября 2010 года, когда Останина шла на встречу с партийным активом Новокузнецка, на неё напали четверо мужчин. Распоясавшиеся молодчики получили жёсткий отпор от помощников парламентария, но со стороны правоохранительных органов никаких мер по данному факту принято не было.

Нерасследованным осталось и бандитское нападение на депутата Госдумы от КПРФ О. Н. Смолина, совершённое с особым цинизмом осенью 2009 года (пострадавший много лет является вице-президентом «Всероссийского общества слепых»). Когда депутат, практически лишённый возможности передвигаться без посторонней помощи, находился в машине один, неизвестными было разбито стекло и под «аккомпанемент» нецензурной брани и угроз украден портфель с документами. Криминальная атака произошла во время избирательной кампании в Московскую городскую Думу.

Но верхом бесстыдства стало преследование спецслужбами и лишение парламентским большинством депутатской неприкосновенности членов фракции КПРФ в Госдуме шестого созыва В. И. Бессонова и К. В. Ширшова. Не вызывает сомнений, что в будущем эти явно сфабрикованные уголовные дела будут пересмотрены, а деяниям их «заказчиков» будет дана соответствующая правовая оценка.

5 июля 1915 года, после семимесячного тюремного заключения в село Монастырское прибыли члены большевистской фракции IV Государственной думы, осуждённые на вечную ссылку, А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов. Вскоре после их приезда состоялось собрание большевиков, на котором, помимо экс-депутатов, присутствовали И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян, В. Л. Швейцер и другие ссыльные партийцы. Заклеймив позором арест и суд над фракцией, собрание приняло резолюцию, которая была переправлена за границу находившемуся в многолетней эмиграции В. И. Ленину, а также разослана по партийным ячейкам России. Текст резолюции был написан будущим главой первого советского органа законодательной и распорядительной власти Свердловым.

«Собрание глубоко убеждено, – говорилось в резолюции, – что при таком положении вещей даже простой факт привлечения к суду и осуждения социал-демократических депутатов за их деятельность в связи с войной, рассеивая, с одной стороны, иллюзию об (так в оригинале. – И.М.) "единой России" и "национально-освободительном" характере войны, а с другой стороны, противодействуя идейному развороту, вносимому в рабочую среду всеми буржуазными партиями, должен был послужить и, несомненно, послужил могучим толчком в деле отрезвления широких слоёв русского населения от шовинистического угара и сплочения вокруг революционного пролетариата всех живых сил страны» (цит. по: [117]).

Никто из участников собрания тогда ещё не мог знать о том, что «вечная» ссылка, начавшаяся летом 1915 года в Российской империи, закончится через два года, весной 1917 года, в стране с другим названием, с иным политическим строем. Брезжила заря новой исторической эпохи.

Уроки «красного парламентаризма» и современность

Существует давно внедрённое в общественное сознание заблуждение, что само слово «парламентаризм» в лексиконе В. И. Ленина и большевистской партии было однозначно бранным. Довольно странно было услышать из уст бывшего Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Б. Грызлова, объявившего, как известно, парламент неподходящим для дискуссий местом, такие, например, сентенции: «...Ещё каких-то 20 лет назад само понятие "парламентаризм" употреблялось в сугубо негативном смысле, как чуждое советской демократии. Такое враждебное отношение вполне понятно, так как парламентаризм не допускает монополии на власть со стороны правителя, государственного органа или политической партии. Более того, парламентаризм возможен только в условиях разделения властей, что совершенно неприемлемо для всякого рода радикалов и экстремистов, которые стремятся к диктатуре и отменяют парламентские методы политической борьбы. Вот почему в советской истории деятельность Государственной думы 1906–1917 годов освещалась с так называемых классовых позиций, а сама роль первого российского парламента всячески принижалась» (цит. по: [118]).

Особенно потрудились над раздуванием подобных мифов долгое время прикидывавшиеся «верными ленинцами» Г. Попов, А. Ципко и А. Яковлев – тот самый, которого Г. А. Зюганов метко окрестил «архитектором у развалин».

Более века назад В. И. Ленин в работе «Социализм и война» следующим образом определил коренное различие между двумя типами парламентской деятельности: «Парламентаризм признают Зюдекум с Гейне, Самба с Вальяном, Биссолати с Муссолини, Чхеидзе с Плехановым. И парламентаризм признают наши товарищи из Р. С.-Д. Р. фракции, признают болгарские, итальянские товарищи, порвавшие с шовинистами. *Парламентаризм парламентаризму рознь* (курсив мой. – И.М.). Одни используют парламентскую арену, чтобы подслужиться к своим правительствам, или, в лучшем случае, умыть руки, как фракция Чхеидзе. Другие используют парламентаризм, чтобы оставаться революционерами до конца, чтобы исполнить свой долг социалистов и интернационалистов и при самых трудных обстоятельствах» [10, т. 26, с. 335].

Из процитированного отрывка и многих других первоисточников следует, что большевики парламентаризм вполне признавали. Однако вместо того, чтобы рассуждать об отношении тех или иных общественных сил дореволюционной России к этому политико-правовому институту, необходимо, на наш взгляд, поставить вопрос в иной плоскости: а был ли вообще возможен в начале XX века парламентаризм на российской почве? Неспроста же царский премьер-министр В. Коковцев заявил однажды в Думе: «У нас, слава Богу, нет парламента» [119].

В этой связи довольно забавно выглядят сентенции некоторых современных, достаточно именитых историков и правоведов. Особенно впечатляет «глубокомысленный» вывод, сделанный недавно председателем Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькиным в статье к 110-летию Государственной Думы.

«Почему же страна не сумела использовать шанс на мирную трансформацию? Почему люди, олицетворявшие собой идеи народной свободы и государственной силы, не смогли найти общий язык друг с другом, сделав таким образом катастрофу неминуемой? Почему это произошло? Почему не удалось тогда прийти хотя бы к консенсусу на уровне элит, столь необходимому для поиска, достижения, можно сказать, построения (потому что это большая кропотливая работа на длительную перспективу) реального общественного согласия?», – спрашивает читателя «Российской газеты», да и себя самого видный государственный деятель и маститый учёный, доктор юридических наук.

Ответ достоин того, чтобы, как выражается другой высокопоставленный юрист, Председатель Правительства Российской Федерации Д. Медведев, быть «отлитым в граните»: «Главная причина, по моему убеждению, была в том, что в тогдашней России вообще НЕ БЫЛО НИ УСТОЙЧИВОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ, НИ МАССОВОГО ДОВЕРИЯ К ПРАВУ И ЗАКОНУ. Его не было ни во власти, ни в образованном слое, ни в широких народных массах» [120].

Сей «нетривиальный» вывод был бы аналогичен тому умозаключению, что в эпоху Пунических войн Карфаген проиграл Риму, скорее всего, по причине отсутствия в армии Ганнибала тяжёлых танков, реактивных самолётов и атомных подводных лодок. Любопытно узнать, откуда «в широких народных массах» взялось бы «устойчивое правосознание» всего-то через полвека после официальной отмены торговли людьми наравне с лошадьми и собаками?

В постсоветской России, пережившей реставрацию капитализма и многих средневековых дикостей, становление парламентской демократии происходило в кризисной, крайне неблагоприятной, общественно-политической обстановке. Именно это обстоятельство имел в виду первый заместитель председателя ЦК КПРФ и первый вице-спикер Государственной Думы И. И. Мельников, когда в докладе IV (апрельскому) совместному Пленуму ЦК и ЦКРК КПРФ 2014 года говорил: «...Исполнилось двадцать лет кровавой расправе над Верховным Советом РСФСР и двадцать лет современному Федеральному Собранию. Столько же лет нашему решению о том, что участвовать в выборах и бороться в парламентах – нужно. Мы принимали его, опираясь на ленинское идейное наследие, и теперь хорошо понимаем, что решение было правильным. Оно позволило нашей партии сохраниться, укрепиться и развиваться. Остаться готовой к тому, чтобы взять власть в свои руки» [121].

Даже сегодняшние оппоненты коммунистов признают тот факт, что во многом благодаря Компартии России состоялся современный российский парламентаризм. Именно КПРФ в «лихие девяностые» не дала ельцинскому окружению вернуть Россию во времена царя-самодура, ввести в постоянную практику применение президентского «указного права». Действовавшую в 1995–1999 годах Государственную Думу второго созыва, в которой фрак-

ция КПРФ (без учёта союзников) насчитывала 139 человек, никому и в голову не приходило назвать «взбесившимся принтером», беспрестанно штампуящим правительственные законопроекты.

Что же касается нынешних думских реалий, то здесь лучше без излишних комментариев снова процитировать С. М. Кирова: «...Депутатское хамелеонство объясняется тем, что огромное большинство наших депутатов в силу многих условий имеет весьма отдалённое отношение к населению. Депутаты часто совершенно не связаны с пославшими их, и поэтому на всякое своё поведение они смотрят с точки зрения "как прикажете"» [90, с. 101]. Потому-то и предстаёт сейчас такой животрепещущей, бьющей прямо в цель большевистская публицистика начала прошлого столетия.

Обобщение исторического опыта большевизма, ленинская методология ведения политической борьбы позволяют сформулировать пять основных принципов парламентской деятельности, верность которым КПРФ сохраняет и поныне:

1. Деятельность фракции в Думе – неотъемлемая часть общепартийной работы, целиком подчинённая задачам внепарламентской борьбы.

2. Работа в парламенте – не самоцель, а средство партийного строительства. Фракция является структурным подразделением партии, неукоснительно выполняющим решения и контролируемым центральными партийными органами.

3. Парламентская фракция подотчётна не только партии, её сформировавшей, но и своему избирателю. Решая конкретные проблемы граждан, члены фракции стремятся расширить социальную базу партии, добиваясь реализации главной программной установки – завоевания власти и обеспечения подлинного народовластия в стране.

4. Фракция не даёт втянуть себя в режим перманентной парламентской «говорильни», предлагая и отстаивая только те законодательные инициативы, которые соответствуют классовым интересам живущих своим трудом людей.

5. Фракция, как и партия в целом, беспощадно борется с любыми проявлениями в своих рядах «парламентского кретинизма», избавляется от тех, кто использует статус депутата в корыстных целях, от тех, кто, руководствуясь собственной выгодой, вступает в закулисные сделки с политическими противниками.

Преимущество по отношению именно к ленинскому, большевистскому крылу РСДРП подчёркивается во всех основополагающих документах КПРФ не случайно. Безусловно признавая тот весомый вклад, который внёс в развитие русской социалистической мысли, к примеру, Г. В. Плеханов, современная Компартия России, как в прежние годы – КПСС, не считает меньшевистское течение в российской социал-демократии своим идейным предтечей. «Столетний опыт РСДРП – КПРФ позволяет партии успешно противостоять попыткам режима столкнуть партию в болото меньшевизма и реформизма, – указывал Г. А. Зюганов. – Как и большевики, сложившиеся в могучее политическое явление в острой идейной борьбе на II съезде РСДРП, мы боремся и будем бороться против групповщины и кружковщины, против оппортунистических уклонов в нашей партии. Ведь наследники меньшевизма и сегодня – при самом заботливом попечительстве режима –

пытаются столкнуть партию в поток реформизма, в болото пустопорожних дискуссий, в трясину личных амбиций отдельных представителей оппозиции и играющего им на руку "болота"» [108, с. 182].

Но жизнь, как известно, не стоит на месте. Гениальный диалектик Ленин никогда не жаловал идейную заскорузлость и узколобые догматизм. Не пройдёт и пяти лет как он, охвистанный и облаянный со всех сторон за призывы к поражению собственного правительства в несправедливой, империалистической войне, превратится в активного «оборонца» и выдвинет иной лозунг: «Социалистическое Отечество в опасности!». Двадцатый век, век революций и войн кардинально изменил мир. Многие изменил он и в мировоззрении коммунистов.

Коммунистическая партия имеет сегодня в своём историческом багаже не только богатый опыт низвержения отжившего, но и невиданную нигде в мире практику созидания, обеспечившую прорыв отсталой и распадающейся страны от сохи к атомному реактору и орбитальной пилотируемой станции. Советский Союз, руководимый компартией, после Второй мировой войны выстроил настолько надёжную систему международной безопасности, что все попытки мощнейших деструктивных сил снова взорвать мир пока не дают результата. Учитывая всё это, КПРФ на мировой арене последовательно защищает национальные интересы Российской Федерации – правопреемницы СССР, одновременно всеми силами укрепляя интернациональную солидарность коммунистических и рабочих партий планеты. И эти усилия приносят свои плоды. Только «левые» в парламентах своих стран сегодня поддерживают Россию, зажатую «в тиски» западных санкций.

Вооружённая научно обоснованной Антикризисной программой, обладающая поддержкой миллионов избирателей, фракция КПРФ в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации на протяжении многих лет делает всё возможное для сохранения российской государственности, обеспечения территориальной целостности и безопасности страны, укрепления мира и дружбы между населяющими её народами. На деловой, ответственный стиль работы настраивает фракцию её лидер, председатель ЦК КПРФ Г. А. Зюганов. Большое внимание парламентской деятельности уделяют и его заместители И. И. Мельников, В. И. Кашин, Ю. В. Афонин и Д. Г. Новиков.

Наиболее самоотверженно и смело сражаются сегодня на «парламентских баррикадах» депутаты-члены фракции КПРФ Ж. И. Алфёров и Н. В. Арефьев, В. В. Бортко и Н. Н. Иванов, Л. И. Калашников и Н. В. Колмейцев, А. В. Корниенко и А. А. Кравец, А. А. Пономарёв и В. Ф. Рашкин, С. Е. Савицкая и Ю. П. Синельщиков, О. Н. Смолин и К. К. Тайсаев, Н. М. Харитонов и В. С. Шурчанов. Их вклад в новейшую отечественную историю ещё только предстоит оценить.

А пока можно с уверенностью сказать одно. Как и столетие назад, на фоне инертного думского большинства, не имеющего внятной идеологии и программы, среди мелкотравчатых «однодневок» и «живопопорок», имитирующих участие в политике, высятся Коммунистическая партия России – партия с великим прошлым, партия, устремлённая в будущее.

П. Б. Аксельрод

Г. В. Плеханов

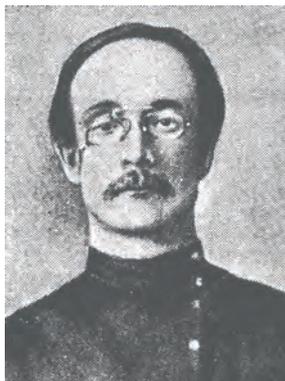
Ю. О. Мартов

Е. Д. Стасова

М. Н. Лядов

П. Н. Каравев

И. Г. Церетели

Г. А. Алексинский

Л. Д. Троцкий

М. С. Ольминский

В. В. Воровский

Н. Г. Полегаев

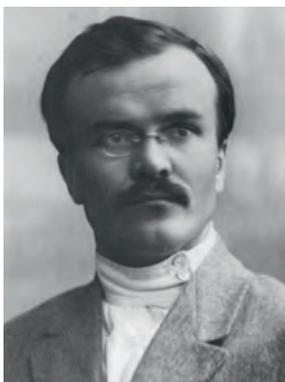
И. П. Покровский

И. А. Пятницкий

Н. А. Семашко

В. М. Молотов

В. И. Ленин

И. В. Сталин

Р. В. Малиновский

Гучков. Карикатура

Пуришкевич. Карикатура

Родзянко. Карикатура

Шульгин. Карикатура

Краткий указатель имён, упомянутых в тексте

Азеф Евно Фишелевич (1869–1918) – один из руководителей партии социалистов-революционеров («эсеров»), впоследствии разоблачённый как секретный сотрудник департамента полиции.

Аксельрод Павел Борисович (1850–1928) – один из создателей группы «Освобождение труда» – первой марксистской организации в России. Член РСДРП, один из ведущих теоретиков меньшевизма. После Великой Октябрьской социалистической революции – политэмигрант.

Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967) – русский социал-демократ, в 1905–1908 годах – большевик. Член ЦК РСДРП, делегат IV съезда партии. Депутат Государственной думы II созыва, избранный по рабочей курии от Санкт-Петербурга. После Октябрьской революции – в эмиграции.

Алфёров Жорес Иванович (род. 1930) – крупнейший учёный современности, лауреат Нобелевской премии в области физики. Академик РАН. Активный сторонник КПРФ. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго – седьмого созывов.

Альбац Евгения Марковна (род. 1958) – российский журналист и общественный деятель либерального направления. Выступает за территориальный распад Российской Федерации. Член Общественного совета Российского еврейского конгресса.

Анисимов Василий Анисимович (Афанасьев Василий Онисимович) (1878–1938) – член РСДРП, меньшевик. Депутат Государственной думы Российской империи II созыва от Саратовской губернии. После победы Октябрьской революции принимал участие в Гражданской войне на стороне врагов Советской власти, был членом Учредительного собрания так называемой «Дальневосточной республики». Затем на советской хозяйственной работе занимал должность заместителя начальника экономического управления Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ РСФСР).

Аносов Пётр Афанасьевич (1886–1943) – член РСДРП, большевик-подпольщик. За свою политическую деятельность отбывал длительный срок заключения в Бутырской тюрьме и на Нерчинской каторге. После Октябрьской революции – на военной, партийной и хозяйственной работе на Дальнем Востоке и в Забайкалье.

Антонов Иван Иванович (1880-?) – слесарь, депутат Государственной думы I созыва от Пермской губернии. Входил в Социал-демократическую фракцию.

Арефьев Николай Васильевич (род. 1949) – член Президиума, Секретарь ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго, третьего, пятого, шестого и седьмого созывов.

Арманд Инесса Фёдоровна (Элизабет Пешо д'Эрбенвилль) (1874–1920) – деятельница российского и международного революционного движения. Член РСДРП с 1904 года, большевичка. Активная участница Великой Октябрьской социалистической революции. После победы Советской власти – видный организатор рабоче-крестьянского женского движения.

Афонин Юрий Вячеславович (род. 1977) – современный российский политический деятель, заместитель председателя ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого, шестого и седьмого созывов.

Бадаев Алексей Егорович (1883–1951) – видный большевик, советский партийный и государственный деятель. По профессии – слесарь. Депутат Государственной думы Российской империи IV созыва, избранный по рабочей курии от Петербургской губернии. Член ЦК РСДРП(б). После победы Октябрьской революции – Народный комиссар пищевой промышленности РСФСР, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР.

Балабанов Михаил Соломонович (1873–1934) – член РСДРП, меньшевик. Историк и публицист.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) – русский поэт-символист, переводчик, литературный критик.

Батурин (Замятин) Николай Николаевич (1877–1927) – революционер-большевик, член Петербургского комитета РСДРП. Журналист, сотрудник большевистских газет «Правда» и «Звезда», историк партии.

Бауман Николай Эрнестович (1873–1905) – российский революционер-большевик, один из создателей РСДРП. Вместе с В. И. Лениным был членом петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», делегатом II съезда РСДРП. Убит черносотенцами.

Бебель Август (1840–1913) – деятель международного рабочего движения, один из лидеров Социал-демократической партии Германии, видный теоретик марксизма.

Белостоцкий Иван Степанович (1882–1968) – российский революционер, старый большевик. Член ЦК РСДРП(б). После Октябрьской революции – на хозяйственной работе.

Бессонов Владимир Иванович (род. 1966) – член ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва.

Бисмарк Отто (1815–1898) – крупнейший государственный и политический деятель Германии, первый канцлер Германской Империи.

Биссолати Леонида (1857–1920) – бывший член Итальянской социалистической партии, исключённый из неё за пропаганду шовинизма.

Бобринский Владимир Алексеевич (1867–1927) – граф, яркий представитель черносотенного крыла Государственной думы II, III и IV созывов. Будучи масоном, состоял в «Военной ложе» Петрограда, был членом масонского «Межпарламентского союза». После победы Октябрьской революции – активный участник Гражданской войны на стороне «белых». Умер в эмиграции.

Бобровская (Зеликсон) Цецилия Самойловна (1876–1960) – большевичка, член РСДРП с момента основания партии. После Октябрьской революции занималась партийной и научной деятельностью. Работала в Комиссии по истории революции и РКП(б) (Истпарте), Коммунистическом Интернационале.

Богданов (Малиновский) Александр Александрович (1873–1928) – революционер-большевик, был членом ЦК РСДРП. Экономист и философ, писатель и публицист.

Бортко Владимир Владимирович (род. 1946) – российский кинорежиссёр и общественный деятель. Народный артист России, народный артист Украины, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого и седьмого созывов. Член ЦК КПРФ.

Брынцалов Владимир Алексеевич (род. 1946) – российский политик и бизнесмен. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго и третьего созывов. Входил в состав фракций «Наш дом – Россия» и «Народный депутат».

Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938) – российский революционер, старый большевик. В октябрьские дни 1917 года – член Политбюро ЦК РСДРП(б) и Военно-революционного партийного центра по руководству вооружённым восстанием. После Октябрьской революции – видный советский политический деятель. Был Секретарём ЦК РКП(б), Народным Комиссаром просвещения РСФСР. Незаконно репрессирован. Реабилитирован в 1956 году.

Булугин Александр Григорьевич (1851–1919) – государственный деятель Российской империи, министр внутренних дел, был губернатором Московской и Калужской губерний.

Буренин Николай Евгеньевич (1874–1962) – российский и советский революционный, общественный деятель. Член РСДРП с 1904 года, больше-

вик, специалист по нелегальным операциям. Профессиональный музыкант. После победы Октябрьской революции – дипломат, театральный деятель.

Бурьянов Андрей Фаддеевич (1880–?) – политический деятель Российской империи. Член РСДРП, меньшевик. Депутат Государственной думы IV созыва от Таврической губернии. Входил в Социал-демократическую фракцию (меньшевиков).

Быков (Зильбертруд) Дмитрий Львович (род. 1967) – российский писатель и журналист, литературный критик. Активный участник современного оппозиционного движения либерального политического направления.

Вагжанов Александр Петрович (1877–1919) – член РСДРП с момента её основания, революционер-большевик, рабочий ткацкой фабрики. Депутат Государственной Думы II созыва, избранный от рабочей курии по Тверской губернии. После Октябрьской революции – один из организаторов Советской власти на Дальнем Востоке, участник Гражданской войны. Расстрелян белогвардейцами.

Вальян (Вайян) Мари-Эдуар (1840–1915) – французский политический деятель, социалист, член Парижской коммуны. Несмотря на то что во II Интернационале стоял на левом фланге, в годы Первой мировой войны выступил в поддержку милитаристской политики своего правительства.

Варский (Варшавский) Адольф-Георг Саулович (1868–1937) – польский социал-демократ, делегат II и IV съездов РСДРП. После обретения независимости Польским государством в 1917 году – один из организаторов Коммунистической партии Польши, деятель Коммунистического Интернационала. Состоял в оппозиции к политическому курсу И. В. Сталина. Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

Ведерников Алексей Степанович (1880–1919) – революционер-большевик, участник борьбы за установление Советской власти в Москве. Делегат V съезда РСДРП. Подвергался царским правительством тюремному заключению и ссылке.

Веретенников Константин Александрович – промышленник Российской империи, владелец чугунолитейного механического завода в Воронеже. Вёл бизнес совместно с А. Н. Ивановым.

Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) – профессиональный юрист и политический деятель Российской империи, член I Государственной думы, избранный от кадетской партии.

Виноградов Александр Константинович (1876–1938) – российский социал-демократ, по профессии врач. Личный дворянин. Член Государственной думы II созыва от Акмолинской области. После Октябрьской революции работал по специальности.

Владимирский Михаил Фёдорович (1874–1951) – российский революционер, видный большевик, член РСДРП с 1898 года. По специальности врач. После победы Октябрьской революции – крупный советский государственный и партийный деятель: был исполняющим обязанности Председателя Центрального исполнительного комитета РСФСР, председателем Центральной ревизионной комиссии ВКП(б), зампредом Госплана СССР.

Вигте Сергей Юльевич (1849–1915) – крупный государственный деятель Российской империи, граф. Занимал посты министра путей сообщения, министра финансов, председателя Совета министров.

Войлошников Авив Андрианович (1877–1930) – участник российского революционного движения, член РСДРП с 1908 года. По профессии фельдшер. Депутат Государственной думы III созыва, избранный по рабочей курии от Забайкальской области.

Воровский Вацлав Вацлавович (1871–1923) – член РСДРП, большевик, публицист и литературный критик. После Великой Октябрьской социалистической революции – один из первых советских дипломатов.

Воронин Семён Александрович (1880–1915) – участник российского революционного движения, член РСДРП, большевик-подпольщик. Рабочий бумаготкацкой фабрики. Депутат Государственной думы III созыва, избранный по рабочей курии от Владимирской губернии.

Воронский Александр Константинович (1884–1937) – российский революционер, член РСДРП с 1904 года, большевик. После победы Октябрьской революции – на журналистской работе. Принадлежал к «левой оппозиции» курсу ЦК ВКП(б). Репрессирован. Реабилитирован в 1957 году.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – революционер-большевик, советский государственный и партийный деятель, прославленный полководец Гражданской и Великой Отечественной войн, один из первых маршалов Советского Союза. Был членом Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦК КПСС, Народным комиссаром обороны, Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Востротин Степан Васильевич (1864–1943) – политический деятель Российской империи, кадет. Депутат Государственной думы III и IV созывов от Енисейской губернии. После победы Октябрьской революции принимал участие в Гражданской войне на стороне «белых». Умер в эмиграции.

Выровой Захарий Иванович (1879–1926) – участник рабочего движения царской России, примыкал к социал-демократам. По профессии столяр. Депутат Государственной думы I созыва от Киевской губернии. Впоследствии разоблачён как секретный осведомитель полиции.

Гайдар Егор Тимурович (1956–2009) – российский политик либерального направления. Был министром финансов, первым заместителем Председателя Правительства России. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого, третьего созывов. Входил в парламентские фракции избирательных блоков «Выбор России» и «Союз правых сил». Прямой виновник массового обнищания российских граждан в 1990-е годы.

Гальске Иоганн (1814–1890) – немецкий инженер и изобретатель. Бизнес-партнёр промышленника В. Сименса.

Ганапольский Матвей Юрьевич (род. 1953) – российский и украинский журналист, общественный деятель. По политическим взглядам – крайний либерал и антикоммунист. Член президиума Российского еврейского конгресса.

Гандурин (Лукичёв) Константин Дмитриевич (1884–1953) – деятель российского революционного рабочего движения. Член РСДРП, большевик-подпольщик. Подвергался арестам и ссылкам. После победы Октябрьской революции – на советской работе в сфере образования и культуры.

Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) – священнослужитель Русской православной церкви, лидер «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». Разоблачён как провокатор, внедрённый в революционное движение Департаментом полиции.

Гегечкори Евгений Петрович (1879–1954) – член РСДРП, видный меньшевик. Был избран в Государственную думу III созыва от Кутаисской губернии. После победы Октябрьской революции – в эмиграции.

Гед Жюль (1845–1922) – французский политик, один из основателей Социалистической партии и II Интернационала.

Гейне Вольфганг (1861–1944) – немецкий политический деятель, правый социал-демократ, по профессии адвокат. Будучи депутатом Рейхстага, голосовал в годы Первой мировой войны за военные кредиты.

Гербер Алла Ефремовна (род. 1932) – политический и общественный деятель либерального направления, член президиума Российского еврейского конгресса. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва от блока «радикальных» демократов «Выбор России» Е. Гайдара.

Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906) – политический и научный деятель Российской Империи. Профессор экономики. Член Государственной думы I созыва, избранный по спискам кадетской партии от города Москвы. Убит черносотенцами.

Гозман Леонид Яковлевич (род. 1950) – российский политический деятель либерального направления. В начале 1990-х годов жил и работал в США. В период работы А. Чубайса в Администрации Президента и Правительстве Российской Федерации был его советником. Состоял в нескольких партиях либерально-демократического толка. Член общественного совета Российского еврейского конгресса.

Голованов Иван Фёдорович (1876–1934) – российский социал-демократ, по профессии агроном. Депутат Государственной думы II созыва от Тургайской области. После победы Октябрьской революции – на финансово-хозяйственной работе.

Головин Фёдор Александрович (1867–1937) – государственный деятель Российской империи, один из основателей кадетской партии. Был постоянным участником земских съездов, председателем Московской губернской земской управы. Председатель Государственной Думы II созыва, член Госдумы III созыва. После Октябрьской революции служил в ряде советских учреждений.

Голощёкин Филипп Исаевич (1876–1941) – деятель российского революционного движения. Член РСДРП, большевик. После победы Октябрьской революции – на партийной и советской работе. Был Главным государственным арбитром при Совете Народных Комиссаров СССР. Репрессирован. Реабилитирован в 1961 году.

Гольденберг (Мешковский) Иосиф Петрович (1873–1922) – участник революционного движения в России, член РСДРП, большевик. Партийный журналист.

Гомартели Иван Гедеванович (1876–1938) – грузинский социал-демократ, меньшевик, по профессии врач, депутат Государственной думы I созыва от Кутаисской губернии. После Великой Октябрьской социалистической революции занимался врачебной практикой и публицистикой в Тбилиси.

Горбачёв Михаил Сергеевич (род. 1931) – первый и последний Президент СССР. Начинал как советский политик и государственный деятель: возглавлял Ставропольский крайком КПСС, входил в Политбюро и Секретариат ЦК КПСС. Был Генеральным секретарём ЦК КПСС, Председателем Верховного Совета СССР. Затем, став политическим ренегатом, сыграл одну из главных ролей в разрушении Советского Союза и мировой социалистической системы.

Горячева Светлана Петровна (род. 1947) – российский государственный и политический деятель. Была заместителем Председателя Верховного Совета РСФСР, заместителем Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго созыва. Депутат Государственной Думы второго – четвёртого созывов. В настоящее время член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Гразкин Дмитрий Иванович (1891–1972) – профессиональный революционер, большевик. Член РСДРП с 1909 года. После Октябрьской революции – на партийной и хозяйственной работе.

Гредескул Николай Андреевич (1865–1941) – видный юрист и политический деятель Российской империи, депутат Государственной думы I созыва от Харьковской губернии. После победы Октябрьской революции – на педагогической и общественной работе в Советском Союзе.

Греф Герман Оскович (род. 1964) – российский политик и бизнесмен. Был министром экономического развития и торговли Российской Федерации. В настоящее время председатель правления Сбербанка России.

Грызлов Борис Вячеславович (род. 1950) – российский государственный и политический деятель. Был министром внутренних дел Российской Федерации, Председателем Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации четвёртого и пятого созывов. Председатель Высшего совета политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ».

Губарев Иван Андреевич (1876 –?) – член РСДРП, рабочий-крахмальщик на бумагопрядильной фабрике. Депутат Государственной думы II созыва от Московской губернии, поддерживал политическую линию большевиков.

Губенко Николай Николаевич (род. 1941) – выдающийся русский актёр и режиссёр, общественно-политический деятель Советского Союза и Российской Федерации. Народный артист РСФСР, художественный руководитель, директор театра «Содружество актёров Таганки». Был министром культуры СССР, депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго и третьего созывов. В настоящее время заместитель председателя Московской городской Думы. Член ЦК КПРФ.

Гучков Александр Иванович (1862–1936) – российский политический деятель, лидер партии «октябристов». Председатель Государственной думы III созыва, член Государственного совета Российской империи. После свержения самодержавия военный и морской министр Временного правительства России. Активный участник Гражданской войны на стороне «белых». С 1921 года в эмиграции.

Дан (Гурвич) Фёдор Ильич (1871–1947) – член РСДРП, один из ведущих теоретиков меньшевизма. После Великой Октябрьской социалистической революции политэмигрант.

Дерипаска Олег Владимирович (род. 1968) – российский предприниматель, долларовый миллиардер. Владел компанией «Русский алюминий». В настоящее время его основными активами являются компания «Базовый элемент» и агрохолдинг «Кубань».

Джапаридзе Сергей Давидович (1870–?) – член РСДРП, меньшевик. Присяжный поверенный, депутат I Государственной думы от Кутаисской губернии.

Джефферсон Томас (1743–1826) – один из основателей и третий президент Соединённых Штатов Америки.

Диденко Борис Дмитриевич (1876–?) – участник рабочего забастовочного движения царской России, депутат Государственной думы I созыва от Харьковской губернии. Входил в Социал-демократическую фракцию.

Долгополов Нифонт Иванович (1857–1922) – социал-демократ, участник Первой русской революции 1905–1907 годов. По профессии земский врач. Депутат Государственной думы II созыва от Нижегородской губернии. После победы Октябрьской революции 1917 года – активный организатор советской системы здравоохранения.

Дубровинский Иосиф Фёдорович (1877–1913) – видный российский революционер-подпольщик, талантливый пропагандист марксизма. Член РСДРП, большевик. Погиб в ссылке.

Егоров Иван Васильевич (1887–1971) – советский государственный деятель, один из организаторов системы народного просвещения. В период до 1917 года обучался в Петербургском университете, участвовал в Первой мировой войне. Принимал участие в Первой русской революции (1905–1907), симпатизировал большевизму. После победы Октябрьской революции – правительственный комиссар всех высших учебных заведений, Академии наук РСФСР, затем – на научно-педагогической работе.

Егоров Николай Максимович (1871–1926) – член РСДРП с 1904 года, большевик. Рабочий оборонного завода. Депутат Государственной думы III созыва по рабочей курии от Пермской губернии. После победы Октябрьской революции – на хозяйственной работе.

Елизарова-Ульянова Анна Ильинична (1864–1935) – участница российского революционного движения, член РСДРП с 1898 года, большевичка. Старшая сестра В. И. Ленина. После победы Октябрьской революции – на советской и научной работе.

Ельцин Борис Николаевич (1931–2007) – Президент Российской Федерации в 1991–1999 годах. Начинал как советский политик и государственный деятель: входил в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, возглавлял Свердловский обком и Московский горком партии, Госстрой СССР. Затем, став политическим ренегатом, сыграл одну из главных ролей в разрушении Советского Союза и десятилетней деградации России.

Ерманский Осип Аркадьевич (Коган Иосиф Шмилиевич) (1867–1941) – член РСДРП, меньшевик. После Великой Октябрьской социалисти-

ческой революции – советский учёный, автор ряда книг по теории управления, родоначальник «научной организации труда» (НОТ).

Ершов Пётр Андреевич (1878–1939) – рабочий-чертёжник порохового завода в Казани, депутат Государственной думы I созыва от Казанской губернии. Входил в Социал-демократическую фракцию.

Жиделёв Николай Андреевич (1880–1950) – участник российского революционного движения, депутат Государственной думы II созыва от рабочих Владимирской губернии. После Октябрьской революции – советский партийный и государственный деятель.

Жириновский Владимир Вольфович (род. 1946) – российский политик, Заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего – пятого созывов, председатель ЛДПР и руководитель её парламентской фракции.

Жордания Ной Николаевич (1869–1953) – член РСДРП, меньшевик, депутат Государственной думы I созыва от Тифлиской губернии. После Великой Октябрьской социалистической революции – грузинский националист, Председатель Правительства так называемой «Грузинской Демократической Республики», затем – политэмигрант.

Жорес Жан (1859–1914) – деятель международного рабочего движения, лидер Объединённой социалистической партии Франции, основатель газеты французских коммунистов «Юманите».

Залуцкий Пётр Антонович (1887–1937) – российский революционер, член РСДРП с 1907 года, большевик. Активный организатор Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде. После победы Советской власти – на партийной и хозяйственной работе: был членом Оргбюро ЦК РКП(б), секретарём ряда комитетов партии. Принадлежал к «объединённой оппозиции» (блок Троцкого, Зиновьева и Каменева) курсу ЦК ВКП(б). Репрессирован.

Засулич Вера Ивановна (1849–1919) – деятельница российского и международного социалистического движения. Участница первой в России марксистской группы «Освобождение труда». Сторонница революционного террора против царских чиновников. Член РСДРП с момента её основания, меньшевичка. Входила в редакцию газеты «Искра».

Захаров Михаил Васильевич (1881 –?) – член РСДРП, большевик. Рабочий ткацкой фабрики. Депутат Государственной думы Российской империи III созыва от Московской губернии.

Зевин Яков Давидович (1888–1918) – российский революционер, член РСДРП с 1904 года, большевик. После победы Октябрьской революции –

организатор Советской власти в Закавказье, комиссар труда Бакинского Совета народных комиссаров. Казнён в числе 26 бакинских комиссаров.

Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936) – революционер-большевик, член ЦК РСДРП(б). После Великой Октябрьской социалистической революции – видный советский партийный и государственный деятель, входил в Политбюро ЦК ВКП(б), возглавлял Коммунистический Интернационал. Состоял в оппозиции к политическому курсу партии. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован в 1988 году.

Зорькин Валерий Дмитриевич (род. 1943) – государственный деятель современной России, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук.

Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917) – государственный деятель Российской империи, чиновник Охранного отделения департамента полиции. От его фамилии произошёл термин «зубатовщина» – сочетание традиционных методов политического сыска с созданием подконтрольных охране псевдооппозиционных организаций.

Зубов Андрей Борисович (род. 1952) – российский историк, политолог и общественный деятель либерального направления. Известен своими крайними антисоветскими взглядами.

Зурабов Аршак Герасимович (Рашид-Бек) (1873–1919) – политический деятель и журналист Российской империи, член РСДРП (меньшевик). Член Государственной думы II созыва, в числе других социал-демократических депутатов был сослан на каторгу.

Зюганов Геннадий Андреевич (род. 1944) – крупный государственный и политический деятель Российской Федерации, Председатель Центрального комитета КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации первого – седьмого созывов.

Зюдекум Альберт (1871–1944) – немецкий правый социал-демократ и депутат Рейхстага, голосовавший в годы Первой мировой войны за военные кредиты.

Иванов Николай Николаевич (род. 1957) – современный российский политик, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего, шестого, седьмого созывов, председатель Центральной контрольно-ревизионной комиссии КПРФ, первый секретарь Курского обкома КПРФ.

Иоллос Григорий Борисович (1859–1907) – журналист, политический деятель Российской империи. Член Государственной думы I созыва, избран-

ный по спискам кадетской партии от Полтавской губернии. Убит черносотенцами.

Ишерский Владимир Иванович (1872–1937) – российский врач-гигиенист, беспартийный, депутат социал-демократической фракции I Государственной думы, избранный от Акмолинской области. После Великой Октябрьской социалистической революции участвовал в Гражданской войне на стороне «белых».

Калашников Леонид Иванович (род. 1960) – член Президиума, Секретарь ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого, шестого и седьмого созывов.

Калинин Алексей Васильевич (1882–?) – российский социал-демократ, большевик. Работал на ткацкой фабрике. Депутат Государственной думы II созыва от Костромской губернии.

Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – российский революционер, видный большевик. После победы Октябрьской революции – крупный советский государственный и партийный деятель: был членом Политбюро ЦК ВКП(б), Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Каменев Лев Борисович (1883–1936) – видный большевик, партийный теоретик. Впоследствии советский государственный деятель, дипломат. Член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя Совета народных комиссаров РСФСР, Народный комиссар внешней и внутренней торговли СССР. Состоял в оппозиции к политическому курсу И. В. Сталина. Незаконно репрессирован. Реабилитирован в 1988 году.

Камышанский Пётр Константинович (1862–1918) – государственный деятель Российской империи, камергер. Был Вятским губернатором, прокурором судебной палаты.

Караваев Пётр Николаевич (1884–1952) – большевик, член РСДРП с 1904 года. После Октябрьской революции – на партийной работе. Был заместителем заведующего Центральным партийным архивом Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС.

Карфункель Раиса Аркадьевна – секретарь Петербургского комитета РСДРП от меньшевиков. После Великой Октябрьской социалистической революции была членом КПСС.

Карякин Юрий Фёдорович (1930–2011) – российский писатель и публицист, общественный деятель антикоммунистического направления.

Касьянов Михаил Михайлович (род. 1957) – российский политик. Был министром финансов, Председателем Правительства Российской Федера-

ции. В настоящее время активный участник оппозиционного движения либерального направления.

Каутский Карл (1854–1938) – видный деятель международного социалистического движения, немецкий философ и экономист. Идеальный противник В. И. Ленина и большевизма.

Кашин Владимир Иванович (род. 1948) – заместитель председателя ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвёртого – седьмого созывов, действительный член Российской академии наук.

Керенский Александр Фёдорович (1881–1970) – политический деятель царской России, адвокат. Член Государственной думы IV созыва, входил во фракцию «трудовиков». Состоял в масонской ложе «Великого Востока народов России». После буржуазно-демократической революции в феврале 1917 года – член Временного комитета Государственной думы, а затем министр юстиции, военный и морской министр и, наконец, министр-председатель Всероссийского Временного правительства. С 1918 года – в эмиграции.

Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886–1934) – видный российский революционер, член РСДРП с 1904 года, большевик. Выдающийся оратор и пропагандист. После победы Октябрьской революции – крупный партийный и государственный деятель: был членом Политбюро ЦК ВКП(б) и ВЦИК СССР, возглавлял ЦК Компартии Азербайджана, Ленинградский обком и горком партии.

Киселёв Ефим Александрович (1886–1968) – большевик, член РСДРП с 1904 года. Активный участник Первой русской революции 1905–1907 годов, член первого состава Моссовета. После Октябрьской революции 1917 года был на руководящей партийной, хозяйственной и профсоюзной работе.

Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943) – государственный деятель Российской империи. Был министром финансов, председателем Совета Министров. После победы Октябрьской революции – в эмиграции.

Коломейцев Николай Васильевич (род. 1956) – член Президиума, Секретарь ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого, третьего, пятого, шестого, седьмого созывов.

Коржаков Александр Васильевич (род. 1950) – бывший сотрудник КГБ СССР, бывший начальник личной охраны Президента России Б. Ельцина. Генерал-лейтенант запаса.

Корниенко Алексей Викторович (род. 1976) – Секретарь ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого, шестого, седьмого созывов.

Косоротов Василий Емельянович (1871–1957) – участник революционного движения в Российской империи. Член РСДРП, большевик. По профессии столяр. Депутат Государственной думы III созыва от Уфимской губернии. После победы Октябрьской революции – на советской и хозяйственной работе.

Кравец Александр Алексеевич (род. 1950) – член ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго, третьего, четвёртого, шестого и седьмого созывов. Избирался Секретарём ЦК КПРФ. В настоящее время – Первый секретарь Омского обкома КПРФ.

Красин Леонид Борисович (1870–1926) – революционер-большевик, член ЦК РСДРП. После Великой Октябрьской социалистической революции – видный советский партийный и государственный деятель, возглавлял ряд Народных комиссариатов.

Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) – революционер-большевик, член РСДРП с 1904 года. После Октябрьской революции – крупный советский государственный деятель. Был Верховным главнокомандующим Российской армии, Прокурором РСФСР, Председателем Верховного Суда и Народным комиссаром юстиции СССР. Репрессирован. Реабилитирован в 1956 году.

Куликов Анатолий Сергеевич (род. 1946) – государственный деятель Российской Федерации, военачальник, генерал армии. В 1995–1998 годах – министр внутренних дел Российской Федерации.

Купцов Валентин Александрович (род. 1937) – советский партийный и государственный деятель, современный российский политик. Был Секретарём ЦК КПСС, первым секретарём ЦК КП РСФСР, депутатом Верховного Совета СССР. Избирался депутатом Государственной Думы второго – пятого созывов, заместителем Председателя Государственной Думы. С 1993 по 2004 год – Первый заместитель Председателя ЦК КПРФ.

Латынина Юлия Леонидовна (род. 1966) – российская писательница и журналистка либерального направления.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – великий мыслитель и революционер XX века, основатель Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, вожь мирового коммунистического движения.

Леонтович Виктор Владимирович (1902–1959) – немецкий юрист, историк и публицист русского происхождения.

Лесснер Густав Арнольдович – российский промышленник XIX в. немецкого происхождения.

Лужков Юрий Михайлович (род. 1936) – российский политик и высокопоставленный чиновник. Был мэром Москвы, членом Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, состоял в политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ».

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – российский революционер, видный большевик. После победы Октябрьской революции – крупный советский государственный деятель, первый нарком просвещения РСФСР, академик АН СССР. Писатель, литературный критик и публицист.

Лунин Михаил Сергеевич (1787–1845) – политический мыслитель и российский революционер. Член «Северного тайного общества». В неудавшемся «восстании декабристов» 14 декабря 1825 года на Сенатской площади непосредственного участия не принимал, но наряду с другими лидерами «декабристов» был осуждён к каторжным работам. Умер в ссылке.

Лютер Иван Генрихович (1883–1938) – российский революционер, один из основателей Латышской социал-демократической рабочей партии.

Лядов Мартын Николаевич (1872–1947) – большевик, член РСДРП с момента основания партии. После Октябрьской революции – на партийной работе. Был ректором Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова, избирался делегатом ряда съездов ВКП(б), депутатом Центрального исполнительного комитета СССР. Партийный историк.

Макаров Александр Александрович (1857–1919) – государственный деятель Российской империи. Занимал посты Государственного секретаря, члена Государственного совета, министра внутренних дел и юстиции.

Малиновский Роман Вацлавович (1876–1918) – политический деятель царской России, депутат Государственной думы IV созыва, избранный по рабочей курии от Московской губернии. Был членом ЦК РСДРП(б). Разоблачён как секретный сотрудник Охранного отделения департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи.

Маньков Иван Николаевич (1881–1918) – политический деятель Российской империи, депутат Государственной думы IV созыва от Иркутской губернии. Входил в Социал-демократическую фракцию (меньшевиков).

Марев Иван Петрович (1877–?) – участник русского рабочего забастовочного движения, активный сторонник РСДРП. По профессии кузнец. Депутат Государственной думы II созыва от Московской губернии.

Маркелов Леонид Игоревич (род. 1963) – современный российский политик и высокопоставленный чиновник, бывший глава Республики Марий Эл. В советские годы состоял в КПСС, в 1995 году избирался в Государственную Думу второго созыва от ЛДПР, с 2007 года – член «ЕДИНОЙ РОССИИ».

СИИ». В 2017 году был задержан правоохранительными органами по подозрению в получении взятки в особо крупном размере.

Марков Николай Евгеньевич («Марков Второй») (1866–1945) – политический деятель Российской империи, придерживался крайне «правых» консервативных взглядов, монархист и «черносотенец». Лидер «Союза русского народа». Депутат Государственной думы III и IV созывов от Курской губернии. После победы Октябрьской революции – активный участник Гражданской войны на стороне «белых», эмигрировал. Во время Второй мировой войны сотрудничал с нацистами.

Маркс Карл (1818–1883) – гениальный мыслитель и революционер XIX века, основоположник теории научного социализма, основатель «Союза коммунистов» и Первого Интернационала.

Мартемьянов Валентин Семёнович (1932–1994) – депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва, член фракции КПРФ. Доктор юридических наук.

Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович (1873–1923) – один из создателей, наравне с В. И. Лениным, петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» – прообраза русской пролетарской партии. Впоследствии видный меньшевик, историк российского рабочего движения.

Маргынов (Пикер) Александр Соломонович (1865–1935) – до Великой Октябрьской социалистической революции меньшевик, один из видных публицистов РСДРП. После победы Советской власти был принят в партию большевиков.

Маслоков Юрий Дмитриевич (1937 – 2010) – крупный государственный и политический деятель Советского Союза и России. Был членом Политбюро ЦК КПСС, Первым заместителем Председателя Совмина и Председателем Государственного планового комитета Советского Союза, депутатом Верховного Совета СССР. В 1998–1999 годы – Министр промышленности и торговли, Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации. Депутат Государственной Думы Российской Федерации третьего, четвёртого и пятого созывов от КПРФ. Входил в ЦК КПРФ.

Машкевич Дмитрий Фёдорович (1871–?) – священник Русской Православной Церкви, одна из самых одиозных фигур Государственной думы III созыва, в которую был избран от Херсонской губернии. Член Главного совета черносотенного «Союза русского народа», Союза Михаила Архангела и Русского собрания.

Медведев Дмитрий Анатольевич (род. 1965) – государственный и политический деятель Российской Федерации. Избирался Президентом

России, был Главой администрации Президента, первым заместителем Председателя Правительства Российской Федерации. В настоящее время – Председатель Правительства Российской Федерации, председатель политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ».

Медведев Дмитрий Яковлевич (1866–1908) – участник рабочего забастовочного движения. По профессии слесарь. Депутат Государственной думы Российской империи I созыва от Воронежской губернии. Входил в «Трудовую группу», затем в Социал-демократическую фракцию.

Мельников Иван Иванович (род. 1950) – первый заместитель председателя ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго – седьмого созывов, первый заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Доктор педагогических наук.

Мельниченко Андрей Игоревич (род. 1972) – российский предприниматель, долларовый миллиардер. Основной владелец компании «Еврохим», «Сибирской угольной энергетической компании», «Сибирской генерирующей компании».

Меринг Франц (1846–1919) – немецкий социал-демократ, историк и философ. Один из первых биографов Карла Маркса.

Микоян Анастас Иванович (1895–1978) – революционер-большевик, видный советский государственный и партийный деятель. Был членом Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦК КПСС, Народным комиссаром пищевой промышленности, министром внешней и внутренней торговли, Первым зампредом Совета министров СССР, Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Миль Джон Стюарт (1806–1873) – английский политик, философ и экономист.

Милоков Павел Николаевич (1859–1943) – политический деятель Российской империи. Лидер Конституционно-демократической партии (партии кадетов). Депутат Государственной думы III и IV созывов. Министр иностранных дел Временного правительства в 1917 году. После победы Октябрьской революции – участник Гражданской войны на стороне «белых». С 1918 года – в эмиграции.

Митрофанов Алексей Валентинович (род. 1962) – российский политик. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого – четвёртого, шестого созывов. Состоял во фракциях ЛДПР и «Справедливая Россия». После возбуждения уголовного дела по подозрению в мошенничестве эмигрировал из России.

Митрохин Сергей Сергеевич (род. 1963) – российский политик. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого – третьего созывов. Входил во фракцию «Яблоко».

Михайличенко Митрофан Иванович (1871–?) – член РСДРП, рудничный слесарь. Депутат Государственной думы I созыва от Екатеринославской губернии. Вначале входил в «Трудовую группу», затем – в Социал-демократическую фракцию.

Михайлов Иван Константинович (1881–1950) – российский революционер-большевик, член РСДРП. Потомственный рабочий, организатор стачечного движения. Неоднократно подвергался тюремному заключению и ссылкам. После Великой Октябрьской социалистической революции – на советской и хозяйственной работе. Избирался членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б).

Михайлов-Политикус (Елинсон) Лев Михайлович (1872–1928) – российский революционер, член РСДРП с момента её основания. Активный участник Великой Октябрьской социалистической революции. После победы Советской власти – на партийной и дипломатической работе.

Михалков Никита Сергеевич (род. 1945) – известный советский и российский кинорежиссёр, Народный артист России, общественный деятель консервативного направления. Сторонник реставрации монархии.

Млечин Леонид Михайлович (род. 1957) – российский журналист и историк либерального направления. Член Общественного совета Российского еврейского конгресса.

Моисеенко Пётр Анисимович (1852–1923) – один из старейших русских пролетарских революционеров. По профессии рабочий-текстильщик. Организатор рабочего движения в России, на Украине и в Азербайджане. Неоднократно подвергался тюремному заключению и ссылкам.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – крупный политический деятель XX века. Старый большевик, член РСДРП с 1906 года. После победы Октябрьской революции – один из руководителей Советского государства и Коммунистической партии. Был Председателем Совета народных комиссаров СССР, членом Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦК КПСС, Первым зампредом Совмина СССР, министром иностранных дел Союза ССР.

Муранов Матвей Константинович (1873–1959) – видный деятель революционного движения Российской империи. Член РСДРП, большевик. Депутат Государственной думы IV созыва, избранный по рабочей курии от Харьковской губернии. После победы Октябрьской революции – на партийной и советской работе: был членом Центрального исполнительного

комитета РСФСР, членом ЦК РКП(б), членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б), членом Верховного Суда СССР.

Муссолини Бенито (1883–1945) – итальянский политический деятель, один из основоположников идеологии фашизма. В годы Первой мировой войны был исключён из Итальянской социалистической партии за пропаганду шовинизма.

Мэдисон Джеймс (1751–1836) – американский государственный деятель, четвёртый президент США.

Мясников (Мясникян) Александр Фёдорович (1886–1925) – революционер-большевик, советский партийный и государственный деятель, один из руководителей установления Советской власти в Белоруссии. Автор ряда работ по теории марксизма-ленинизма, истории революционного движения и армянской литературы.

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – видный юрист и политический деятель Российской империи, один из основателей Конституционно-демократической партии. После 1919 года – в эмиграции. Отец всемирно известного писателя В. В. Набокова.

Нагих Иван Николаевич (1879–1948) – участник рабочего забастовочного движения царской России, по профессии слесарь. Член РСДРП с 1903 г., большевик. Депутат Государственной думы II созыва от Екатеринбургской губернии. После победы Октябрьской революции работал в системе народного образования. Был членом Всесоюзного общества бывших политкаторжан.

Неверов Сергей Иванович (род. 1961) – российский политик, заместитель председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва, один из руководителей «ЕДИНОЙ РОССИИ».

Немцов Борис Ефимович (1959–2015) – российский политик либерального толка. Был депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого – третьего созывов, губернатором Нижегородской области, министром топлива и энергетики Российской Федерации, первым заместителем Председателя Правительства России.

Никифороенко Юрий Васильевич (1941–2004) – российский политик и журналист. Входил во фракцию КПРФ в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации второго и третьего созывов.

Николаева Анастасия Владимировна (род. 1967) – российский учёный и журналист, кандидат филологических наук, декан факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Новиков Дмитрий Георгиевич (род. 1969) – заместитель председателя ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого, шестого и седьмого созывов.

Ольминский Михаил Степанович (1863–1933) – революционер-«народовец», затем член РСДРП, большевик. Журналист, сотрудник большевистских газет «Правда» и «Звезда». Историк и литературовед.

Онуфриев Евгений Петрович (1884–1967) – российский революционер, член РСДРП с 1904 года, большевик. Активный участник Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде. После победы Советской власти – на партийной и хозяйственной работе.

Орджоникидзе Григорий (Серго) Константинович (1886–1937) – российский революционер, видный большевик. Член ЦК РСДРП(б), один из организаторов пролетарской революции. После победы Октябрьской революции – крупный советский государственный и партийный деятель: был членом Политбюро ЦК и Председателем Центральной контрольной комиссии ВКП(б), Председателем ВСНХ, Народным Комиссаром рабоче-крестьянской инспекции и тяжёлой промышленности СССР.

Останина Нина Александровна (род. 1955) – член ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго – пятого созывов, руководитель аппарата фракции КПРФ в Государственной Думе.

Пантин Игорь Константинович (род. 1930) – историк политической мысли, доктор философских наук, главный редактор журнала «Политические исследования».

Парвиайнен Йоханн Генрихович – российский промышленник XIX – начала XX вв. финского происхождения.

Петражицкий Лев Иосифович (1867–1931) – российский политический деятель и выдающийся учёный-правовед польского происхождения. Член I Государственной думы от партии кадетов. Основатель психологической теории права.

Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821–1866) – русский мыслитель и общественный деятель, основатель тайного революционного кружка «петрашевцев». Был приговорён к смертной казни, заменённой «милостью царя» каторжными работами. Умер в ссылке.

Петров Егор Алексеевич (1862–1919) – член РСДРП, большевик. Служил письмоводителем. Депутат Государственной думы II созыва от Пермской губернии. После победы Октябрьской революции – один из организаторов Советской власти в Забайкалье.

Петров Иван Андрианович (1873–1930) – член РСДРП, большевик, рабочий порохового завода. Депутат Государственной думы II созыва от Санкт-Петербургской губернии.

Петровский Григорий Иванович (1878–1958) – российский революционер, видный большевик. Член ЦК РСДРП(б). Депутат Государственной думы Российской империи IV созыва от Екатеринославской губернии. После победы Октябрьской революции – крупный советский партийный и государственный деятель: был кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), Председателем Совета народных комиссаров и Центрального исполнительного комитета Украинской ССР, Председателем ЦИК СССР от УССР.

Пивоваров Юрий Сергеевич (род. 1950) – российский политолог и историк, доктор политических наук, академик Российской академии наук. Известен своими крайними антисоветскими взглядами.

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – выдающийся русский мыслитель, основоположник отечественного марксизма. Один из создателей первой рабочей газеты «Искра». Входил в ЦК РСДРП, меньшевик.

Плимак Евгений Григорьевич (1925–2011) – советский и российский учёный, специалист в области социальной философии. Доктор исторических наук.

Покровский Иван Петрович (1872–1963) – социал-демократ, депутат Государственной думы от Кубанской, Терской областей и Черноморской губернии, входил в редакцию большевистской газеты «Звезда». Будучи депутатом, членом ряда думских комиссий, проявлял высокий профессионализм и принципиальность, за что неоднократно лишался слова.

Полетаев Николай Гурьевич (1872–1930) – видный российский социал-демократ, революционер. Член РСДРП с 1904 года, большевик. Депутат Государственной думы III созыва от рабочей курии Петербургской губернии. Возглавлял большевистскую группу в социал-демократической фракции. После победы Октябрьской революции – на советской и хозяйственной работе.

Пономарёв Алексей Алексеевич (род. 1942) – член ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого, второго, третьего, пятого, шестого созывов.

Попов Гавриил Харитонович (род. 1936) – российский политик и высокопоставленный чиновник. В советские годы член КПСС, учёный-экономист. В 1990 году – председатель Моссовета от блока «демократов», с 1991 по 1992 год – мэр Москвы. Один из активных разрушителей СССР.

Потапов Сергей Александрович (род. 1951) – современный российский политик и чиновник. Депутат Государственной Думы Федерального

Собрания Российской Федерации второго, третьего и четвертого созывов. Был членом фракции КПРФ. После провалившейся попытки поставить компартию Российской Федерации под контроль бизнесмена Г. Семигина – заместитель губернатора Нижегородской области.

Потёмкин-Таврический Григорий Александрович (1739–1791) – крупный государственный деятель Российской империи, светлейший князь, генерал-фельдмаршал. Руководил присоединением Крыма к России, основал Черноморский флот.

Похмелькин Виктор Валерьевич (род. 1960) – российский политик. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого – четвертого созывов. Входил в парламентские фракции избирательных блоков «Выбор России» и «Союз правых сил».

Предкальн Андрей Иванович (1873–1923) – российский и латышский социал-демократ, по специальности врач. Депутат Государственной думы III созыва от г. Риги. После победы Октябрьской революции – один из организаторов системы здравоохранения в Латвии.

Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) – российский политический деятель. Экономист и философ. До Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года был членом временного Центрального комитета Конституционно-демократической партии, но затем отошёл от кадетов и стал «внепартийным» социалистом. После февраля 1917 года – министр торговли и промышленности, министр продовольствия Временного правительства. Состоял в масонской ложе. Умер в эмиграции.

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – политический деятель Российской империи, придерживался крайне «правых» консервативных взглядов, монархист и «черносотенец». Депутат Государственной думы II, III и IV созывов от Бессарабской и Курской губерний. После победы Октябрьской революции – активный участник Гражданской войны на стороне «белых».

Путин Владимир Владимирович (род. 1952) – крупный политический деятель современности, Президент Российской Федерации.

Пятницкий (Таршис) Осип (Иосиф) Аронович (1882–1938) – большевик-подпольщик, член РСДРП с момента её основания. После Октябрьской революции – на партийной работе. Был членом ЦК ВКП(б), Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Незаконно репрессирован. Реабилитирован в 1956 году.

Райков Геннадий Иванович (род. 1939) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго – четвертого созывов. Был членом Центральной

избирательной комиссии Российской Федерации, председателем Народной партии Российской Федерации.

Рамишвили Исидор Иванович (1859–1937) – грузинский социал-демократ, меньшевик, по профессии учитель, депутат Государственной думы I созыва от Кутаисской губернии.

Рашкин Валерий Фёдорович (род. 1955) – член Президиума ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего – шестого созывов.

Резник Генри Маркович (род. 1938) – российский адвокат и общественный деятель. По политическим взглядам – крайний либерал и антикоммунист. Член президиума Российского еврейского конгресса.

Решульский Сергей Николаевич (род. 1951) – член Президиума, Секретарь ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого и седьмого созывов, первый заместитель руководителя фракции КПРФ в Государственной Думе. В настоящее время советник Председателя Государственной Думы.

Риман Николай Карлович (1864–1917) – военный деятель Российской империи, генерал-майор. «Прославился» как активный участник кровавого подавления первой русской революции 1905–1907 гг.

Родичев Фёдор Измаилович (1854–1933) – политический деятель Российской империи, член партии кадетов. Депутат Государственной думы I–IV созывов. После победы Октябрьской революции активный участник Гражданской войны на стороне «белых». С 1920 года – в эмиграции.

Рогов Василий Михайлович (1977–1929) – депутат Государственной думы I созыва от Пензенской губернии, рабочий стекольного завода.

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – крупный политический деятель Российской империи, лидер партии «Союз 17 октября». Председатель Государственной думы III и IV созывов. После победы Октябрьской революции 1917 года активный участник Гражданской войны на стороне «белых». С 1920 года – в эмиграции.

Рожков Николай Александрович (1868–1927) – российский политический деятель, член РСДРП с 1905 года Делегат IV и V съездов партии. В 1917 году, после победы Февральской революции, член ЦК партии меньшевиков, товарищ (заместитель) министра Временного правительства. В годы советской власти – на научной работе.

Романов Александр Николаевич (Александр II) (1818–1881) – российский император, инициатор масштабных политических и социально-

экономических реформ в стране. За манифест об отмене крепостного права именовался в народе «царём-освободителем».

Романов Иван Романович (1881–1919) – член РСДРП с 1898 года, большевик. Рабочий-арматурщик. Депутат Государственной думы II созыва от Нижегородской губернии. После победы Октябрьской революции – на советской работе: член ВЦИК РСФСР, Президиума Моссовета.

Романов Николай Александрович (Николай II) (1868–1918) – последний русский царь.

Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – российский революционер, видный большевик. После победы Октябрьской революции крупный советский государственный и партийный деятель: был Председателем Совета народных комиссаров СССР, Председателем Высшего Совета народного хозяйства СССР, членом Политбюро ЦК ВКП(б). Принадлежал к «правой» оппозиции. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован в 1988 году.

Рябинин Павел Александрович (1859–1930-е) – пермский купец, городской голова Перми в 1906–1916 годах. После Октябрьской революции – на хозяйственной работе.

Саакашвили Михаил Николозович (род. 1967) – современный грузинский и украинский политик, третий президент Грузии. Практиковал методы управления страной, близкие к фашистским. В настоящее время фигурант уголовного дела, возбуждённого грузинскими правоохранительными органами.

Савицкая Светлана Евгеньевна (род. 1948) – лётчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, первая в мире женщина-космонавт, вышедшая в открытый космос. Российский общественный и политический деятель, депутат фракции КПРФ в Государственной Думе второго – седьмого созывов.

Сазонов Иван Николаевич (1855–1915) – государственный деятель Российской империи, сенатор, тайный советник. Был Владимирским губернатором.

Самба Марсель (1862–1922) – один из лидеров Французской социалистической партии, в годы Первой мировой войны выступавших в поддержку милитаристской политики своего правительства.

Самойлов Фёдор Никитич (1882–1952) – активный участник русского революционного рабочего движения, лидер профессионального союза ситцепечатников. В 1912 году был избран в Государственную думу. После Великой Октябрьской социалистической революции входил в руководство Всесоюзного общества старых большевиков.

Савельев Иван Феофистович (1874–1933) – русский социал-демократ, типографский наборщик по профессии. Депутат Государственной думы Российской империи I созыва от съезда городских избирателей Москвы. После Октябрьской революции – на хозяйственной работе, экономист.

Савельев Максимилиан Александрович (1884–1939) – российский и немецкий революционер, член РСДРП с 1903 года. Будучи в эмиграции, состоял в Германской социал-демократической партии. После победы Советской власти – на партийной, хозяйственной и журналистской работе. Был кандидатом в члены ЦК ВКП(б), членом Президиума ВСНХ, редактором газет «Правда» и «Известия».

Самойлова Конкордия Николаевна (1876–1921) – активная участница революционного движения царской России, большевичка. После победы Октябрьской революции – организатор женского пролетарского движения в РСФСР, основательница журнала «Работница».

Свердлов Яков Михайлович (1885–1919) – выдающийся деятель революционного движения царской России, большевик-подпольщик. Один из организаторов Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде. После победы Октябрьской революции – первый Председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета.

Селезнёв Геннадий Николаевич (1947–2015) – крупный российский государственный и политический деятель, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго и третьего созыва. Состоял в КПРФ.

Семашко Николай Александрович (1874–1949) – российский революционер, видный большевик. После победы Октябрьской революции – крупный советский партийный и государственный деятель, один из организаторов системы здравоохранения в СССР, академик АМН СССР.

Семигин Геннадий Юрьевич (род. 1964) – современный российский политик и бизнесмен. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего и четвёртого созывов, входил во фракцию КПРФ. После провалившейся попытки поставить Компартию Российской Федерации под свой личный контроль, основал и возглавил политическую партию «Патриоты России».

Сергеев Фёдор Андреевич («товарищ Артём») (1883–1921) – видный революционер-большевик, советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1902 года. Организатор ряда крупных забастовок в Донбассе, активный участник Первой русской революции 1905–1907 годов. Неоднократно подвергался арестам, приговорён к вечной ссылке в Сибирь. Долгое время жил в эмиграции. После Октябрьской революции – председатель Совета народных комиссаров Донецко-Криворожской советской Республики. Член ЦК РКП(б), секретарь МК партии, член ВЦИК и ЦИК Украины.

Серебряков Иван Давидович (1881–?) – член РСДРП. Рабочий-механик, затем конторщик на заводе. Депутат Государственной думы II созыва от Уфимской губернии.

Серебряков Леонид Петрович (1888–1937) – российский революционер, член РСДРП с 1905 года, большевик. После победы Октябрьской революции – на военной, партийной и хозяйственной работе: был начальником Политуправления Рабоче-крестьянской Красной Армии, секретарём и членом Оргбюро ЦК РКП(б), заместителем Наркома путей сообщения. Принадлежал к троцкистской оппозиции курсу ЦК ВКП(б). Репрессирован. Реабилитирован в 1986 году.

Серов Василий Матвеевич (1878–1918) – член РСДРП с 1905 года, большевик. По профессии учитель. Депутат Государственной думы Российской империи II созыва от Саратовской губернии. Отбывал тюремное заключение и каторгу. После победы Октябрьской революции один из организаторов Советской власти в Забайкалье. Казнён белогвардейцами.

Сименс Вернер (1816–1892) – немецкий промышленник, инженер и изобретатель. Основатель всемирно известной компании «Siemens».

Синельщиков Юрий Петрович (род. 1947) – российский государственный и политический деятель. Был первым заместителем прокурора г. Москвы. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого и седьмого созывов. Член ЦК КПРФ. Заслуженный юрист Российской Федерации.

Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870–1928) – один из старейших российских социал-демократов, большевик. Входил в Московский комитет РСДРП, редакцию газеты «Правда». После Великой Октябрьской социалистической революции – видный советский партийный и государственный деятель, первый Народный комиссар финансов РСФСР. Историк и философ.

Скуратов Юрий Ильич (род. 1952) – государственный деятель Российской Федерации, Заслуженный юрист России, доктор юридических наук. В 1995–2000 годах – Генеральный прокурор Российской Федерации.

Смирнов Александр Иванович (1880–?) – депутат Государственной думы I созыва от Костромской губернии. Входил в «Трудовую группу», затем – в Социал-демократическую фракцию. По профессии токарь.

Смирнов Александр Петрович (1877–1938) – участник российского революционного движения с 1896 года, член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Член РСДРП, видный большевик. После Октябрьской революции – советский государственный и партийный деятель: был секретарём ЦК ВКП(б), Наркомом земледелия РСФСР, пер-

вым заместителем Председателя СНК РСФСР, членом Президиума ВСНХ СССР. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован в 1958 году.

Смирнов Анатолий Филиппович (1925–2009) – советский, российский учёный-историк, доктор исторических наук.

Смолин Олег Николаевич (род. 1952) – депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго – шестого созывов, член фракции КПРФ. Доктор философских наук.

Соколов Василий Николаевич (1874–1959) – участник российского революционного движения. Профессиональный революционер, член РСДРП с 1898 года. Партийный журналист. За политическую деятельность был сослан в Сибирь. После победы Октябрьской революции – на административной и научной работе.

Спандарян Сурен Спандарович (1882–1916) – революционер-большевик, член ЦК РСДРП(б), видный армянский литератор и публицист.

Спиридович Александр Иванович (1873–1952) – государственный деятель Российской империи, начальник императорской дворцовой охраны. Служил в Отдельном корпусе жандармов, Московском и Киевском охранных отделениях. Генерал-майор.

Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) – российская революционерка, лидер партии левых эсеров.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) – крупнейший политический деятель XX века, один из создателей партии большевиков, выдающийся пропагандист и теоретик марксизма. Более четверти века – лидер Коммунистической партии и Советского Союза, мирового коммунистического движения. Организатор Победы Советского народа в Великой Отечественной войне.

Стасова Елена Дмитриевна (1873–1966) – член РСДРП с 1898 года, большевичка-подпольщица. После Великой Октябрьской социалистической революции – активный работник Коммунистического Интернационала и всемирного антифашистского движения, партийный и государственный деятель СССР.

Столь Вильгельм Германович (1843–1924) – российский промышленник, общественный деятель и благотворитель.

Столыпин Пётр Аркадьевич (1862–1911) – государственный деятель Российской империи. В разные годы занимал посты Гродненского и Саратовского губернатора, министра внутренних дел, премьер-министра.

Струмилин Станислав Густавович (1877–1974) – революционер, политический деятель Российской империи. Член РСДРП с 1899 года, примыкал к меньшевикам. С 1923 года – в РКП(б). После победы Октябрьской революции – видный советский учёный-экономист, член Академии наук СССР. Один из авторов плана индустриализации СССР.

Сурков Пётр Ильич (1876–1946) – участник рабочего забастовочного движения. Член РСДРП, большевик. Депутат Государственной думы III созыва по рабочей курии от Костромской губернии.

Тайсаев Казбек Кукукович (род. 1967) – член Президиума и Секретарь ЦК КПРФ, Первый заместитель Председателя Центрального Совета СКП-КПСС, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого и седьмого созывов.

Татаринов Михаил Спиридонович (1857-?) – член РСДРП, большевик. Служил бухгалтером в уездной земской управе и на асфальтовом заводе, затем смотрителем больницы. Депутат Государственной думы II созыва от Симбирской губернии.

Таубе Фёдор Фёдорович (1857–1911) – государственный деятель Российской империи, генерал-лейтенант, командир Отдельного корпуса жандармов.

Шидловский Сергей Илиодорович (1861–1922) – политический деятель Российской империи, член Государственной думы III и IV созывов от Воронежской губернии. Товарищ (заместитель) председателя Государственной думы. Входил во фракцию «Союза 17 октября». После победы Октябрьской революции – активный борец с советской властью.

Терещенков Николай Викторович (1875–1915) – жандармский ротмистр, заместитель главы губернской полиции. «Прославился» в годы Первой русской революции (1905–1907) кровавыми расправами над восставшим народом. Командовал расстрелом рабочих 17 (4) апреля 1912 года на Ленских приисках.

Тизенгаузен Евгений Евгеньевич (1860–1920) – государственный деятель и политик Российской империи. Член «Союза 17 октября», депутат Государственной думы III созыва от Московской губернии.

Тихонов Георгий Иванович (1934–2009) – советский государственный деятель и российский политик. Был заместителем министра энергетики СССР, избирался в Верховный Совет Союза ССР. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго и третьего созывов.

Толстой Пётр Олегович (род. 1969) – российский журналист и политик. Заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва от «ЕДИНОЙ РОССИИ».

Торнтон Джеймс Джордж (Яков Иванович) – российский промышленник английского происхождения. Владел ткацкой фабрикой в Санкт-Петербурге.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – крупный политик и революционер XX века. До 1917 года – «внефракционный» социал-демократ, идейный противник В. И. Ленина. В 1917 году вступил в РСДРП(б), стал одним из организаторов Великой Октябрьской социалистической революции. После победы революции – военный и государственный деятель Советской России, дипломат. За антипартийную деятельность выслан из Советского Союза. Накануне Второй мировой войны вёл активную работу по расколу мирового коммунистического движения, основал так называемый «IV (троцкистский) Интернационал». Убит испанским коммунистом по заданию спецслужб СССР.

Трошо Луи Жюль (1815–1896) – французский генерал, военный и политический деятель, председатель Правительства национальной обороны во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов.

Туманов Владимир Александрович (1926–2011) – государственный деятель Российской Федерации, известный советский и российский юрист. В 1995–1997 годах – Председатель Конституционного Суда Российской Федерации.

Тюлькин Виктор Аркадьевич (род. 1951) – советский и российский политический деятель, руководитель «Российской коммунистической рабочей партии», депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвёртого созыва, входил во фракцию КПРФ.

Ульянова Мария Ильинична (1878–1937) – деятель российского революционного движения, член РСДРП с 1898 года, большевичка. Младшая сестра В. И. Ленина. После победы Октябрьской революции – на партийной и журналистской работе.

Урилов Ильягу Ханукаевич (род. 1956) – советский и российский историк, академик РАН, специалист в области истории социал-демократии.

Федулов Александр Михайлович (род. 1958) – российский политик и чиновник. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва. Входил в парламентскую фракцию избирательного блока «Единство (Медведь)».

Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820–1892) – русский поэт и переводчик.

Хакамада Ирина Муцуовна (род. 1955) – российский политик либерального толка. Была депутатом Государственной Думы Федерального Собрания

Российской Федерации первого – третьего созывов. Состояла в Коммунистической партии Советского Союза, Партии экономической свободы, Союзе правых сил, демократической партии «Наш выбор», Российском народно-демократическом союзе. В настоящее время – член «Партии Роста».

Харитонов Николай Михайлович (род. 1948) – член Президиума ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого – седьмого созывов.

Цертели Ираклий Георгиевич (1881–1959) – политический деятель Российской империи, член РСДРП, меньшевик. Депутат Государственной думы II созыва от Кутаисской губернии, председатель Социал-демократической фракции. После победы Октябрьской революции 1917 года – в эмиграции.

Цертели Симон Николаевич (1858–?) – бывший священник, член РСДРП, меньшевик. Депутат I Государственной думы от Тифлиской губернии.

Ципко Александр Сергеевич (род. 1941) – российский учёный и общественный деятель либерального направления. В советские годы работал в ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС, Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР. После 1991 года – активный антикоммунист и антисоветчик, участник разнообразных ток-шоу на телевидении.

Чащин Василий Андреевич (1881–1961) – большевик, член РСДРП с 1906 года. Депутат Государственной Думы I созыва от рабочей курии. После Октябрьской революции – на советской и хозяйственной работе в Забайкалье.

Череванин (Липкин) Фёдор Андреевич (1869–1938) – российский социал-демократ, меньшевик-ликвидатор. После победы Октябрьской революции работал в ряде советских учреждений.

Чубайс Анатолий Борисович (род. 1955) – российский политик либерального толка. Был министром финансов Российской Федерации, первым заместителем Председателя Правительства Российской Федерации, руководителем Администрации Президента Российской Федерации. «Отец» ваучерной приватизации и прямой виновник массового обнищания российских граждан в 1990-е годы.

Чуриков (Чурюков) Василий Николаевич (1876 – после 1929) – социал-демократ, меньшевик. По профессии слесарь. Депутат Государственной думы Российской империи I созыва от Московской губернии. Входил в «Трудовую группу», затем – в Социал-демократическую фракцию.

Чхеидзе Николай Семёнович (1864–1926) – деятель революционного движения Российской империи. Член РСДРП, меньшевик. По происхождению дворянин. Депутат Государственной думы III и IV созывов от Тифлис-

ской губернии. Председатель социал-демократической, меньшевистской фракции. Состоял в масонской ложе «Великого Востока народов России». После Февральской революции 1917 года – председатель исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Всероссийского Центрального исполнительного комитета I созыва. После победы советской власти – в эмиграции.

Чхенкели Акакий Иванович (1874–1959) – политический деятель Российской империи. Член РСДРП, меньшевик. Депутат Государственной думы IV созыва от Батумской, Карсской областей и Сухумского округа. Состоял в масонской ложе. С 1921 года – политэмигрант.

Шагов Николай Романович (1882–1918) – видный деятель революционного движения Российской империи. Член РСДРП, большевик. Депутат Государственной думы IV созыва, избранный по рабочей курии от Костромской губернии.

Шаймиев Минтимер Шарипович (род. 1937) – российский политик. Был Президентом Республики Татарстан, один из создателей политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ».

Шанцер Виргилий Леонович (1867–1911) – российский революционер, член РСДРП, большевик. Активный участник Первой русской революции 1905–1907 годов, один из организаторов Декабрьского вооружённого восстания в Москве.

Шаумян Степан Георгиевич (1878–1918) – один из главных организаторов революционного движения на Кавказе, большевик-ленинец, член ЦК РСДРП(б). После победы Великой Октябрьской социалистической революции возглавил Бакинский совет народных комиссаров (Бакинскую Коммуну). Расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров эсерами и английскими интервентами.

Шварцман Давид Маркович (1884–1968) – российский революционер, видный большевик. Член ЦК РСДРП(б). После победы Октябрьской революции – на советской и профсоюзной работе.

Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич (1928–2014) – Президент Грузии в 1995–2003 годах. Политическую карьеру начинал как советский политик и государственный деятель: возглавлял ЦК Комсомола и Компартии Грузии, входил в Политбюро ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, был министром иностранных дел СССР. Затем, став политическим ренегатом, сыграл одну из главных ролей в разрушении Советского Союза. Свергнут с поста Президента Грузии в результате государственного переворота.

Шелохаев Валентин Валентинович (род. 1941) – российский учёный, доктор исторических наук, специалист по политической истории России.

Шендерович Виктор Анатольевич (род. 1958) – российский журналист, писатель и общественный деятель либерального направления. Активный поборник идеи «цветной революции» в России.

Шингарёв Андрей Иванович (1869–1918) – политический и государственный деятель Российской империи, депутат Государственной Думы II–IV созывов, член ЦК партии кадетов, земский врач в Воронежской губернии. Автор книги «Вымирающая деревня».

Ширшов Константин Владимирович (род. 1974) – депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого и шестого созывов, член фракции КПрФ. В 2013 году лишён депутатской неприкосновенности большинством Государственной Думы.

Шпагин Алексей Алексеевич (1879–1938) – член РСДРП, большевик. Работал в пермских железнодорожных мастерских. Депутат Государственной думы Российской империи II созыва по рабочей курии от Пермской губернии. После победы Октябрьской революции – на партийной и хозяйственной работе. Незаконно репрессирован.

Шувалов Иван Евсеевич (1875–1909) – член РСДРП, меньшевик. Работал приказчиком, содержал книжный магазин. Депутат Государственной думы I созыва от Самарской губернии.

Шульга Александр Васильевич (1949–2011) – российский политик. Входил во фракцию КПрФ в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва.

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – политический деятель Российской империи, монархист. Депутат Государственной думы II, III и IV созывов. После победы Октябрьской революции – активный участник Гражданской войны на стороне «белых». Долгое время жил в эмиграции. Добровольно вернулся и умер в СССР.

Шурчанов Валентин Сергеевич (род. 1947) – член Президиума, Секретарь ЦК КПрФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего, пятого, шестого, седьмого созывов.

Эльдарханов Таштемир Эльжуркаевич (1870–1934) – выдающийся общественный деятель Кавказа, чеченский просветитель и писатель. В царской России был членом I и II Государственных дум. После победы Октябрьской революции избирался председателем ЦИК Горской АССР, председателем исполкома Чеченской автономной области. Делегат Всероссийских съездов Советов, член ВЦИК и ЦИК СССР.

Энгельс Фридрих (1820–1895) – гениальный соавтор и соратник К. Маркса. Крупнейший мыслитель и революционер XIX века.

Юшенков Сергей Николаевич (1950–2003) – российский политик либерального направления. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого, второго и третьего созывов. Входил в парламентские фракции избирательных блоков «Выбор России» и «Союз правых сил».

Явлинский Григорий Алексеевич (род. 1952) – российский политик. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого – третьего созывов. Возглавлял партию «Яблоко» и её парламентскую фракцию.

Ягелло Евгений Юзефович (1873–1947) – российский и польский политический деятель. Член Польской социалистической партии. Депутат Государственной думы Российской империи IV созыва от Варшавы, входил в Социал-демократическую фракцию (меньшевиков).

Яковлев Александр Николаевич (1923–2005) – начинал как советский политик и государственный деятель: был послом СССР в Канаде, входил в Политбюро ЦК КПСС и Верховный Совет СССР. Затем, став политическим ренегатом, сыграл одну из главных ролей в разрушении Советского Союза.

Источники и литература

1. Устав Политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации». – М., 2013. – С. 3.
2. Латынина Ю. Русский булочник, или Собственнократия. Какие реформы нужны России, а какие ей противопоказаны // Новая газета. – 14 ноября 2011 г. – № 127.
3. Граве Б. Б., Нечкина М. В., Панкратова А. М., Сидоров К. Ф. Очерки истории пролетариата СССР / предисл. М. Н. Покровского. – М.: Акционерное издательское общество «Огонёк», 1931.
4. Государство российское: власть и общество. С древнейших времён до наших дней: сборник документов / под ред. Ю. С. Кукушкина. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 251 с.
5. Воровский В. В. Избранные произведения о Первой русской революции. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 148–150.
6. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. – СПб., 1905. – Т. 1. – 160 с.
7. Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. – М.: Политиздат, 1987.
8. Шелохаев В. В. Российская социал-демократия в контексте модернизации // Мировая социал-демократия: теория, история и современность: материалы научной международной конференции. Москва, 25–26 июня 2003 года. – М.: Изд-во «Собрание», 2006. – С. 81.
9. Батурин Н. Н. Сочинения / под ред. А. И. Елизаровой, М. С. Ольминского, М. А. Савельева. – М.; Л.: Государственное издательство, 1930.
10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1973.
11. Соловьёв А. А. Съезды и конференции КПСС: Справочник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1986.
12. Урилов И. Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). – М.: Собрание, 2005. – Ч. 3.
13. Зиновьев Г. Е. История Российской Коммунистической Партии (большевиков). Популярный очерк. – 6-е изд. – Л.: Государственное издательство, 1925.
14. Борьба за массы в трёх революциях в России: Пролетариат и средние городские слои // В. П. Булдаков, А. Е. Иванов, Н. А. Иванова и др. – М.: Мысль, 1981.
15. Самойлов Ф. Н. По следам минувшего. – 2-е изд., доп. – М.: ОГИЗ – Государственное издательство политической литературы, 1948.
16. Гразкин Д. И. За тёмной ночью день вставал... Воспоминания старого большевика. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1982.
17. Балабанов М., Дан Ф. Рабочие депутаты в первой Государственной думе. – СПб.: Книгоиздательство Н. Глаголева, 1907.

18. Мельников И. И. Об эффективности работы коммунистов в органах законодательной, исполнительной власти и в местном самоуправлении: доклад на XV Пленуме ЦК КПРФ 27 марта 2004 г. // Диалог – май 2004 г. – № 4–5. – С. 6.
19. Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. – М.: Издательство «Наука», 1983.
20. Ольминский М. С. Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911–1914 гг.). – 2-е изд., доп. – М.; Л.: Государственное издательство, 1929.
21. Стасова Е. Д. Воспоминания. – М.: Издательство «Мысль», 1969.
22. Четвёртый (объединительный) съезд РСДРП (апрель – май 1906 года): протоколы. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.
23. Материалы совместного Пленума ЦК и ЦКРК КПРФ (22 марта 2008 года). – М.: Издательство ИТРК, 2008. – 41 с.
24. Полтавченко не заметил, что бюджетников заставляют голосовать досрочно. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://mr7.ru/articles/106278/>.
25. Струмилин С. Г. Из пережитого. 1897–1917 гг. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.
26. Скворцов-Степанов И. И. Избранное. – М.: Издательство «Известия», 1970. – 157 с.
27. Моисеенко П. А. Воспоминания старого революционера. – М.: Изд-во «Мысль», 1966.
28. Мартов Л. История российской социал-демократии. – М., 1918. – Ч. I.
29. Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской империи 1906–1917 гг.: историко-правовой очерк. – М.: Книга и бизнес, 1998.
30. Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907): сборник / вступ. ст. А. Нинова, составление, подготовка текста и примечания Н. Банк, Н. Захаренко и др. – Л.: Сов. писатель, 1985.
31. Спандарян С. С. Статьи, письма, документы. – М.: Политиздат, 1982. – 27 с.
32. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914 / пер. с нем. И. Иловойской. – М.: «Русский путь / Полиграфресурсы», 1995. – С. 491–492.
33. Зайчиков Г. И. Думская тактика большевиков (1905–1917): учеб. пособие. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1975.
34. Зорин В. Ю., Аманжолова Д. А., Кулешов С. В. Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законоотворчества / предисл. Г. А. Селезнёва. – М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1999.
35. Шаумян С. Г. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 1.
36. Воронежские большевики в революции 1905–1907 гг. – Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1957.
37. Егоров И. В. От монархии к октябрю. Воспоминания. – Л.: Лениздат, 1980.
38. Лядов М. Н. Из жизни партии в 1903–1907 годах. Воспоминания. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.

39. Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. – М.: Издательство Московского университета, 1958. – С. 33–34.
40. Михайлов И. К. Четверть века подпольщика. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.
41. Чащин В. А. В суровые годы. Воспоминания старого большевика. – Свердловск: Свердловское книжное изд-во, 1957.
42. Вите С. Ю. Воспоминания: в 3 т. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. – Т. 3. Царствование Николая II (17 октября 1905–1911 гг.)
43. Второй съезд РСДРП (июль – август 1903 года): протоколы. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – 217 с.
44. Коммунистическая партия Российской Федерации в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1992–1999) / сост. В. Ф. Грызлов. – М.: Издательство ИТРК, 1999. – 47 с.
45. Виктор Тюлкин: Зюганов никогда никому не ответил на критику по существу вопросов коммунистической теории, ни с кем не вступил в схватку идей. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://forum-msk.org/material/politic/734581.html>.
46. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.
47. Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. (Воспоминания). – М.: Политиздат, 1968. – Кн. 1. – С. 314–315.
48. Государственная Дума России: Энциклопедия: в 2 т. / ред. совет: С. Е. Нарышкин (пред.) и др.; отв. ред. В. В. Шелохаев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Челябинск: Авто Граф, 2013. – Т. 1: Государственная Дума Российской империи, 1906–1917.
49. Пятницкий О. Записки большевика. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.
50. Слово старых большевиков. Из революционного прошлого. – М.: Московский рабочий, 1965. – С. 57–58.
51. Караваев П. Н. В дооктябрьские годы. На партийной работе, в тюрьме и ссылке. – 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1953.
52. Бобровская (Зеликсон) Ц. С. Страницы из революционного прошлого (1903–1908). – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 52 с.
53. Коммунистическая партия Российской Федерации в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (2001–2005) / сост. В. Ф. Грызлов. – М.: Издательство ИТРК, 2005. – 105 с.
54. Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Пятый съезд РСДРП. Май – июнь 1907 г. / под ред. Е. Ярославского. – 2-е изд. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.
55. Первый Всероссийский съезд депутатов-коммунистов и глав органов исполнительной власти, избранных при поддержке КПРФ. – М.: Издательство ИТРК, 2013.
56. Буренин Н. Е. Памятные годы. – Л.: Лениздат, 1961. – С. 162–163.

57. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчёты. Сессия II, том I, с. 248.
58. Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). – М.: Изд-во «Весь Мир», 2000. – 260 с.
59. Покровский М. Н. Избранные произведения. – М.: Мысль, 1967. – Кн. 3.
60. Неудавшийся разгон // Историк. – 2016. – № 3 (15). – С. 80–87.
61. Аносов П. А. Записки коммуниста. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – 120 с.
62. Александр Иванович Гучков рассказывает... – М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993.
63. Листовки петербургских большевиков. – Л., 1939. – Т. 2 (1907–1917).
64. Бадаев А. Е. Большевики в Государственной думе. – М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1939.
65. Пономарёва И. А. Пропаганда и агитация большевиков в годы реакции (1907–1910 гг.). – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – 77 с.
66. Зюганов Г. А. На переломе. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 192 с.
67. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. – М.: Издательство политической литературы, 1987. – Т. 1. – 238 с.
68. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. Сессия I, ч. III. – СПб., 1908. – Ст. 3612.
69. Фракция КПрФ в Государственной Думе в 2010 году. – М.: Издательство Государственной Думы, 2011. – С. 8.
70. Соколов В. Н. Партбилет № 0046340. Записки старого большевика. Часть третья. Сибирь – демократическая страна. – М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935.
71. Троцкий Л. Д. Политические силуэты. – М.: Изд-во «Новости», 1990.
72. Избранные выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 годы. – М.: Издание Государственной Думы, 2012. – 112 с.
73. Протоколы Совещания расширенной редакции «Пролетария». Июнь 1909 г. – М.: Партиздат, 1934.
74. Семашко Н. А. Избранные произведения. – М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1954.
75. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. Сессия III, ч. IV. – С-Пб. – Ст. 1094–1095.
76. О работе фракции Коммунистической партии Российской Федерации в Государственной Думе в 2008 году. – М.: Издание Государственной Думы, 2009. – 30 с.
77. Россия в тисках кризиса. О работе фракции Коммунистической партии Российской Федерации в Государственной Думе в 2009 году. – М.: Издание Государственной Думы, 2010. – 98 с.
78. Зюганов Г. А. Мы дети дома одного. Россия и национальный вопрос. – М.: Издательство ИТРК, 2013. – С. 110–111.
79. Тарасов А. Яхтовый метод // Новая газета. – 22 февраля 2017 года – № 19.
80. Концы в воду // Компания. – 28 сентября 2015 г. – № 35 (863).

81. Материалы VI (октябрьского) Пленума ЦК КПРФ. – М., 2014. – С. 57–59.
82. Зюганов Г. А. Время и рабочий класс. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 118 с.
83. Кашин В. И. Экономическая и социальная стратегия КПРФ. – М.: Правда-Пресс, 2005. – 28 с.
84. Революционная деятельность В. М. Молотова в Ленинграде. – Л.: Газетно-журнальное издательство Ленинградского горисполкома, 1940.
85. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919 / сост., авт. вст. ст., коммент., имен. указ. С. С. Волк. – М.: Современник, 1991. – 169 с.
86. Сталин И. В. Сочинения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. – Т. 2.
87. Зюганов устроил в Марий Эл «светопреставление» в будёновке. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravda.ru/politics/elections/regional/02-10-2009/326006-kom_miting-0/.
88. European Parliament. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=B6-2005-0294&format=XML&language=EN>.
89. Быков Д. Просталинились // Профиль. – 2016. – № 18 (952). – С. 40.
90. Киров С. М. Избранные статьи и речи (1912–1934). – М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1939. – 99 с.
91. Родзянко М. В. Крушение империи / предисл. и примеч. С. Пионтовского. – Харьков: Изд-во СП «Интербук», 1990. – С. 73–74.
92. Спиридович А. Записки жандарма. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 193–194.
93. Зюганов Г. А. За единство. Беседа с коммунистами о ситуации в КПРФ. – М.: ИТРК, 2004. – С. 41–43.
94. Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Моск. охранного отд-ния. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1990. – С. 11–12.
95. Савинков Б. В. Избранное. – М.: Издательство «Новости» (АПН) совместно с «Инновационным фондом», 1990. – 305 с.
96. Крыленко Н. В. Судебные речи. Избранное. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1964. – 32 с.
97. Великая сила ленинских идей. Сборник. – М.: Госполитиздат, 1960. – С. 383, 385.
98. Сажнева Е. Люди порохового погреба // Новая газета. – 2016. – № 33.
99. Большевицкая фракция IV Государственной думы: сборник материалов и документов / сост. М. Л. Лурье. – Л.: ОГИЗ Ленинградское отделение Государственного социально-экономического издательства, 1938.
100. Статистический ежегодник России. 1914 г. / сост. А. М. Анфимов. – Петроград, 1915: Отд. II.
101. Комаров А. Правда о переселенческом деле. – С. – Пб., 1913. – 74 с.
102. Спасение России – в единстве действий трудового народа. – М.: АНО «Редакция газеты «Правда», 2010. – С. 13.
103. Никифорова Ю. Сгустились тучи. Заметки депутата – участника думского конфликта // Советская Россия. – 19 июня 2001 г. – № 70 (12 115).

104. ВТО – удавка для России. – М.: АНО «Редакция газеты «Правда», 2012. – С. 8.
105. Каутский К. Размножение и развитие в природе и обществе. – Петроград, 1919. – С. 14.
106. Артём. Статьи, речи, письма / Ф. А. Сергеев. – М.: Политиздат, 1983. – 136 с.
107. Петровский Г. И. Избранные произведения / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории партии при ЦК Компартии Украины – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; редкол.: В. И. Куликов, И. Ф. Курас, С. Ф. Лукин и др. – М.: Политиздат, 1987.
108. Зюганов Г. А. Идти вперёд. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 181 с.
109. Кунаев Д. А. Ленинская национальная политика КПСС – в действии: избранные речи и статьи. – М.: Политиздат, 1981. – 277 с.
110. Ленины закончились. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://politikus.ru/politikus/events/68731-leniny-zakonchilis.html>.
111. Пётр Толстой обвинил выходцев из-за черты оседлости в нежелании отдать РПЦ Исаакиевский собор. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/01/24/televvedushhiy-tolstoy-obvinil-evreev-v-nezhelanii-otdat-rpc-isaakievskiy-sobor.html>.
112. Образование: для «рынка» или для Человека? Общественные слушания: «Две концепции Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации": сравнительный анализ» 18 января 2011 г. – М., 2011. – С. 5–6.
113. Суханов Н. Наши левые группы и война. – Петроград: Тип. Е. М. Малаховского, 1916. – 98 с.
114. Самойлов Ф. Н. Большевики в IV Государственной думе. – М.: Молодая гвардия, 1931. – С. 80–81.
115. Большевики в годы империалистической войны (1914 – февраль 1917): сборник документов местных большевистских организаций. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1939. – С. 20–21.
116. Дажина И. М. Несломленные. – М.: Политиздат, 1986. – С. 71–72.
117. Свердлов Я. М. Избранные произведения в трёх томах. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 1. – С. 35.
118. К 100-летию издания Манифеста 1905 года об учреждении Государственной думы: материалы научно-практической конференции. Петергоф, 6 октября 2005 г. – СПб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та, 2005. – С. 25.
119. Самойлов Ф. Н. Как происходили выборы при царизме. – 3-е изд. – М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1945. – С. 15.
120. Зорькин В. Д. 110 лет в поисках согласия // Российская газета. – 29 апреля 2016 г. – № 93 (6961).
121. Материалы IV (апрельского) совместного Пленума ЦК и ЦКРК КПРФ. – М., 2014. – С. 19.

Г. А. Зюганов

И. И. Мельников

В. И. Кашин

Ж. И. Алфёров

**Руководители СКП-КПСС
Г. А. Зюганов, П. Н. Симоненко и К. К. Тайсаев**

**Председатель ЦК КПРФ Г. А. Зюганов и его заместители
Ю. В. Афонин и Д. Г. Новиков**

Снос вандалами памятника
Г. И. Петровскому на Украине

Депутаты фракции КПРФ
у стен Государственной Думы
протестуют вместе с народом

Экстренное заседание фракции КПРФ
в зале заседаний Государственной Думы

Об авторе

Макаров Игорь Николаевич родился в 1974 году в Воронеже. Окончил Воронежскую государственную технологическую академию, Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации, Московскую гуманитарно-социальную академию.

Работал на государственных должностях в ряде структур законодательной и исполнительной власти. Избирался депутатом Воронежской областной Думы. В настоящее время – главный референт аппарата фракции Коммунистической партии Российской Федерации в Государственной Думе.

Преподавал общественные дисциплины в московских и воронежских вузах. Автор ряда научных статей и книг «Со Сталиным и без него», «Последняя вылазка ренегата».

С 1992 года состоит в Коммунистической партии Российской Федерации. Член Центрального комитета КПРФ, заместитель председателя Центрального совета СКП – КПСС.

Почётный работник сферы молодёжной политики Российской Федерации. Награждён почётными грамотами Государственной Думы, Министерства образования и науки России, Общества «Знание» России.

Фракция КПРФ –
фракция большевиков в Государственной Думе:
110 лет на службе народу

Редактор Е. А. Бутина
Корректор Т. Д. Романосова
Компьютерная вёрстка Л. А. Дерр

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Подписано в печать 24.10.2017
Формат 60x90/16. Печ. л. 10,0. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 3485

Отпечатано с оригинал-макета: ИП Мочалов С. В.
162614, Вологодская область, г. Череповец, ул. Сергея Перца, 3